

МИР РУССКОГО СЛОВА

ТЕМА НОМЕРА: 150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ И.А. БУНИНА

2/2020

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"МОДАЛЬНОСТЬ. КОММУНИКАЦИЯ. ТЕКСТ"
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. КАНТА
(КАЛИНИНГРАД, 29-30 СЕНТЯБРЯ 2020 Г.)

№ 2
2020

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель:

Ассоциация преподавателей русского языка и
литературы

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского
государственного университета

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Адрес редакции:

199106, СПб, Большой пр. В.О., д. 80
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

К. А. Рогова (главный редактор) –

д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ

И. З. Белобровцева – д-р филол. наук,
проф. Таллинского ун-та

С. И. Богданов – д-р филол. наук, проф.,
ректор РПУ им. А. И. Герцена

В. В. Воробьев – д-р филол. наук, член-корр. РАЕН,
проф., зав. каф., РУДН

С. Н. Голубев – канд. филол. наук,
ген. директор ЗАО “Златоуст”

Л. П. Клобукова – д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО,
зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Ю. Е. Прохоров – д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф. СПбГУ

М. Ю. Сидорова – д-р филол. наук,
проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих – д-р филол. наук, проф. СПбГУ

В. М. Шаклеин – д-р филол. наук, проф.,
член-корр. РАЕН, зав. каф.

The Founder:

Association of Teachers of Russian Language
and Literature

Publisher:

St. Petersburg State University
Publishing House

Publisher’s address:

11, 6 Line V.O. St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board’s address:

80, Bol’shoy av. V. O., St. Petersburg,
199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

K. A. Rogova – editor-in-chief

St. Petersburg State University

I. Z. Belobrovceva

Tallinn University

S. I. Bogdanov

Herzen State Pedagogical University of Russia

V. V. Vorobjov

Peoples’ Friendship University of Russia

S. N. Golubev

Zlatoust Ltd. company

L. P. Klobukova

Lomonosov Moscow State University

Yu. E. Prokhorov

St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova

Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh

St. Petersburg State University

V. M. Shaklein

Peoples’ Friendship University of Russia

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is repre-
sented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)

– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»

117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

Тираж 400 экз.

Цена свободная

Адрес типографии:

199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 2 2020

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —
д-р филол. наук, проф.

Редактор:

Д. А. Шукина —
д-р филол. наук, проф.

Редактор:

А. С. Иванова —
канд. педагог. наук, доцент

Перевод:

А. Д. Степанов —
д-р филол. наук, проф.

Выпускающий редактор:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]

- 4 Памяти В.Г. Костомарова

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

- 7 Н. М. Кропачев, С. А. Кузнецов
Государственный язык Российской
Федерации – понятный русский язык
- 14 Г. Н. Склиревская
Система, норма и узус в стилистике
- 21 Н. В. Богданова-Бегларян
Ядро и периферия лексико-
грамматической характеристики
слова: о судьбе периферийных
единиц
- 30 Л. В. Рацибурская
Социально-значимые слова в
современных деривационных
процессах

[КУЛЬТУРА РЕЧИ]

- 35 Т. В. Леонтьева, А. К. Щетинина
Репрезентация противоположностей
в слове *друг-враг*: контекстный
анализ
- 40 Т. И. Петрова, Т. В. Фролова
Дискурсивные практики сельских
жителей: на материале языка
Приморья

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]

- 46 П. А. Якимов
Лексико-тематическая группа «ЕДА»
в оренбургских говорах
- 49 И. В. Реброва
Российско-австрийское культурное
пространство как единый
дискурс: содержание, типология,
методический потенциал
- 62 Г. М. Васильева, Ян Хайянь
Лингвокультурологический учебный
словарь как средство формирования
филологической компетенции
китайских студентов (на материале
учебного словаря номинативного
поля *русский интеллигент*)

[OFFICIAL MATERIALS]

In memory of V. G. Kostomarov

[LINGUISTIC REMARKS]

Nikolay M. Kropachev, Sergey A. Kuznetsov
The Official Language of the Russian Federa-
tion is Clear Russian

Galina N. Skliarevskaja
System, Norm and Usus in Stylistics

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
The Core and Periphery of the Lexical and
Grammatical Characteristics of the Russian
Word: on the Fate of Peripheral Units

Larisa V. Ratsiburskaya
Socio-significant Words in the Modern Deri-
vational Processes

[SPEECH CULTURE]

Tatyana V. Leontyeva, Anna V. Shchetinina
Representation of Opposites in the Word *drug-
vrag* [Friend-Enemy]: Contextual Analysis
Tatiana I. Petrova, Tatiana V. Frolova

Discursive Practices of Rural Residents: on the
Material of the Language of Primorye

[LINGUOCULTURAL STUDIES]

Petr A. Yakimov
Leksiko-thematic Group «Food» in the Oren-
burg Dialects

Irina V. Rebrova
Russian-Austrian Cultural Space as a Single
Discourse: Content, Typology and Method-
ological Potential

Galina M. Vasileva, Yang Haiyan
Linguoculturological Educational Diction-
ary as an Instrument for Developing Philo-
logical Competence Among Chinese Students
(through the Example of an Educational Dic-
tionary of the Nominative Field Member of
Russian Intelligentsia)

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]

- 68 Я. А. Гончарова
Золотой телец и райские кущи: Образ Капри в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско»
- 72 Н. В. Пращерук
”Только праведные правы”: «Дворянское гнездо» И. А. Тургенева и «Чистый понедельник» И. А. Бунина как ключевые тексты русской культуры
- 82 В. А. Доманский
Интермедийность произведений русской классики (на материале творчества И.С. Тургенева)

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

- 89 Л. П. Клобукова, Е. Н. Виноградова
Лингводидактические проблемы описания предлогов в нормативно-методических документах второго уровня общего владения русским языком как иностранным. Статья 1. Государственный стандарт и программа
- 95 Е. В. Кожевникова
Комплексный подход к работе с медиатекстом в китайской аудитории
- 100 Л. В. Воронова, Т. А. Жучкова
Электронное языковое образование – вызов времени
- 104 И. А. Нефляшева
Акция «Тотальный диктант» как драйвер развития национальных языков Российской Федерации

[ХРОНИКА]

- 108 «Наука и культура России» - XVII Международная научно-практическая конференция (26-27 мая 2020 г., Самара, СамГУПС)
- 110 Международная научная конференция «Модальность. Коммуникация. Текст» (29-30 сентября 2020 г., Калининград, БФУ им. И. Канта)

[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

- 112 О. И. А. Бунине: Т. Ю. Яровая, Е. Е. Орехова
Музей Бунина в Воронеже: жизнь как текст и экспозиция как миропонимание (опыт концептологического описания)»
- 118 Т. Ю. Яровая, Е. Е. Орехова
«...Я родился в Воронеже на Дворянской улице»: музей И. А. Бунина открылся на родине писателя

[INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

- Yana A. Goncharova
The Golden Calf and the Paradise: Image of Capri in the Story “The Gentleman from San Francisco” by Ivan Bunin
- Natalia V. Prashcheruk
«Only Righteous are Right»: Turgenev`s «A House of Gentlefolk» and Bunin`s «Pure Monday» as Key Texts of the Russian Culture
- Valerii. A. Domansky
Intermedially of Works of the Russian Classics (on the Material of Creativity is I. S. Turgenev)

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

- Ekaterina N. Vinogradova, Liubov P. Klobukova
Some Linguodidactic Problems of Prepositional Description in Standard Methodical Document on B2 Level (Common Language) of Russian as a Foreign Language. Article 1. The State Standard and the Programma
- Melena V. Kozhevnikova
An Integrated Approach to the Media Text Studies the Chinese Audience
- Liliana V. Voronova, Tatiana A. Zhukova
Electronic Language Education is a Challenge of the Time
- Indira a. Neflyasheva
Total'nyi Diktant as a Model of Language Activism in the Republics of the Russian Federation

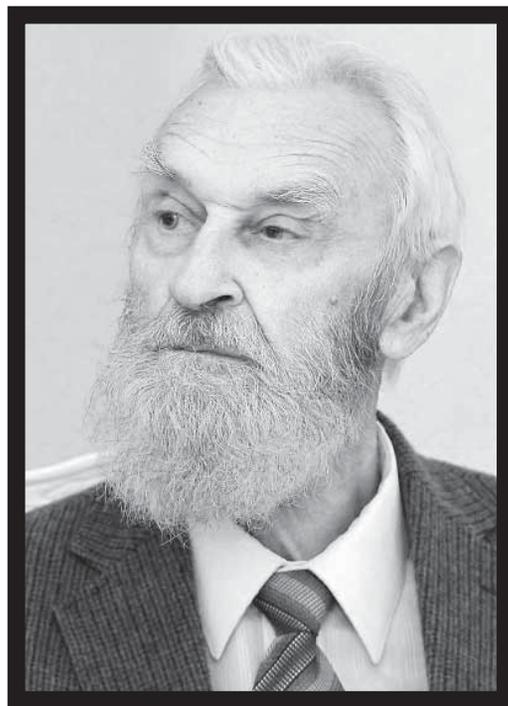
[REVIEWS]

- «Science and Culture of Russia» - XVII International Scientific and Practical Conference (Samara, May 26-27,)
- International Scientific Conference «Modality. Communication. Text» (Kaliningrad, September 29-30, 2020)

[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

- About I. A. Bunin: Yarovaya T. Yu., Orekhova E. E.
Bunin Museum in Voronezh: Life as Text and an Exposition as a World Outlook (an Example of Concept-centred Description)
- Yarovaya T. Yu., Orekhova E. E.
“...I was born in Voronezh, on Dvoryanskaya street”: Ivan Bunin birthplace Museum opened in the writer’s hometown

В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой из-за вспышки коронавирусной инфекции второй выпуск журнала был задержан, что позволило включить в него материалы, относящиеся хронологически к более позднему времени

КОСТОМАРОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

1930-2020

Виталий Григорьевич Костомаров — советский и российский лингвист-русист, доктор филологических наук (1969), профессор (1971), член-корреспондент (1974), действительный член (1985) и президент (1990-1991) Академии педагогических наук СССР.

Лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники (1 ноября 1979 года) — за учебник «Русский язык для всех», опубликованный в 1977 году (3-е издание).

Инициатор создания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (1973), директор и первый ректор института, с 2001 года — президент ИРЯ им. А. С. Пушкина.

В 1990-2003 годах - президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Главный редактор журнала «Русская речь» (1996-2019). Заслуженный

деятель науки Российской Федерации (1995). Лауреат Государственной премии СССР (1979) и Премии Президента Российской Федерации (2001).

Родился 3 января 1930, в г. Москве в семье историка, профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС Г. Д. Костомарова (1896-1970).

Окончил русское отделение филологического факультета МГУ (1952, экстерном), английское отделение переводческого факультета Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза (1953) и аспирантуру Института языкознания АН СССР.

Кандидат филологических наук (1955, диссертация «Словообразование русских глаголов с инфинитивом на -ить»). Член КПСС с 1958 года. Работал переводчиком, затем преподавателем и руководителем кафедры русского языка ВПШ

при ЦК КПСС; в 1964-1966 годах — заведующий сектором культуры речи Института русского языка АН СССР. С 1966 года — директор Научно-методического центра русского языка при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Генеральный секретарь (1967-1990), президент (1990-2003), вице-президент МАПРЯЛ. Председатель экспертного совета ВАК РФ по филологии и искусствоведению (1999-2011).

Член Президиума РАО (отделение образования и культуры), входил в состав попечительского совета Межрегионального общественного фонда «Центр развития межличностных коммуникаций». Член редколлегии журнала «Русский язык за рубежом».

Специалист в области современной русской лексикологии и стилистики, социолингвистики, методики преподавания русского языка как иностранного.

Один из учеников и последователей академика Виктора Владимировича Виноградова. Работал также под руководством Л. С. Бархударова и Е. М. Галкиной-Федорук. В соавторстве с Е. М. Верещагиным изучал связи языка и культуры, обосновал особое научное направление — лингвострановедение (книги «Язык и культура», вышедшая шестью изданиями, «Лингвострановедческая теория слова» и др.).

Виталий Григорьевич — один из тех людей, чей вклад в дело изучения и популяризации русского языка невозможно переоценить. Доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, четвертый президент МАПРЯЛ, ректор, а затем президент Института русского языка имени Пушкина — это не просто административные должности и учёные регалии, но зримое подтверждение того доверия и уважения, которое испытывали к Виталию Григорьевичу учёные и педагоги в России и за ее пределами.

Научные интересы Виталия Григорьевича простирались на многие области языкознания. Он стоял у истоков методики преподавания русского языка как иностранного, обосновал лингвострановедение как особое научное направление. Немало сделал В. Г. Костомаров и для объединения

русистов разных стран, координации их работы. Возглавляя Научно-методический центр русского языка при Московском государственном университете, Виталий Григорьевич участвовал в открытии отделений подготовки и переподготовки преподавателей русского языка как иностранного на филологических факультетах университетов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. По его инициативе было создано издательство «Русский язык», учрежден журнал «Русский язык за рубежом». Став первым ректором Института русского языка имени Пушкина, Виталий Григорьевич выдвинул идею об учебном словаре, который бы гибко интегрировался в процесс преподавания русского языка иностранцам.

Большой вехой в жизни и работе Виталия Григорьевича Костомарова стало участие в создании и деятельности одного из крупнейших научно-педагогических объединений мира — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. С именем учёного неразрывно связаны история, успехи и достижения МАПРЯЛ. На посту генерального секретаря, впоследствии, президента ассоциации, он вовлекал в орбиту МАПРЯЛ ярких личностей, профессионалов, энтузиастов, объединённых искренней любовью к своей профессии и к русскому языку. Одобрённые МАПРЯЛ решения разнообразных, в том числе и дискуссионных вопросов методики, были востребованы филологами-русистами во многих странах.

Созидательная энергия Виталия Григорьевича позволила ему продолжать научную карьеру и общественную деятельность до последних дней жизни.

Каждое выступление Виталия Григорьевича демонстрировало его отношение к языку не просто как к объекту исследования, но как к дару, которым наградила нас природа. Такое отношение заметно и в словах, произнесённых В. Г. Костомаровым в одном из интервью: «Мои учителя, академики Виноградов и Ожегов, завещали беречь лучшее в языке, уметь адаптировать его ко временам — но не допускать порчи. Дома на полке стоят четыре тома «Словаря языка Пушкина». В какой еще стране есть такая планка?!»

**АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Москва

« 27 » марта 2020 г.
№ АЧ-25-585

Государственный институт
русского языка им.А.С.Пушкина

117485 Москва
ул. Академика Волгина, 6

Дорогие коллеги!

Уход из жизни Виталия Григорьевича Костомарова – тяжелая и невосполнимая утрата для российской филологической науки, для мировой русистики, для всех, кто работал вместе и рядом с ним.

Большой ученый, достойный продолжатель традиций своих учителей В.В.Виноградова и С.И.Ожегова, заложивший основы научной методики обучения русскому языку как иностранному, поднявший лингвострановедение на уровень академической науки, Виталий Григорьевич был непревзойденным организатором, умел объединять коллег и единомышленников во всем мире.

Инициатор создания и первый ректор Института русского языка имени А.С.Пушкина, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, организатор издательства «Русский язык» и журнала «Русский язык за рубежом», Виталий Григорьевич Костомаров до последних дней жизни оставался в строю, был одним из главных действующих лиц современной мировой русистики.

Сегодня, с его уходом, мы понимаем: уходит целая эпоха. Но и сегодня, и в будущем с нами останется научное наследие Виталия Григорьевича, созданные им и продолжающие развитие опорные институты современной русистики. И главное, с нами останутся полные мудрости, тонкого юмора и преклонения перед величию русского языка мысль и слово нашего великого коллеги.

Вечная ему память!

Советник Президента
Российской Федерации

С глубочайшим уважением,
В.Толстой

В.Толстой

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ПОНЯТНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

NIKOLAY M. KROPACHEV, SERGEY A. KUZNETSOV
THE OFFICIAL LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION IS CLEAR RUSSIAN

В статье обосновывается мысль о государственном русском языке как об особом функциональном макростиле, критерии которого – языковая правильность, определенность, понятность и стилистическая нейтральность – позволяют создавать тексты, понятные неограниченно широкому кругу граждан многонациональной России. Приводятся примеры нарушения этих критериев и делается вывод о необходимости соблюдения требований точности использования слов и смысловой ясности всего высказывания.

Ключевые слова: стилистические особенности русского языка в функции государственного; критерии макростиля государственного языка.

The article substantiates the idea of the state Russian language as a special functional macro-style, the criteria of which – language correctness, certainty, clarity and stylistic neutrality – allow you to create texts that are understandable to an unlimited number of citizens of multinational Russia. Examples of violations of these criteria are given, and it is concluded that the requirements for accurate use of words and semantic clarity of the entire utterance must be met.

Keywords: stylistic features of the Russian language in the function of the state language; criteria for the macro-style of the state language.

Николай Михайлович Кропачев

Ректор Санкт-Петербургского
государственного университета
► n.kropachev@spbu.ru

Сергей Александрович Кузнецов

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
► s.kuznetsov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

7-9, Университетская наб.,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

*Nikolay M. Kropachev,
Sergey A. Kuznetsov*

Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia

Развитие и укрепление статуса русского языка находится в сфере внимания государственной политики России [Закон 2005; Закон 2012]. Объектом современной языковой политики является та часть русского языка, которая наиболее полно представлена в официально-деловом, научно-популярном, образовательном, публицистическом дискурсе. Объединяя российское общество в жизненно важных областях деятельности, русский язык составляет основание русской культуры и российской государственности. Кроме того, русский язык, представляя Российскую Федерацию во внешней политике и международных отношениях, является для внешнего мира таким же символом России, как ее герб, флаг и гимн. Согласно поправке к Конституции Российской Федерации, введенной в действие 4 июля 2020 года, «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов» [Конституция РФ 2020: ч. 1, ст. 68].

Однако «это не означает ущемления чьих бы то ни было прав и вымывания других языков из нашей общей культурной палитры» [Емельяненко, Новоселова 2020], поскольку всем народам России гарантируется «право

на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [Конституция РФ 2020: ч. 3, ст. 68]. Это право конкретизируется в [Закон 1991]. В нем закрепляется положение, согласно которому языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства, а государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков.

Русский язык в условиях официального многоязычия решает важную коммуникативную проблему: будучи родным для большинства граждан, он является общим языком для всех народов России. В этом качестве перед ним стоят особые задачи. Он используется в сфере социального общения, а также в области управления обществом. В этих областях от языка требуется обязательная системность, «которая качественно оценивается правильностью, уместностью, точностью, логичностью, чистотой, выразительностью» [Костомаров 2019: 155].

Государственный русский язык, речевые стандарты которого формируют тексты, относящиеся к естественнонаучной, социально-политической, общественно-экономической, научно-образовательной сферам, имеет свои системные, функциональные и прагматические особенности, выделяющие его в отдельную структурную разновидность, отличающуюся как от других функциональных разновидностей кодифицированной части общенародного языка – языка художественной литературы, языка науки и разговорного языка, так и от некодифицированной части русского языка – диалектов, жаргонов, просторечия, устаревших речевых систем и отдельных структур языковой системы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что многие авторитетные филологи, такие как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Ю.М. Лотман и другие ученые, рассматривали творческий язык писателей, ставших классиками русской литературы, принципиально иным, сугубо индивидуальным явлением, отличающимся как от общелитературного языка, так и от обывденного языка народа.

В противоположность языку художественной литературы государственный язык это «1) русский язык как общепринятый инструмент коммуникации в сфере федеральной государственности, то есть в правлении и управлении, в правительственных

учреждениях, в правосудии, в делопроизводстве, в обеспечении мира и правопорядка, внутренней и внешней безопасности...; 2) русский язык вообще как конституционно объявленный общим, объединяющим не только русских, но и граждан, у которых могут быть десятки иных родных языков. При этом русские, если они в самом деле патриоты России и по-настоящему любят её, преданно гордятся ею, стремятся к её благу, процветанию, не имеют права злоупотреблять преимуществами, которые возникли в силу их численного большинства и особой роли в истории страны и всей Евразии. Им просто повезло в том, что общим языком их сограждане выбрали их родной русский. Никто не смеет забывать о том, что все успехи России в войнах, в труде, в мирной жизни, повседневности достигнуты всеми гражданами, причём именно общежительно и побратски. Как и школьный, общегосударственный, федеральный русский язык (страшно сказать такое, но это на самом деле так!) виртуален, в чистом виде нигде и никогда не существует, но реализуется лишь в реально-конкретных употреблениях, в частности, конечно, и “как государственный”» [Костомаров 2019: 149-150].

Для того, чтобы русский язык при его использовании в качестве государственного обеспечивал устойчивую коммуникацию власти и народа, общества и отдельных социальных групп, преподавателей и учащихся, врачей и больных, администраторов и работников, чиновников и гражданских активистов, следует выработать такие правила словоупотребления, которые обеспечат максимально широким слоям населения смысловую определенность текстов на государственном языке, их понятность и стилистическую нейтральность.

В научной литературе были указаны необходимые свойства текстов, характеризующихся ясным, конкретным, точным и логичным языком [Кропачев 2019]. Такие же требования предъявляются к текстам юридических документов и юридической наукой. Именно такие тексты, написанные на русском языке, используемом в функции государственного, будут обладать свойствами понятного языка. Преимущества такого стиля вполне очевидны:

- снижает количество коммуникативных ошибок понимания;

- повышает эффективность социальной коммуникации;

- снижает затраты государства на коммуникацию с гражданами многонациональной и мультикультурной страны.

В русистике исследованиям специфики государственного языка уделялось меньше внимания, чем языку художественной литературы, разговорному языку, диалектам или жаргонам¹. Считалось, что, во-первых, социальная коммуникация в сферах использования государственного языка ведется в полном соответствии с нормами и правилами литературного языка, которым обучают в школе; во-вторых, знаний и речевых навыков, полученных в школе, вполне достаточно для самостоятельного формирования компетенций в профессиональной речевой деятельности.

Между тем возросшая социокультурная потребность использования русского языка как при создании понятных рядовым гражданам социально и политически значимых текстов, текстов законов и постановлений, так и в ситуации официально-делового общения, делает актуальным подробное его описание и использование в качестве *lingua franca* не только для иммигрантов, но и для граждан многонациональной России.

В условиях развития цифровой экономики знаний и связанного с ней резкого увеличения информационного потока все более актуальным становится умение человека не накапливать информацию в целях духовного саморазвития, а быстро ее перерабатывать и эффективно использовать для решения возникающих практических проблем.

Цель внедрения государственного языка в качестве особого функционального макростилля в практику речевой деятельности состоит в том, чтобы тексты официальных документов, инструкций, публицистики, учебников, речь преподавателей, а также объяснения профессионалов были бы ясными и понятными неограниченно широкому кругу граждан. Для этого недостаточ-

¹Такой подход к изучению разновидностей русского языка, по всей видимости, был обусловлен тем, что правила темпо-ритмического и мелодико-интонационного оформления речи, как и орфографические нормы правописания, в государственном языке соответствуют критериям языковой правильности, применяемым для современного литературного языка за исключением стилистически окрашенных норм разговорного регистра.

но утвердить в установленном законом порядке «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Приказ 2009]. Для контроля текстов на соответствие этим требованиям должны быть разработаны проверочные процедуры на их соответствие языковой правильности, определенности, понятности и стилистической нейтральности. Эти свойства государственного языка понимаются следующим образом.

Языковая правильность характеризует форму высказывания, позволяющую так выразить его содержание, чтобы разногласия в понимании смысла той или иной словесной конструкции могли быть сняты путем развернутого толкования (интерпретации), логично соотносящего языковую форму с ее значением. В этом критерии заложены требования нормативного словоупотребления и точного соблюдения логико-грамматической связанности текста в рамках предложения, которая регулируется нормами и правилами русского литературного языка.

Примером нарушения языковой правильности, может служить фраза: «Мероприятия, запланированные в этих разделах, обеспечат объективность потребления энергоресурсов, оплату фактических объемов потребления, снизят потери внутри зданий и сооружений» [Постановление 2003].

Эту фразу невозможно правильно истолковать без изменения формы высказывания. Во-первых, в словосочетание «объективность потребления энергоресурсов» требуется добавить слово «учет». Ср.: «объективность учета потребления энергоресурсов». Во-вторых, конструкцию «потери внутри зданий и сооружений» необходимо восполнить существительным «тепло» в родительном падеже. Ср.: ««потери тепла внутри зданий и сооружений»».

Требование нормативного употребления слов и словосочетаний распространяется на всю систему литературного языка. Однако каждому стилистически маркированному жанру литературного языка присущи свои нормы – нормы языка художественной литературы, разговорные нормы, нормы государственного языка. Например, в заголовке статьи: Трубоукладчика «Академик Черский» берёт под защиту «Ярослав Мудрый» [Колиманова

2020] одушевленная форма вин. пад. существительного «трубоукладчик» является разговорной, и следовательно, нарушающей правильность словоупотребления государственного языка. Она использована, видимо, чтобы избежать амфиболии – синтаксической омонимии типа «мать любит дочь» (где подлежащее отличается от прямого дополнения только порядком слов). Ср. как должно быть: Трубоукладчик «Академик Черский» берёт под защиту «Ярослав Мудрый».

Отсутствие логико-понятийной связанности в предложении и, шире, в высказывании, является типичным нарушением нормативного словоупотребления. Например: «Указанные показатели позволяют обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан, снизить уровень травматизма и гибели людей в дорожно-транспортных происшествиях, обеспечить безопасность сохранности имущества, не допустить причинение вреда окружающей среде». В русском литературном языке слово «показатель» имеет значение 'данные, по которым можно судить о свойствах, качествах чего-либо'. Однако в рассматриваемом случае традиционное понимание слова вступает в противоречие с утверждением, что показатели могут самостоятельно обеспечить «безопасность жизни и здоровья», поэтому читателю приходится мысленно корректировать содержание данного текста, чтобы понять смысл утверждения.

Требование определенности означает необходимость использования таких словесных характеристик объекта описания, которые позволяют соотносить содержание понятия и выделяемые им признаки объекта с рядом аналогичных объектов или классом объектов. В соответствии с этими критериями следует соблюдать правило употребления термина в одном значении (правило однозначности), а также понятийно-логические правила составления дефиниций (соразмерность содержания определяемого понятия и определения, отказ от тавтологии и др.).

Примером нарушения принципа определенности может служить фраза конкретного нормативного акта: «запрещен выход и выезд населения на лед водоемов города Пскова». Во-первых, слово «население» здесь означает 'совокупность жителей (области, страны и т.п.); народонаселение' [БТС 2004: 599], поэтому в ситуации запрета конкретных

действий указывает на неверный объект, т.к. на лед может выходить не «совокупность жителей», а конкретные люди, включая приезжих, на которых запрет, судя по тексту, не распространяется.

Требование понятности текста реализуется путем отбора таких речевых средств, которые, характеризуя описываемую ситуацию, обеспечивают ее мысленную воспроизводимость, исключаящую неоднозначность понимания и неопределенность толкования текста. Для этого следует использовать конструкции, исключаящие синтаксическую омонимию, и общеизвестные слова в основных «словарных» значениях, а также отказаться от употребления без объяснения значений неологизмов от иноязычных слов и узкоспециальных терминов, не освоенных русским литературным языком.

Понятность текста нарушается в случаях, возникновения вариантов атрибуции структурных элементов предложения. Например: «США допустили военный ответ России из-за «нарушения» ДРСМД». В этом предложении синтаксические функции субъекта и объекта могут выполнять и «США», и «Россия».

Иной случай отмечен в заголовке: «Тяжелый атомный крейсер ВМФ РФ “Адмирал Нахимов” после модернизации в США назвали самым мощным в мире кораблем». Здесь обстоятельство места «в США» с равными основаниями может быть отнесено как отглагольному существительному «модернизация», так и к глаголу «называли».

В следующем предложении: «Два человека погибли из-за взрыва гранаты в районной больнице Одесской области» [РТ на русском 2019] обстоятельство места может относиться как к сказуемому «погибли», так и к обстоятельству причины «из-за взрыва гранаты».

В смысловая неопределенность заголовка «Нехватку плодов России, странам Европы и Ближнего Востока предрекают из-за извержения вулкана в Эквадоре» [Новости 2020] омонимией род. и дат. падежей имени собственного «Россия». В результате чего возникает омонимия этого слова как члена предложения: в составе атрибутивной группа прямого дополнения (предрекают нехватку плодов России кому – странам Европы и Ближнего Востока) или в составе обстоятельственной группы (предрекают нехватку плодов кому – России, странам Европы и Ближнего Востока).

Признак стилистической нейтральности реализуется при условии использования таких речевых единиц, семантико-стилистические качества которых соответствуют официально-деловой сфере общения. Требование отсутствия дополнительных стилистических функций означает также отказ от использования малоинформативных словосочетаний и употребления нелогичных, образных или «каламбурных» словосочетаний.

Например, словосочетания «геополитическое положение» или «оси транспортных потоков европейской интеграции» в предложении: «город Великие Луки имеет выгодное экономико-географическое и геополитическое положение, на стыке нескольких регионов и пересечении осей транспортных потоков европейской интеграции» [Решение 2012] создают неоправданную информационную избыточность (так называемое “придворное красноречие”).

В следующем предложении, кроме информационной избыточности таких словосочетаний, как «сохранение специфических средовых характеристик», «улучшение качества воздушного бассейна», «улучшение.. доступности» и др., слово «рекреация» используется в несвойственном ему значении ‘место отдыха’, тогда как это слово означает ‘отдых, восстановление сил человека, потраченных на трудовую деятельность’ [БТС 2004: 1115]. Ср.: «Пространственная автономность, некоторая разорванность планировочной ткани города Великие Луки, сохранение специфических средовых характеристик обеспечивает разнообразие жизненной среды, широкий выбор возможностей для проживания, работы, улучшение качества воздушного бассейна и доступности рекреаций в городе и пригородах» [Решение 2012]. Следовательно, для исправления этой ошибки следует слово «рекреация» использовать в словосочетании «места рекреации» в функции именного атрибута.

Современное понимание стилистического и жанрового единства государственного макростилия нарушается при использовании канцеляризмов, например, тавтологических словосочетаний (плеоназмов) типа «в январе (феврале, марте и т.п.) месяце»; «на сегодняшней день» и др. Особенно заметны логические противоречия в тех случаях, когда какой-либо процесс или явление с относительно медленно изме-

няющимися характеристиками ограничивают неоправданно точным временным отрезком типа «в текущий момент времени». Подобные словосочетания (называемые еще “педантизмами”) могут порождать неопределенность относительно логико-смыслового содержания высказывания. Например: «Минэкономразвития подготовило прогноз, учитывающий стабильность налоговой политики на текущий момент времени» [Audit 2017].

Часто круг вопросов, обсуждаемых в связи с государственным языком, исчерпывается прямыми следствиями из констатации того, что грамматический и лексический репертуар, используемых для этого языковых средств, должен быть максимально простым, чтобы тексты, написанные таким языком, были понятны даже тем, для кого русский язык не является родным. Сейчас упрощение языка используется при адаптации исходных аутентичных текстов к потребностям преподавания русского языка в школе, а также при обучении любым предметам школьной программы. Автор, использующий функциональный макростиль государственного языка в научно-популярном, образовательном, публицистическом дискурсе, также должен учитывать уровень владения русским языком своего слушателя – будут ли это школьники, студенты, государственные или муниципальные служащие – для общения с каждой из этих групп требуется реализация такого понятного языка, который ориентирован на конкретную аудиторию. Однако понятный язык не значит простой или примитивный. Наоборот, использование государственного языка предполагает не только хорошее знание говорящим норм и правил литературного языка, но также глубокое понимание и навыки толкования различных, в том числе специальных текстов (учебной и научной литературы, технических инструкций, регламентов, правовых актов и т.п.) для неспециалистов.

Для того, чтобы тексты отвечали критериям государственного макростилия, необходимо выделить и предложить к использованию такие правила речевой деятельности, которые способствуют устойчивому пониманию любой разновидности официально-делового текста, созданной на основе последовательной сборки слов и словосочетаний в значимые высказывания, лишённые индивидуаль-

ности, но имеющие предсказуемый однотипно извлекаемый смысл.

Текст, созданный по правилам государственного макростилия, должен быть самотолкуемым. Это значит, что подготовке текста для человека с недостаточной коммуникативной компетентностью следует разъяснять сложные логико-смысловые конструкции и специальные термины путем их замены на понятные слова, восполнять эллипсисы, характерные для профессиональной речи, использовать простые синтаксические конструкции с прямым порядком слов, избегать оценочных характеристик субъективных ощущений и ментально постигаемых явлений, не совмещать изложение двух мыслей в одном предложении. В противном случае содержание текста будет интерпретироваться произвольно, порождая случайные смысловые результаты.

Использование чрезмерно длинных предложений является наиболее известным недостатком текстов официально-делового стиля. По нашим подсчетам в конкретных статьях российского законодательства порой в предложениях используется более 200 и даже более 350 слов. Есть предложения с 30 запятыми и иными знаками препинания. Понять смысл таких правовых предписаний не могут сами авторы этих текстов. Юристы СПбГУ вот уже пятый год проводят своеобразный эксперимент – уже пять раз они направляли запрос в одно из министерств правительства РФ с просьбой объяснить смысл документа утвержденного министерством пять лет назад, но до сих пор обязательного для исполнения всеми вузами РФ, в которых есть юридические факультеты. Ответ из министерства не присылают, но устно отвечают, что сами не понимают смысла этого запрета.

Тот факт, что говорящие на русском языке, используемом в функции государственного, допускают очевидные речевые ошибки, свидетельствует о необходимости выработки новых подходов к созданию и внедрению методик обучения семантическим нормам, регулирующим правила словоупотребления. Эти методики должны обеспечить выработку навыков адекватного речевого поведения в сферах публичной коммуникации. Для этого недостаточно лишь знания норм и правил русского языка, необходимы также навыки учета дополнительных когнитивных составляющих значения лексической единицы, уме-

ние конструировать высказывание с учетом дополнительных понятийных аспектов речевой деятельности, соблюдение требований макростилия государственного языка а отношении точности использования слов и смысловой ясности всего высказывания.

В результате этих усилий русский язык станет самым простым и понятным языком для всех граждан нашей страны.

ИСТОЧНИКИ

Audit 2017 – Заглавы Минфина: изменения в налоговой системе РФ могут произойти не ранее 2018 года // Audit-it.ru 05 сентября 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit-it.ru/news/account/921516.html> (дата обращения: 25.10.2020).

RT на русском 2019 – Два человека погибли из-за взрыва гранаты в Одесской области // RT на русском, 6 августа 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/656520-granata-odesskaya-oblast-smert> (дата обращения: 25.10.2020).

Емельяненко, Новоселова 2020 – Емельяненко В., Новоселова Е. Если не русский язык - как нам родниться? Почему в Конституции необходима поправка о русском языке // Российская газета – Федеральный выпуск №48 (8102).

Закон 2005 – Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ.

Закон 2012 – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ и др.

Закон 1991 – Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 N 1807-1.

Колиманова 2020 – Колиманова С. Трубоукладчика «Академик Черский» берёт под защиту «Ярослав Мудрый // Вечерний курьер 10 марта 2020. [Электронный ресурс]. <https://vk-smi.ru/politika/169319>. (дата обращения: 20.10.2020).

Конституция РФ, 2020 - Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Новости 2020 – Миру грозит дефицит бананов 24 сентября 2020 [Электронный ресурс]. <https://news.mail.ru/economics/43486610/?frommail=1> (дата обращения: 25.10.2020).

Малясов 2020 – Малясов В. Forbes назвал российский военный крейсер самым мощным на планете // МедиаПоток 22.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://potokmedia.ru/russia_world/216011/korabl-vmf-rf-v-ssha-nazvali-samym-moshhnym-vmire/?utm%20source=yxnews&utm%20medium=desktop (дата обращения: 25.10.2020).

Постановление 2003 – Постановление Псковской городской Думы от 31 октября 2003 г. N 172 «О муниципальной целевой программе «Энергоэффективность в жилищно-коммунальном хозяйстве и социальной сфере г. Пскова» на 2003-2005 гг. и на перспективу до 2010 года»&

Приказ 2009 – Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 года N 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

Решение 2012 – Решение Великолукской городской Думы Псковской области от 27 сентября 2012 г. N 137 «О внесении изменений в решение Великолукской городской Думы от 20.04.2010 N 25 «Об утверждении Генерального плана муниципального образования «Город Великие Луки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. – С. 1536.

2. Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни... — СПб.: Златоуст, М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. — 184 с.

3. Кропачев Н.М., Кузнецов С.А., Соловьев А.А. О проблеме социальной коммуникации на примере типичных ошибок использования государственного языка Российской Федерации в правовых документах // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (2).

SOURCES

Audit (2017) – Zamglavy Minfina: izmeneniia v nalogovoi sisteme RF mogut proizoiti ne ranee 2018 goda [Deputy Finance Minister: changes in the tax system of the Russian Federation may occur no earlier than 2018] In: *Audit-it.ru 05 September 2017*. [Electronic resource]. URL: <https://www.audit-it.ru/news/account/921516.html> Russian Russian (accessed 25.10.2020). (in Russian)

RT in Russian (2019) – Dva cheloveka pogibli iz-za vzryva granaty v Odesskoi oblasti [Two people were killed due to a grenade explosion in the Odessa region] In: *RT in Russian, August 6, 2019*. [Electronic resource]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/656520-granata-odesskaya-oblast-smert> (accessed: 25.10.2020). (in Russian)

Emelianenko V., Novoselova E. (2020) – Esli ne russkii iazyk - kak nam rodnit'sia? Pochemu v Konstitutsii neobkhodima popravka o russkom iazyke [If not the Russian language-how can we be related? Why the Russian language amendment is necessary in the Constitution] In: *Rossiyskaya Gazeta [Federal issue] #48 (8102)*. (in Russian)

Law (2005) – Federal'nyi zakon «O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federatsii» ot 01.06.2005 № 53-FZ. [Federal law No. 53-FZ of 01.06.2005 «on the state language of the Russian Federation»]. (in Russian)

Law (2012) – Federal'nyi zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ i dr. [Federal law] on education in the Russian Federation «dated 29.12.2012 No. 273-FZ, etc.» (in Russian)

Law of 1991 – Zakon RF «O iazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii» ot 25.10.1991 N 1807-1. [The Law of the Russian Federation «on languages of the peoples of the Russian Federation» of 25.10.1991 N 1807-1]. (in Russian)

Kalimanova S. (2020) – Truboukladchika «Akademik Cherskii» beret pod zashchitu «Iaroslav Mudryi» [Pipelayer «Akademik Chersky» protects «Yaroslav the Wise»] In: *Vechernii kur'er [Evening courier]* on March 10, 2020. [Electronic resource]. <https://vk-smi.ru/politika/169319>. (date accessed: 20.10.2020). (in Russian)

Constitution of the Russian Federation (2020) – Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by

popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)]. (in Russian)

News (2020) – Miru grozit defitsit bananov 24 sentiabria 2020 [The world is facing a shortage of bananas on September 24, 2020] [Electronic resource]. <https://news.mail.ru/economics/43486610/?frommail=1> (date accessed: 25.10.2020). (in Russian)

Malesev V. (2020) Forbes nazval rossiiskii voennyi kreiser samym moshchnym na planete [Forbes named Russian military cruiser the most powerful on the planet] In: *MediaPotok [The media stream]* 22.08.2020. [Electronic resource]. URL: https://potokmedia.ru/russia_world/216011/korabl-vmf-rf-v-ssha-nazvali-samym-moshhnym-vmire/?utm%20source=yxnews&utm%20medium=desktop (accessed 25.10.2020). (in Russian)

Resolution (2003) – Postanovlenie Pskovskoi gorodskoi Dumy ot 31 oktiabria 2003 g. N 172 «O munitsipal'noi tselevoi programme «Energoeffektivnost' v zhilishchno-kommunal'nom khoziaistve i sotsial'noi sfere g. Pskova» na 2003-2005 gg. i na perspektivu do 2010 goda» [Resolution of the Pskov city Duma of October 31, 2003 N 172 «on the municipal target program» energy Efficiency in housing and communal services and social sphere of Pskov» for 2003-2005 and for the future until 2010»]. (in Russian)

Order (2009) – Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 8 iyunia 2009 goda N 195 «Ob utverzhdenii spiska grammatik, slovarei i spravochnikov, sodержashchikh normy sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka pri ego ispol'zovanii v kachestve gosudarstvennogo iazyka Rossiiskoi Federatsii» [Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of June 8, 2009 N 195 «on approval of the list of grammars, dictionaries and reference books containing the norms of the modern Russian literary language when it is used as the state language of the Russian Federation»]. (in Russian)

Decision (2012) – Reshenie Velikolukskoi gorodskoi Dumy Pskovskoi oblasti ot 27 sentiabria 2012 g. N 137 «O vnesenii izmenenii v reshenie Velikolukskoi gorodskoi Dumy ot 20.04.2010 N 25 «Ob utverzhdenii General'nogo plana munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorod Velikie Luki» [Decision of the Velikiye Luki city Duma of the Pskov region of September 27, 2012 N 137 «on amendments to the decision of the Velikiye Luki city Duma of 20.04.2010 N 25» on approval of the General plan of the municipal formation «city of Velikiye Luki»] (in Russian)

REFERENCES

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language] (2004). Chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg (in Russian)

2. Kostomarov V.G. (2019) *Stilistika, liubov' moei zhizni* [Stylistics, love of my life...] St. Petersburg. (in Russian)

3. Kropachev N.M., Kuznetsov S.A., Solovyov A.A. (2019) O probleme sotsial'noi kommunikatsii na primere tipichnykh oshibok ispol'zovaniia gosudarstvennogo iazyka Rossiiskoi Federatsii v pravovykh dokumentakh [On the problem of social communication on the example of typical errors in the use of the state language of the Russian Federation in legal documents]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyki literatura [Bulletin of Saint Petersburg University. Languages literature]*, no. 16 (2). (in Russian)

СИСТЕМА, НОРМА И УЗУС В СТИЛИСТИКЕ

GALINA N. SKLIAREVSKAIA
SYSTEM, NORM AND USUS IN STYLISTICS

**Галина Николаевна
Скляревская**

доктор филол. наук,
профессор,

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Наб. реки Мойки, 48, Санкт-
Петербург, 191186, Россия
gsklyarevskaya@mail.ru

Galina N. Skliarevskaja

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Nab. Moyki,
St. Petersburg, 191186, Russia

Содержание статьи составляет экстраполяция триады «система — норма — узус» на категории стилистики. Автор отстаивает позицию, согласно которой понятие системности неприменимо ни к совокупности словарных стилистических помет, ни к набору функциональных стилей, в то время как стилистическая норма и стилистический узус представляют собой объективную лингвистическую реальность.

Ключевые слова: стилистика; функциональный стиль; лексикография; языковая система; языковая норма; узус.

The content of the article is an extrapolation of the triad «system — norm — usus» to the category of stylistics. The author defends the position according to which the concept of system is inapplicable neither to a set of dictionary stylistic labels, nor to a set of functional styles, while the stylistic norm and stylistic usus represent an objective linguistic reality. system, norm and usus in style (according to the explanatory dictionary)

Keywords: stylistics; functional style; lexicography; language system; language norm; usus.

Классическая триада Э. Косериу «система — норма — узус» давно признана удобным и в высшей степени действенным инструментом в исследовании языковых явлений, прежде всего лексики, однако если мы попытаемся приложить ее к явлениям стилистики, мы обнаружим, что картина меняется, и триада Косериу работать перестает.

Современная лексикография привычно оперирует понятием «система стилистических помет», а в современной русистике в рамках стилистических исследований столь же привычно воспринимается термин «система стилей». Термин *система* по отношению к категориям стилистики прочно закрепился в теоретических работах, вошел в учебники [Купина 2013: 131 и след.; Лукьянова 2001: 85 и след.] и энциклопедии [ЛЭС 1990: 567–568; РЯЭ 1979: 336–337; РЯЭ 2020: 745–746].

Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что понятие системы не согласуется ни с устройством набора стилей в языке, ни с совокупностью стилистических маркировок лексики в толковом словаре. Несмотря на то, что все известные классификации опираются на хрестоматийное определение функционального стиля В.В. Виноградовым: «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфе-

ре того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1981: 19] и построены на едином языковом материале (современный русский язык в его функциональных разновидностях), все многочисленные классификации демонстрируют разное количество стилей в «системе», а также их разный объем и разное содержание. Акад. Д. Н. Шмелев с некоторыми оговорками называет в качестве функциональных стилей научную, официально-деловую и публицистическую речь. Как оказалось, именно эти три стиля представляются наиболее устойчивыми и очевидными и повторяются практически во всех последующих исследованиях как своеобразное классификационное ядро. В классификации Т. Г. Винокур представлены стили разговорный, официально-деловой, газетно-публицистический и научный [Винокур 1968: 6]. Поразительно, что такой несогласованный и разнородный перечень функциональных стилей представлен и в вузовских учебниках. В учебнике Н. А. Лукьяновой приведен перечень из пяти единиц: научный, официально-деловой, рекламный, публицистический и несколько особняком стоит «язык художественной литературы как стиль» [Лукьянова 2001: 88]. Другой перечень стилей представлен расширенным списком акад. Д. Н. Шмелева с включением в него разговорного стиля [Евтюгина 2018]. В учебнике Н. А. Купиной и Т. В. Матвеевой приводится набор стилей из шести единиц, который авторы, следуя традиции, также называют системой: научный, официально-деловой, религиозный, публицистический, художественный, разговорный [Купина 2013: 131–296]. М. Н. Кожина с опорой на известные формы общественного сознания (наука, политика, право, религия, искусство, сфера бытового общения) включает в свой список практически все стили, с большей или меньшей последовательностью встретившиеся в других классификациях: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный, разговорно-обиходный [Кожина 2008: 123].

Обращает на себя внимание тот факт, что не все компоненты этой так называемой «системы» бесспорны, например, известна длительная полемика относительно отнесения к функциональным

стилям разговорной речи и языка художественной литературы. В последние десятилетия признается существование некоторых новых функциональных стилей, в частности, религиозного, описание и обоснование которого сформировало к настоящему времени большую литературу [Крысин 1996; Гадамский 2006]. Религиозный стиль, хотя уже фигурирует наравне с другими стилями в справочной литературе [РЯЭ 2020: 831–832], признается не всеми. Так, В. И. Карасик [Карасик 1999: 5–19] и ряд других исследователей определяют обслуживающий церковно-религиозную сферу язык как религиозный дискурс, А. Д. Шмелев, не давая терминологически определенного наименования, в тексте своей статьи так же позиционирует этот круг языковых явлений как дискурс [Шмелев 1999: 224, 226, 227 и др.], показывая функционально-стилистическую неоднородность религиозной коммуникации, что, как он полагает, препятствует выделению особого стиля [Шмелев 2007: 612 и след.]. Есть мнение, представленное, в частности, в работах И. В. Бугаевой, что обсуждаемая разновидность языка является социолектом. По моим представлениям, о языке религиозной сферы нельзя говорить как о подсистеме, подъязыке, форме существования национального языка, как о стиле или социолекте. На первый взгляд, религиозный язык как будто бы встраивается в ряд социолектов современного русского языка. Однако этому препятствует дихотомия религиозного языка — сосуществование двух разных языков, церковнославянского и современного русского, с одной стороны, и гетерогенный характер состава его носителей, с другой. Этот особый, в структурном и функциональном отношении уникальный тип языка существует рядом с секулярным языком, не является его составной частью и в синхронии не смешивается с ним, поэтому было бы правильным отказаться от попыток найти место и статус религиозного языка в системе национального русского языка (то есть внутри него), а наличие двух типов языков — секулярного и религиозного — квалифицировать как явление диглоссии [Скляревская 2018: 90].

Помимо спорного религиозного стиля обосновывается с разных точек зрения (экстралингвистической, функциональной, собственно языковой) правомерность выделения в ряду других функцио-

нальных стилей рекламного стиля [Лукьянова 2001: 106–114]. В последние несколько лет всё активнее звучат голоса в пользу интернет-стиля [Антонов 2005: 30–39].

Итак, количество функциональных стилей неустойчиво и неопределенно: разные стили могут с достаточной степенью произвольности включаться в существующий набор или исключаться из него. Академик Д. Н. Шмелев в свое время обосновал это положение тем обстоятельством, что функциональный стиль — это «не непосредственная данность, а научная абстракция, для достижения которой требуется отбор и оценка очень разнообразных языковых фактов и учет целого ряда внеязыковых факторов» [Шмелев 1977: 29].

Все это свидетельствует о весьма спорном характере системы функциональных стилей. Если под системой мы понимаем целостное упорядоченное единство связанных между собой языковых элементов, характеризующихся отношениями взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимообусловленности, то это, в частности, означает, что из системы невозможно извлечь какой-либо ее элемент, а также добавить новый элемент, не нарушив ее целостности и не разрушив существующих в ней связей.

Подобным образом спорно и представление о совокупности словарных стилистических помет как о системе. На протяжении многих десятилетий стилистическая квалификация лексики в словаре продолжает оставаться наиболее уязвимым местом лексикографии. Известно множество высказываний о неразработанности, противоречивости и непоследовательности словарных стилистических оценок. Надо признаться, что эта критика, нередко весьма жестокая, справедлива. В свое оправдание мы, лексикографы, ссылаемся на сложность и многомерность самого стилистического материала, его связь с психическими сферами, и потому неизбежный субъективизм и сопротивление унификации и стандартизации. Лексикографические проблемы описания стилистического материала в словаре обусловлены, главным образом, тем обстоятельством, что стилистические разряды лексики образуют не линейный ряд, а некий конгломерат, отражающий их перекрещивания и взаимодействия друг с дру-

гом. В каждом конкретном случае функционально-стилистическая характеристика отражает влияние на слово разнохарактерных и разнонаправленных факторов: его социального статуса и сферы функционирования, степени новизны и традиционности, территориального членения, собственно стилистической окраски (расположение на шкале «высокое/низкое», с одной стороны, и место в ряду стилистических языковых средств, с другой), а также устойчивые эмоционально-оценочные наслоения и экспрессивные качества, на стилистическое «поведение» слова влияют, кроме того, и более частные факторы, такие как своеобразие семантики, предметная отнесенность, словообразовательная структура и т. д. Это означает, что парадигму стилистических помет, которая служила бы основанием их системного упорядочения, выстроить невозможно. Эти идеи и соображения автора развивались на протяжении многих лет работы в лексикографии [Скляревская 1988: 84–97; 1995: 90–103; 2004: 25–37; 2019: 193–203].

К объективным трудностям упорядочения стилистических характеристик может быть отнесено также то обстоятельство, что лексикографы стремятся соотносить стилистические пометы со стилями, но это оказывается невозможным, потому что, во-первых, неопределенный и неустойчивый набор стилей не может быть надежным ориентиром и, во-вторых, количество стилей и количество стилистических словарных помет не совпадают. В прямом соответствии находятся только научный стиль и помета «*Научн.*» и официально-деловой стиль и помета «*Офици.*». Во всех других случаях такой прямой связи не наблюдается (подробнее см. [Скляревская 2019: 193–203]).

Каждому лексикографу известно, что количество и содержание помет различно в разных словарях. Автор идеи словаря в соответствии со своей концепцией может исключить традиционную помету из списка или добавить новую. Обновления могут быть весьма существенными, свидетельствующими по существу о пересмотре традиционной «системы помет». Например, набор стилистических помет в [Апресян 2014: 33–34] включает список новых для русской лексикографии помет: *библ.*[еизм], *журн.* [алистское], *мещанск.*[ое], *наррат.*[ивное],

необходн.[оe], *обиходн.*[оe], *рег.*[иональное], *редк.*[оe], *сленг, советск.*[оe], *эмоц.-усил.* [эмоционально-усилительное]. Одни пометы из этого списка маркируют стилистические разряды и группировки, прежде либо остававшиеся за пределами интереса словарей, либо не имевшие никакого маркера (*библ., наррат., необходн., обиходн., редк.*), в то время как другие новые пометы заменяют прежние, традиционные с внесением определенной коррекции в их содержание (*журн.* вместо *публ.*, *сленг.* вместо *жарг.*, *рег.* соотносимо с *обл.*) [Апресян 2014: 11-12]. В Проекте Словаря русского языка XXI века [Скляревская 2019: 193-203] так же представлен обновленный дробный и разноаспектно дифференцированный набор функциональных и стилистических помет: исключена привычная помета *Прост.*[оречное], добавлены пометы *Вульг.*[арное]*¹, *Детск.*[оe]*, *Насмешл.*[иво], *Одобр.*[ительно], *Оскорбит.*[ельно], *Проф.*[ессионализм], *Рел.*[игиозное]*, *Сниж.*[енное], *Трад.-лит.*[традиционно-литературное], *Трад.-нар.*[традиционно-народное], *Фам.*[ильярное]*. Помимо этого, введено большое количество тематических терминологических помет, отражающих использование термина в той или иной области (анатомия, архитектура, медицина и т. д.).

Расширение реестра стилистических характеристик в значительной мере связано с расширением объема словника данного словаря по отношению к предшествующим словарям (по предварительным подсчетам словник должен содержать около 200 000 вокабул), вследствие этого стилистическая стратификация может быть показана не на узком материале отдельных фрагментов лексической системы, а более полно и, следовательно, более адекватно языковой действительности.

Из сказанного следует, что внутри совокупности стилистических помет не обнаруживаются ни системные связи, ни взаимодействие и взаимообусловленности элементов, что давало бы основания считать ее системой, и само понятие «стили- стическая система» весьма эфемерно.

В отличие от стилистической системы, стилистическая норма представляется реальностью и реализуется в выборе языковых средств в строгом соответствии с требованиями того или иного стиля, с конситуацией и статусами участников речевого акта. Так, в ситуации научного диспута

норма требует употребления лексики, маркированной пометами «*Книжн.*» и «*Научн.*», в то время как обсуждение научной проблемы в домашней обстановке в кругу друзей допускает широкое вовлечение лексики разговорной, в том числе коннотативно окрашенной. С другой стороны, употребление в разговорной речи книжных слов и синтаксических оборотов или в официальном стиле разговорных речевых средств было бы неуместным и ненормативным. Здесь необходимо учитывать тот факт, что стилистическая норма, действующая только в пределах того или иного стиля (той или иной функциональной разновидности языка) не только не совпадает с нормой общезыковой, но может и противоречить ей, и разрушать ее. Словарные стилистические пометы несмотря на их неустойчивый и субъективный характер, как раз и служат ориентиром в реализации стилистической нормы.

Стилистическая норма сближается со стилистическим узусом и во многом формирует его.

Стилистический узус понимается как речевая практика в пределах того или иного стиля, в которой проявляются и реализуются его характерные разноуровневые особенности (лексические, синтаксические, просодические, прагматические и другие). Стилистический узустак же зависит от конситуации и социального статуса коммуникантов. Как правило, в диалоге (или полилоге) при социальном равенстве участников реализуется некий общий для всехузус, проявляющийся в единстве и однотипности речевых средств и их стилистических особенностей, в общности прагматических установок и иллюкутивной силы высказывания. Примеры нам хорошо известны: в научных диспутах мы все участвуем постоянно, а разговоры блатных хорошо себе представляем по литературе о современной действительности, по современным массовым фильмам и различным телешоу.

Однако возможна ситуация, когда в одном речевом акте реализуются разные узусы, что связано либо с несогласованными стилистическими установками коммуникантов, либо с владением каждым из них набором речевых средств только одного («своего») стиля.

Красивый господин вздохнул:

— Я понимаю, неприятно и неприлично заби-

рать назад у дамы подарок, но поймите и вы меня <...> Пои́демте к мадемуазель Таишке.

За «мамзель» Сенька обиделся. Почему он знает, что его маруха — мамзелька? То есть, Таишка, конечно, мемзелька и есть, но ведь ничего такого про нее сказано не было. Может, она порядочная².

Этот пример показывает семантическую несогласованность слова в разных узусах: мадемуазель 'уважительное обращение к девушке или при упоминании о ней' и искаженное мамзель 'проститутка'. В таком непримиримом противоречии происходит столкновение разных узусов, что и приводит к коммуникативной неудаче.

Стандартная ситуация в случае соединения в одном речевом акте чуждых узусов — их декодирование, «перевод» с одного узуса на другой:

Второго сентября отмусолил, в смысле отсчитал, четыре рубля тридцать пять копеек. <...>

К четвертому сентября малость наблатыкался, то есть немного освоился.³

— *Что вы хренью маетесь? — не выдержал Сенька. <...>*

— *Не «хренью маетесь», а «занимаетесь ерундой». <...>*

Скорик подумал и спросил:

— *А?*

Господин Неймлес вздохнул:

— *Если ты чего-то недопонял или не расслышал, нужно говорить: «Простите, что?»⁴*

Диалог, основанный на разных узуальных представлениях, достигает особого накала при столкновении контрастных экспрессивных стилистических установок, что создает критическую напряженность и конфликтность речевого акта.

В диалоге из повести Стругацких «Пикник на обочине» участвуют полицейский Квотерблад и арестованный сталкер Рэдрик. Столкновение чуждых узусов этих персонажей (отбор лексики, степень экспрессии и т. п.), находящихся в непримиримом и неразрешимом противоречии, используется автором как мощный стилистический прием:

— *В карманах есть что-нибудь? — тихо произнес капитан Квотерблад. — Выкладывайте...*

— *Гады, — сказал Рэдрик. — Зар-разы.*

Он сунул руку за пазуху и швырнул на стол пачку банкнот. Банкноты разлетелись во все стороны.

— *Ого! произнес капитан Квотерблад. — Еще?*

— *Жабы вонючие! — заорал Рэдрик, выхватил из кармана вторую пачку и с размаху швырнул ее себе под ноги — Жрите! Подавитесь!*

— *Очень интересно, — произнес капитан Квотерблад спокойно. — А теперь подбери всё это.*

— *Редьку в глаз! — сказал ему Рэдрик, закладывая руки за спину. — Холуи твои подберут. Сам подберешь!*

— *Подбери деньги, сталкер, — не повышая голоса, сказал капитан Квотерблад, упираясь кулаками в стол и весь подавшись вперед.⁵*

Узус Квотерблада, построенный на нейтральных в стилистическом и экспрессивном плане речевых средствах (*карман, что-нибудь, выкладывать, еще, очень интересно, теперь, подобрать*), соответствует нормативному речевому обиходу и поддержан стандартным речевым поведением (*тихо произнес, произнес спокойно, не повышая голоса сказал*), в то время как узус Рэдрика демонстрирует принадлежность к низкой социальной среде, в которой узуальными (привычными и обычными) речевыми средствами признается лексика низкая, грубая, максимально экспрессивная (*гады, заразы, жабы вонючие! жрите! подавитесь! редьку в глаз! холуи*) и также поддерживается соответствующим речевым поведением (*швырнул, с размаху швырнул, заорал*).

Материал статьи дает основания для следующих выводов.

1) понятие системы не согласуется с совокупностью стилистических маркировок лексики в толковом словаре, поскольку единой и стабильной совокупности помет, которую мог бы использовать любой словарь, не существует, а традиционная «система помет» представляет собой разнородный и неустойчивый конгломерат, который можно произвольно менять, исключая одни элементы или добавляя новые;

2) понятие системы не согласуется с устройством набора функциональных стилей в самом языке, поскольку количество стилей неустойчиво и неопределенно: разные стили могут с достаточной степенью произвольности включаться в существующий набор или исключаться из него;

3) в отличие от системы стилистическая норма и стилистический узус вполне реальны.

Стилистической нормой можно считать выбор того или иного языкового средства в соответствии с собственно стилистическими, прагматическими и коммуникативными требованиями того или иного стиля, и максимально полно реализуемый в конситуации речевого акта. Стилистический узус, так же зависящий от конситуации и социального статуса коммуникантов, понимается как речевая практика в пределах того или иного функционального стиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее звездочкой отмечена помета, которая использовалась в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова, но была отвергнута последующими фундаментальными словарями и возрождена в данном словаре.

² Б. Акунин. Любовник смерти. М.: «Захаров», 2002. С.90.

³ Там же, с. 122.

⁴ Там же, с. 198.

⁵ Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине. М., 2010. С. 100.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. П. О стилевых чертах Интернет-стиля // Коммуникативная стилистика: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов Международной научной конференции / Под общей редакцией. Р. С. Сакиевой. Армавир, АЛУ, 2005. С. 30–39.

2. Апресян Ю. Д. (ред.) Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1.

3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 319 с.

4. Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 3–11.

5. Гадамский А. К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Уч. Зап. ТНУ Им. В. И. Вернадского. Симферополь: ТНУ, 2006. Т. 19 (58), № 2. Филология С. 186–193.

6. Евтюгина А. А. Функциональная стилистика [электронный ресурс] учебное пособие / А. А. Евтюгина. Екатеринбург: Изд-во Российского гос. профессионально-педагогического университета, 2018. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0651-8>.

7. Карасик В. В. Религиозный дискурс // Языковая личность: Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.

8. Кожина М. Н. Стилистика русского языка [электронный ресурс] / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 4-е изд. стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 464 с.

9. Крысин. Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / Памяти Т. Г. Винокура. М., 1996. С. 135–138.

10. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. М.: Издательство Юрайт, 2013. 415 с.

11. Лукьянова Н. А. Введение в русистику: Учебное пособие для студентов отделений филологии и журналистики. Новосибирск: Новосибирский гос. Университет, 2001. 174 с.

12. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 567–568.

13. РЯЭ 1979: Русский язык: Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. — М.: Издательство Советская энциклопедия, 1979. С. 334–337.

14. РЯЭ 2020: Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН: Под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2020. С. 831–832.

15. Скляревская Г. Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988, №3. С. 84–97.

16. Скляревская Г. Н. О статусе религиозного языка в современном русском языке // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. 856 с. С. 84–92.

17. Скляревская Г. Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета. СПб., 2004. С. 25–37.

18. Скляревская Г. Н. Стилистическая характеристика лексики. // Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019, vol 1, no. 1. С. 193–203 <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1>

19. Скляревская Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1995. С. 90–103.

20. Шмелев А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 612–621.

21. Шмелев А. Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 217–229.

22. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 167 с.

REFERENCES

1. Antonov V. P. O stilevy`x chertax Internet-stilya [About style features of Internet style]. In: Kommunikativnaya stilistika: vchera, segodnya, zavtra [Communicative style: yesterday, today, tomorrow]: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod obshej redakciej. R. S. Sakievoj. Armavir, Armavirskij lingvisticheskij universitet, 2005. S. 30–39.

2. Apresyan Yu. D. (redaktor) Aktivny'j slovar' russkogo yazy'ka [Active dictionary of the Russian language] / V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E'. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, MOSKVA Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Kry'lova, I. B. Levontina, A. A. Lopuxina, A. V. Ptenczova, A. V. Sannikov, E. V. Ury'son; Otvetstvenny'j redaktor Yu. D. Apresyan. Moskva, 2014, vol. 1.

3. Vinogradov V. V. Problemy' russkoj stilistiki [Problems of Russian stylistics]. Moskva, 1981.

4. Vinokur T. G. Ob izuchenii funkcional'ny'x stilej russkogo yazy'ka sovetsoj e'poxi (k postanovke voprosa) [On the study of the functional styles of the Russian language of the Soviet era (to the formulation of the question)] // *Razvitie funkcional'ny'x stilej sovremennogo russkogo yazy'ka [Development of functional styles of the modern Russian language]*. Moskva, 1968, pp. 3-11.

5. Gadomskij A. K. Religiozny'j yazy'k ili stil': popy'tka sistematizacii terminologii teolingvistiki [Religious language or style: an attempt to systematize the terminology of theolinguistics] // *Ucheny'e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo [Scientific notes of the Taurida National University]*. Simferopol', 2006. Vol. 19 (58), № 2. Filologiya, pp. 186-193.

6. Evtjugina A. A. Funkcional'naya stilistika [e'lektronny'j resurs] uchebnoe posobie [Functional stylistics [electronic resource] tutorial] / A. A. Evtjugina. Ekaterinburg, 2018. Rezhim dostupa: <http://elar.rspu.ru/978-5-8050-0651-8>.

7. Karasik V. V. Religiozny'j diskurs [Religious discourse] // *Yazy'kovaya lichnost': Problemy' lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki [Linguistic personality: Problems of cultural linguistics and functional semantics]*. Volgograd: Peremena, 1999. S. 5-19.

8. Kozhina M. N. Stilistika russkogo yazy'ka [e'lektronny'j resurs] [Stylistics of the Russian language [electronic resource]] / M. N. Kozhina, L. R. Duskaeva, V. A. Salimovskij. 4-e izdanie, stereotipnoe. Moskva: FLINTA: Nauka, 2008. 464 s.

9. Kry'sin L. P. Religiozno-propovednicheskij stil' i ego mesto v funkcional'no-stilisticheskoj paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka [Religious and preaching style and its place in the functional and stylistic paradigm of the modern Russian literary language] // [Poetics. Stylistics. Language and culture / In memory of T. G. Vinokur] // *Poe'tika. Stilistika. Yazy'k i kul'tura / Pamyati T. G. Vinokur [Poetics. Stylistics. Language and culture / In memory of T. G. Vinokur]*. Moskva, 1996. S. 135-138.

10. Kupina N. A. Stilistika sovremennogo russkogo yazy'ka : uchebnik dlya bakalavrov [Stylistics of the modern Russian language: a textbook for bachelors] / N. A. Kupina, T. V. Matveeva. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2013. 415 s.

11. Luk'yanova N. A. Vvedenie v rusistiku: Uchebnoe posobie dlya studentov otdelenij filologii i zhurnalistiki [Introduction to Russian Studies: A Textbook for Students of the Departments of Philology and Journalism]. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvenny'j universitet, 2001. 174 s.

12. LE'S: Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Glavny'j redaktor V. N. Yarceva [Linguistic Encyclopedic Dictionary / Editor-in-Chief V. N. Yartseva]. Moskva: Sovetskaya e'nciklopediya. 1990. S. 567-568.

13. RYaE' 1979: Russkij yazy'k: E'nciklopediya. Glavny'j redaktor F. P. Filin. [Russian language: Encyclopedia. Chief Editor

F. P. Filin] — Moskva: Izdatel'stvo Sovetskaya e'nciklopediya, 1979. S. 334-337.

14. RYaE', 2020: Russkij yazy'k : E'nciklopediya / Institut russkogo yazy'ka imeni V. V. Vinogradova RAN: Pod obshejcz redakciej A. M. Moldovana [Russian language: Encyclopedia / Edited by A. M. Moldovan]. 3-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva: AST-PRESS shkola, 2020. S. 831-832.

15. Sklyarevskaya G. N. Eshhe raz o problemax leksikograficheskij stilistiki [Once again about the problems of lexicographic stylistics] // *Voprosy' yazy'koznaniya [Questions of linguistics]*. 1988, №3. S. 84-97.

16. Sklyarevskaya G. N. O statuse religioznogo yazy'ka v sovremennom russkom yazy'ke [On the status of the religious language in the modern Russian language] // *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskij analiz yazy'ka. Ponyatie very' v razny'x yazy'kax i kul'turax [Linguocultural studies. Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures] / Otvetstvenny'e redaktory' N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moskva: Gnozis, 2018. 856 s. S. 84-92.*

17. Sklyarevskaya G. N. Sovremenny'j tolkovy'j slovar' zhivogo russkogo yazy'ka. Obosnovanie koncepcii. Probny'e slovarny'e stat'i. [Modern explanatory dictionary of the living Russian language. Rationale for the concept. Trial vocabulary entries] Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. S. 25-37.

18. Sklyarevskaya G. N. Stilisticheskaya karakteristika leksiki [Стилистическая характеристика лексики]. // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2019, vol 1, no. 1. S. 193-203 <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1>

19. Sklyarevskaya G. N. Funkcional'o-stilisticheskaya karakteristika leksiki v Novom akademicheskom slovare [Functional and stylistic characteristics of vocabulary in the New Academic Dictionary] // *Ocheredny'e zadachi russkoj akademicheskij leksikografii. [Sequential tasks of Russian academic lexicography] Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Instituta lingvisticheskix issledovanij Rossijskoj Akademii nauk, 1995. S. 90-103.*

20. Shmelev A. D. Yazy'kovy'e osobennosti razlichny'x vidov religioznogo diskursa [Linguistic features of various types of religious discourse] // *Yazy'k v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Kry'sina [Language in motion: To the 70th anniversary of L. P. Krysin] / Otvetstvenny'j redaktor E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk. Moskva: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2007. S. 612-621.*

21. Shmelev A. D. Funkcional'naya stilistika i moral'ny'e koncepty' [Shmelev A. D. Functional stylistics and moral concepts] // *Yazy'k. Kul'tura. Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'. [Language. Culture. Humanitarian knowledge. The scientific heritage of G. O. Vinokur and the present]*. Moskva: Nauchny'j mir, 1999. S. 217-229.

22. Shmelev D. N. Russkij yazy'k v ego funkcional'ny'x raznovidnostyax (k postanovke problemy') [Russian language in its functional varieties (to the problem statement)]. Moskva: Nauka, 1977. 167 s.

ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО СЛОВА: О СУДЬБЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЕДИНИЦ

NATALIA V. BOGDANOVA-BEGLARIAN

THE CORE AND PERIPHERY OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS
OF THE RUSSIAN WORD: ON THE FATE OF PERIPHERAL UNITS

**Наталья Викторовна
Богданова-Бегларян**

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка

► n.bogdanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

Объектом внимания в статье являются периферийные зоны лексико-грамматической характеристики русского слова и те единицы, которые попадают в эти зоны, пройдя, как правило, путь грамматикализации и/или прагматикализации. В ряде случаев реально активные элементы нашей повседневной речи не находят себе места даже и в этой периферийной зоне, они полностью выходят за рамки лексикографической фиксации и могут быть описаны лишь как прагматические маркеры, важные, тем не менее, во всех прикладных аспектах лингвистики.

Ключевые слова словарная статья, лексико-грамматическая характеристика, ядро и периферия, прагматический маркер, грамматикализация, прагматикализация.

The object of attention in the article is the peripheral zones of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word and those units that fall into these zones, having passed as a rule the path of grammaticalization and/or pragmatization. In some cases the active elements of everyday speech do not find their place even in this peripheral zone, completely go beyond the scope of lexicographic fixation and can only be described as pragmatic markers, important in all applied aspects of linguistics.

Keywords: dictionary entry, lexical and grammatical characteristic, core and periphery, pragmatic marker, grammatization, pragmatization

Всем, даже не лингвистам, хорошо знакома структура обычной словарной статьи: заголовочное слово, его грамматическая характеристика (указание на часть речи, род или вид, особенности склонения-спряжения и проч.) и самое главное – семантическое описание, толкование слова. Ради него обычно и заглядывают в словарь: что значит то или иное слово? И не секрет для всех, кто туда когда-нибудь заглядывал, что большое количество русских слов имеет не одно, а два или более значений. Полисемия – типичное свойство русской лексики. Иногда значений у слова два-три, а иногда семантическая характеристика разраста-

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00242
«Система прагматических маркеров русской повседневной речи»

ется до солидной словарной статьи, где в строгой иерархии выстраиваются различные значения/функции того или иного слова.

Иерархия предполагает наличие своего рода *ядра* и *периферии* этой лексико-грамматической характеристики. Уже соотношение этих двух зон, как показывают наблюдения над корпусным материалом, не всегда соответствует реальному функционированию единицы в речи, но особенный интерес представляет судьба периферийной зоны словарной статьи: думается, что именно здесь лежат истоки многих изменений, происходящих со словом в его реальном употреблении.

О стремлении современной лексикографии к «обновлению словарного пространства» [Богданова 2017: 7] писали уже не раз, отмечая, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7-8]¹, что существует известная «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова 2012: 65] и что языковая деятельность такого рядового носителя протекает, с одной стороны, «в постоянном согласовании собственных речевых действий с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с реальной повседневной речевой практикой его современников», с другой [Черняк 2010: 23]. В связи с этим формулируются даже новые задачи, которые встают перед лексикографией и лексикографами, ср.: «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» [Апресян 1995: 58]². Особенно это важно, когда речь идет о функционировании той или иной единицы в живой повседневной коммуникации. В описании устной речи, говоря словами М.Н. Приемышевой, пришло время перейти от *лексикографии* (описании только лексики) – к *речеграфии* (описании речи как дискурса) [Приемышева 2020]. Словарь в рамках речевой лексикографии должен отражать коммуникатив-

ное «поведение» слова, это должен быть «словарь активного типа» [Басалаева и др. 2020: 9].

Проиллюстрировать такое несоответствие между «дефиницией того или иного слова и его реальным употреблением в речи рядового носителя языка» можно практически на любом слове.

Так, обычный *хлеб* в академических словарях имеет 4 значения: 1) *только ед. ч.* Пищевой продукт, выпекаемый из муки. *Ржаной хлеб*; 2) *только ед. ч.* Зерно, из которого готовится мука для выпечки такого продукта. *Везти хлеб на элеваторы*; 3) (*мн. хлебá*), *перен., разг.* Пища, пропитание. *Противен мне хлеб ваш*; 4) *перен., только ед. ч., разг.* Средства к существованию. *Добывать хлеб трудом* [Словарь IV 1984: 601–602]. Однако в своих «несловарных» значениях ‘кусоч хлеба’ (*есть сосиски с хлебом*) или ‘запас хлеба (в доме)’ (*булки нет в доме / есть только хлеб*) это слово оказывается в нашей речи гораздо более частотным: по данным анализа материала корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), более 30 % употреблений слова *хлеб* не укладываются в эти словарные дефиниции [Звуковой корпус 2015: 75] (о корпусе ОРД см. подробнее: [Богданова-Бегларян и др. 2019, Русский язык 2016, Bogdanova-Beglarian and oth. 2016a 2016b]). Это еще раз подтверждает тот вывод, что необходима либо постоянная перестройка словарных статей, либо создание, наряду с существующими академическими, большого словаря (или серии словарей) повседневной русской речи, отражающего (отражающих) реальное положение дел³.

Дополнительным подтверждением высказанных соображений является анализ тех значений/функций языковых единиц, которые традиционно попадают в периферийную зону словарных статей на многозначное слово⁴. Наблюдения показывают, что именно периферийные значения/функции подвергаются в повседневной коммуникации различным процессам, в принципе свойственным устному дискурсу⁵, в результате чего порой рождаются новые единицы.

Так, словарная статья на глагол *сказать* содержит 7 значений этого слова [Словарь IV 1984: 101], из которых три последних (периферия семантической зоны) толкуют уже не весь глагол

как часть речи, а только ту или иную его форму: «(5) 1 л. мн. ч. буд. вр. **скажем** в знач. вводн. сл.», «(6) повел. **скажи(те)**. Разг. Восклицание, служащее, при соответствующем интонировании, для выражения удивления, возмущения, негодования и т. п. по поводу чего-л.» и «(7) 2 л. буд. вр. **скажешь (скажете)**. Прост. Восклицание, употребляемое с особой интонацией для выражения несогласия с чем-л. услышанным, презрительного отношения к мнению собеседника». Видно, что именно эти три глагольные формы подверглись процессу *грамматикализации*, под которым понимается (даем одно из возможных определений термина) «изменение, происходящее с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающее выполнение грамматических функций» [Норре, Traugott 2003: 18]. В результате грамматикализации языковое выражение теряет (полностью или частично) свое лексическое значение, которое «сужается» до функционального (или полуфункционального) употребления. Фактически при этом «одно грамматическое превращается в другое грамматическое». В приведенных примерах глагольные формы «отрываются» от парадигмы и становятся либо вводным словом (5), либо междометием (6-7), хотя последнее в словаре и не декларируется.

Такой путь проходят многие единицы из периферийных зон соответствующих словарных статей: ср., например, *время* – 6 значений в основной («ядерной») части семантической зоны и около 20 употреблений этого существительного как компонента составных предлогов (*во время* чего), союзов (*в то время* как) или наречий (*в последнее время*, *в скором времени*, *одно время*, *в своё время* и проч.) [Словарь I 1985: 227]; или *принцип* – 2 «ядерных» значения и 3 «периферийных» употребления в роли наречия (*из принципа*), вводного слова (*в принципе*) или предлога (*по принципу* чего) [Словарь III 1984: 428].

Периферийные употребления при этом, как показывает анализ корпусного материала, в целом оказываются гораздо более употребительными в нашей речи, чем исходная форма. Например, для той же формы *скажем* предикатив-

ные («ядерные») употребления единичны (от 0 до 7,5 %) во всех видах речи: письменной (основной подкорпус Национального корпуса русского языка – НКРЯ), устной научно-публицистической (устный подкорпус НКРЯ), экспериментальной (корпус монологических текстов «Сбалансированная аннотированная текстотека» – САТ) (подробнее о САТ см.: [Богданова-Бегларян и др. 2019; Звуковой корпус 2013]) и максимально естественной речи в корпусе ОРД [Звуковой корпус 2015: 218-222]. Более того, в конкретном случае с формой *скажем* процесс изменений идет еще дальше. Грамматикализованная форма (уже не глагол, а вводное слово) подвергается в нашей речи и другому процессу (на новом витке языковой эволюции) – *прагматикализации*, тесно связанному с грамматикализацией (см. об этом, например: [Degand, Evers-Vermeul 2015, Diewald 2011; Günther, Mutz 2004]). В результате у слова или формы повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного компонентов. Форма *скажем*, пройдя через этот процесс, утрачивает значение и грамматику не только глагола («действие» или «состояние»), но и вводного слова («например, к примеру») и весьма активно реализует в речи функции, вовсе не предусмотренные словарными дефинициями, ни «ядерными», ни «периферийными», становится типичным *прагматическим маркером* (ПМ) (подробнее о понятии и типологии прагматических маркеров русской речи см.: [Богданова-Бегларян и др. 2019]), ср.:

1) *вот есть / вещи такие / вот / ну / у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / не знаю / паяет что-то* (ОРД)⁶ (**поисковый хезитатив** в цепочке других хезитативных явлений (*П; ну(:); *П ну / не знаю); найденная в ходе хезитационного поиска единица в примере подчеркнута);

2) *ну просто здесь случай / *П скажем так не самый простой* (ОРД) («упреждающий» **рефлексив**, маркирующий следующий за ним эвфемизм *не самый простой*);

3) *там *Н // он пытается сейчас пересмотреть // *П ему помогают пересмотреть // *П скажем так / в том числе / толкают // *П это ж*

надо пересматривать // * П пересматривать ему не очень хочется (ОРД) (**рефлексив**, маркирующий эвфемизм помогают пересмотреть);

4) она как-то называется / язык чего-то такое / (...) ну в общем короче / (м...м) *П каков наш / *В языковой день // **так скажем** / да ? *П вот мне дали такую штуковину / *П и я хожу / она на мне висит // *П все разговоры / *П записывает (ОРД) (**хезитатив** и маркер-навигатор, помогающий говорящему продвинуть монолог вперед);

5) в общем / (...) я и не волновался // *П скажем **так** (ОРД) (**финальный** разграничительный маркер и, может быть, **рефлексив**);

б) *В и кстати (э-э) / я вот обратил внимание что / вот / национальности которые (э-э) / **скажем так** / с... среди себя только / *П размножаются ... @ а / да-да-да // @ вот // @ ну // @ они (э-э) (м-м) менее красивые чем миксы (ОРД) (**хезитатив** и «упреждающий» **рефлексив**, вводящий «нетривиальное» высказывание *среди себя только* / *П размножаются).

Подобные употребления формы *скажем* (чаще с расширением – *так/там скажем, скажем так, так скажем так, ну скажем вот* и под.) во всех видах речи составляют более 90 %. Анализ корпусного материала показал также большую вариативность структуры этого ПМ (до 7-10 разновидностей) и полифункциональность, что хорошо видно по примерам. Очевидно, что речевые единицы, не попавшие даже в периферийную зону семантического ядра глагола *сказать*, формируют фактически новое функциональное поле, уже со своим ядром и своей периферией. Так, более 40 % употреблений этого маркера в повседневной речи приходится на вариант *скажем так*, а ведущей функцией можно признать функцию рефлексива (подробнее о рефлексиве как разновидности прагматического маркера см., например: [Богданова-Бегларян 2015]).

Существительное *тип* имеет в словаре 6 значений [Словарь IV 1984: 365], но в словарной статье совсем не находится места грамматизованным и прагматизованным единицам, являющимся производными от исходного слова, ср.:

1) что-то **типа** пробки там (ОРД) (**предлог**);
2) ну у нас там / вообще так тупо / **элективный курс** / да **типа** надо (ОРД) (сравнительная **частица**, близкая к *вроде*);

3) выпили там чего-то виски ... *тыпфу* водку с колой / **типа** повеселились (ОРД) (**пояснительный союз**, близкий к *то есть*);

4) и спросил / ну **типа** умеешь вообще кататься или нет ? сидела за рулём ? (ОРД) (маркер-ксенопоказатель, вводящий чужую речь);

5) Дора% / **типа** [а] привет / *П у меня к тебе *шкурная тема* *П Коля% / и какая у тебя *шкурная тема* ко мне ? *П ну **типа** [б] / *П причём разговаривает в каком-то таком стиле // *П *красавица с накладными мозгами* (ОРД) ([а] – маркер-ксенопоказатель, вводящий чужую речь; [б] – **хезитатив**).

И это только два из множества примеров того, как единица, которая не всегда находит себе места даже в периферийной зоне словарной статьи, начинает жить в нашей речи своей собственной жизнью, не попавшей пока в поле зрения лексикографов. Полнозначное слово является для ПМ своеобразным словом-источником, из которого он развивается по такому пути: *де-* или *ресемантизация* – *грамматикализация* – *прагматикализация* – закрепление функции за определенным маркером.

Чаще всего такой путь проходят вводные слова и конструкции, изначально занимающие в любой словарной статье периферийную зону. Приведем еще ряд подобных примеров, в которых довольно частотные в нашей устной речи единицы *как говорится, что называется и так сказать*, ставшие в результате процесса грамматикализации исходных глагольных форм *говориться, называться и сказать* вводными со значением оценки степени типичности или смягчения сказанного [Словарь I 1985: 323; Словарь II 1986: 355; Словарь IV 1984: 101], подвергаются еще и процессу прагматикализации. Последний процесс совсем лишает данные единицы значения рефлексивности и делает практически бессодержательными, ср.:

б) *ну // в принципе / я сейчас смотрю / потому что / как говорится / он всё-таки составлял два месяца назад* (ОРД);

7) *но вот как-то ещё как-то / я первый раз как говорится / я так писала какие-то свои там // *П чисто такие / визуальные посмотрела там // мне так показалось // *П я говорю / Балт_Трэйду\$ / я думаю что я знаешь / я ещё пару месяцев ничего такого конкретного не скажу // мне вообще там трудно сказать (ОРД);*

8) *то есть а я (э...э) вот (э...э) то есть вот я () у нас(?) достаточно недоверчиво *Н / жёстко в некоторых моментах / да вот ? там бывает там / так далее / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится / намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я всё равно это сделаю // *П то есть я (...) то есть я никуда не уйду / то есть я / *В может и отведу / да ? *В как-нибудь / но потом я всё равно это сделаю / то есть и так далее и так далее // вот // но / *В (э...э) у меня нету* такой как бы / (э...э) то есть я очень доверчивая // и (...) вот просто вот человек сыграл вот на этом абсолютно / сто процентов Марина% (ОРД);*

9) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее горздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / @ да-да-да // @ да ? (ОРД);*

10) *ну здорово / ну всё будет зависеть от моего так сказать нового графика (ОРД);*

11) *и(:) / в связи с этим вопрос / так сказать к Марине_Дробышевой% / которая вот клубный секретарь (ОРД).*

В контекстах (5)-(11) трудно объяснить, с какой целью употреблены вводные конструкции-рефлексивы: ничего нетривиального они не вводят, ничего не оценивают и не смягчают, зато зачастую вписываются в протяженные *гезитационные цепочки*, включающие целый ряд других вербальных и невербальных *гезитативов*, столь характерных для спонтанного речепорождения (в примерах все они подчеркнуты). Создается впечатление, что говорящий использует их, что называется, вхолостую, в какой-то степени «для красного словца», чтобы его речь выглядела более правильно и красиво (единицу в таком употреблении можно называть *декоративом*, или даже «никчемутивом»).

В такой же роли встречается в нашей речи и вводное словосочетание *собственно говоря*, ср.:

12) *Сила собственно говоря сочинений Вэбстера / в его особом / таком фразеологическом / направлении / речи / [шум] пророка (УП НКРЯ)⁷.*

Можно предположить, что немотивированное употребление всех таких единиц является еще одним маркером низкого уровня речевой компетенции (УРК) говорящего⁸ свидетельствует о его затруднениях при построении устного высказывания и может быть охарактеризовано как своего рода *гиперкоррекция*: человек хочет произвести впечатление на собеседника, говорить лучше, чем ему свойственно, но при отсутствии навыков публичной речи сбивается и нагромождает видимые «приметы хорошей речи» (*хочет*, что называется, *как лучше, а получается, как всегда*). Попутно заметим, что контекст (8) в приведенной выше подборке – из речи И12: информанта 26 лет, девушки с высшим образованием, менеджера в области бизнес-закупок (работает секретарем в сфере обслуживания). А контекст (9) принадлежит И39 – информанту 53 лет, также с высшим образованием, специалисту по ядерным судовым установкам, который в данный момент работает фотографом. Иными словами, социальные характеристики, как минимум, данных говорящих не соответствуют тому УРК, который выявляет их речь. Они *должны бы* говорить достаточно хорошо, и стараются это делать, но беспристрастный «диктофон на шее»⁹ зафиксировал то, на что эти говорящие реально способны.

Если все упомянутые единицы можно интерпретировать как *декоративы* / «никчемутивы» или – в выраженном гезитативном контексте – *гезитативы*, то для словосочетания *так сказать* в корпусном материале нашлось и довольно редкое употребление в роли маркера-*ксенопоказателя*, вводящего в повествование чужую речь (в контексте подчеркнута), ср.:

13) *ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет так сказать ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей и они скажут идите в ж-ж*пу может быть # <C> # <C> нет ? не хотите ? *Н мы вам сто рублей дадим (ОРД).*

Такой возможности для словосочетания *так сказать* не предполагает даже и периферийная зона его лексико-грамматической словарной характеристики.

Параллельно со всеми выводами лингвистического и социолингвистического характера подобный анализ позволяет убедиться в справедливости того положения, которое стало главным в настоящей работе: периферийные зоны лексико-грамматической характеристики русского слова являются той «благодатной почвой», на которой произрастают ростки нового в нашей речи и, в конечном счете, в нашем языке.

В различных прикладных целях, таких как автоматическая обработка звукового сигнала, автоматическое распознавание и синтез речи, лингвокриминалистика (идентификация личности по особенностям речи), лингвистическая экспертиза и, конечно, лингводидактика (особенно в аспекте русского языка как иностранного), абсолютно необходимо описание таких периферийных зон лексико-грамматической характеристики русского слова, которые обнаруживают явные отличия от ее ядра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом также: [Богданова 2011]. В этой статье «рассматривается бытование русского слова в трех режимах его фиксации: словарь (то, что должно быть), речь (то, что есть на самом деле) и ментальный лексикон говорящего (его представление о том, как должно быть) [Там же: 6]. Под *ментальным лексиконом* при этом понимается, как минимум, словарный запас конкретной языковой личности, а как максимум – «сложная многоярусная система пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека» [Залевская 1990: 87-88]; или, иными словами, ««словарь в голове» индивида, функционирующий в соответствии с закономерностями психического развития человека – носителя языка и культуры» [Золотова 2005: 3].

² «Наивную картину мира в лексических значениях», о которой пишет Ю. Д. Апресян, можно, по-видимому, отождествить в некотором приближении опять же с ментальным лексиконом носителя языка, с представлением человека о том, что означают те слова, которыми он по преимуществу пользуется в своей речевой практике.

³ См., например, целый сборник работ на эту тему: [Повседневная речь 2020].

⁴ Заметим, впрочем, что ядро и периферия могут выделяться в словарной статье и на однозначную единицу, если она входит в структуру каких-либо идиом или иных устойчивых выражений, ср., например, глагол *болеть*: «ядерное» значение 'Испытывать боль, ощущение боли (о какой-л. части тела)'. *Нога болит*; на периферии этой весьма короткой словарной статьи находим, тем не менее: ◊ *Душа* (или *сердце*) *болит* у кого – о чувстве тревоги, скорби о ком-, чем-л. [Словарь I 1985: 105].

⁵ Ряд таких процессов достаточно обширен: грамматикализация, прагматикализация, идиоматизация, ре- и десемантизация, редукция и т. п. Подробнее об этих процессах см., например: [Богданова-Бегларян 2016: 26].

⁶ Об особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материалов ОРД см. подробнее: [Русский язык 2016: 242-243]. Так, *П означает хезитативную паузу, *В – вздох, *С – смех, (:) – удлинение предшествующего звука и т. п.

⁷ В корпусе ОРД подобного употребления не встретилось, пример приведен из устного подкорпуса НКРЯ.

⁸ О других маркерах УРК говорящего см.: [Звуковой корпус 2014].

⁹ Подробнее о методике записи материала ОРД см., например: [Звуковой корпус 2013; Русский язык 2016; Bogdanova-Beglarian and others 2016a, 2016b].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23-25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 9-10 // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
3. Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, № 2. С. 65–70.
4. Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. м-лов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Изд-во «Четыре четверти». 2017. С. 7-12.
5. Богданова Н. В. Русское слово в трех режимах фиксации – словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты) // Русский язык за рубежом. 2011, № 6. С. 6-14.
6. Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова, № 3, 2015. С. 11-17.
7. Богданова-Бегларян Н. В. Устная спонтанная речь и разнообразие происходящих в ней процессов // Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). Issue III, November 2016. С. 26-31.

8. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. вып. В. А. Плунгян. М., 2019. С. 101-110.
9. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111-126.
10. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.) / Гл. ред. В. П. Селегей. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 72–85.
11. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990, 205 с.
12. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
13. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
14. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Кол. мон. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2015, 364 с.
15. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2005. 44 с.
16. Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020 // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>.
17. Приемывшева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58-59 // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
18. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016, 244 с.
19. Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П – Р. Изд. 2-е, испр. и доп. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 750 с.
20. Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С – Я. Изд. 3-е, стер. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 800 с.
21. Словарь русского языка в четырех томах. Том I. А – Й. Изд. 3-е, стер. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985. 702 с.
22. Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К – О. Изд. 3-е, стер. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
23. Черняк В. Д. Нормативные словари в современном социокультурном пространстве // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. М-лы Всероссийской науч. конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11-13 ноября 2009 года. СПб.: САГА, 2010. С. 22-27.
24. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016. Pp. 100-107.
25. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016. Pp. 659-666.
26. Bogdanova-Beglarian, N., Filyasova, Yu. Active Processes in Modern Spoken Language (Evidence from Russian) // Digital Transformation and Global Society. Third International Conference, Conference proceedings DTGS 2018, St Petersburg, Russia, May 30 – June 2, 2018, Revised Selected Papers, Part II. Communications in Computer and Information Science (CCIS). Vol. 859 / D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Yu. Kabanov, O. Koltsova (eds.). Springer, Cham, 2018. Pp. 391-403.
27. Degand, L., Evers-Vermeul, J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue // Journal of Historical Pragmatics. 16:1, 2015. Pp. 59–85.
28. Diewald, G. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions // Linguistics. 49 (2), 2011. Pp. 365–390.
29. Günther, S., Mutz, K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. Pp. 77-107.

30. Hopper, P. J., Traugott, E. C. Grammaticalization. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.

REFERENCES

1. Apersyan, Yu. D. (1995) Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka [Lexical Semantics. Synonymous Language Means]. Moscow. (in Russian)

2. Basalayeva, Ye. G., Bulygina, Ye. Yu., Tripol'skaya, T. A. (2020) Stilisticheskaya kvalifikatsia razgovornoj leksiki v Baze dannykh pragmaticheski markirovannoj leksiki russkogo jazyka [Stylistic Qualification of Spoken Vocabulary in the Database of Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language]. In: *Povsednevnyaya rech' kak objekt leksikografii (XIII Shmelevskie chtenia). Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferentsii (23–25 fevral'a 2020) [Everyday Speech as an Object of Lexicography (XIII Shmelev Readings). Abstracts of the International Conference (23–25 February 2020)]*. <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>. (in Russian)

3. Bogdanova, L. I. (2012) Kognitivnaya informatsia dl'a tolkovykh slovarej [Cognitive Information for Explanatory Dictionaries]. In: *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia [Moscow University Herald. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication]*. № 2. Pp. 65–70. (in Russian)

4. Bogdanova, L. I. (2017) Slovo v rechi i v slovare [Word in Speech and in the Dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et Vocabularium [Word and Dictionary = Vocabulum et Vocabularium]*. Minsk. Pp. 7–12. (in Russian)

5. Bogdanova, N. V. (2011) Russkoe slovo v tr'okh rezhimakh fiksatsii – slovar', mental'nyj leksikon i real'noe upotreblenie (leksikograficheskij i lingvometodicheskij aspekty) [Russian Word in Three Modes of Fixation – Dictionary, Mental Lexicon and Real Use (Lexicographic and Linguo-Methodological Aspects)]. In: *Russkij jazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*. № 6. Pp. 6–14. (in Russian)

6. Bogdanova-Beglarian, N. V. (2015) Refleksiv v sisteme diskursivnykh jedinit russkoj ustnoj rechi [Reflexive in the System of Discursive Units of Russian Oral Speech]. In: *Mir russkogo slova [The World of the Russian Word]*. № 3. Pp. 11–17. (in Russian)

7. Bogdanova-Beglarian, N. V. (2016) Ustnaya spontannaya rech' i raznoobrazie proiskhodyashchikh v nej protsessov [Oral Spontaneous Speech and the Variety of Processes Occurring in it]. *Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*. Iss. III, November 2016. Pp. 26–31. (in Russian)

8. Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. (2019) Korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshchenia «Odin rechevoj den'»: tekushchee sostojanie i perspektivy [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication “One Speech Day”: Current State and Prospects]. In: *Trudy In-ta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyj korpus [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Iss. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development]*. Moscow. Pp. 101–110. (in Russian)

9. Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Zaides, K. D.,

Sherstinova, T. Yu. (2019) Korpus «Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka» (SAT): izuchenie spetsifiki russkoj monologicheskoy rechi [Corpus “Balanced Annotated Text Library” (SAT): Studying the Specifics of Russian Monologue Speech]. In: *Trudy In-ta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyj korpus russkogo jazyka: issledovaniya i razrabotki [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Iss. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development]*. Moscow. Pp. 111–126. (in Russian)

10. Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu., Zaides, K. D., Popova, T. I. (2019) Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpusе: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty [Annotation of Pragmatic Markers in the Russian Speech Corpus: Problems, Searches, Solutions, Results]. In: *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po m-lam jezhegodnoj mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog» (Moskva, 29 maya – 1 ijun'a 201) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. According to the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, May 29 – June 1, 2019)]*. Iss. 18 (25). Moscow. Pp. 72–85. (in Russian)

11. Zalevskaya, A. A. (1990) Slovo v leksikone cheloveka: Psicholingvisticheskoe issledovanie [Word in Human Lexicon: Psycholinguistic Research]. Voronezh. (in Russian)

12. Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi (2013). Kollektivnaya monjgrafia. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St Petersburg. (in Russian)

13. Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi (2014). Kollektivnaya monjgrafia. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennost'akh ustnoj spontannoj rechi raznogo tipa. Zvukovoj korpus kak material dl'a prepodavaniya russkogo jazyka v inostrannoj auditorii [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 1. On Some Features of Spontaneous Oral Speech of Different Types. Speech Corpus as a Material for Teaching Russian in a Foreign Audience]. St Petersburg. (in Russian)

14. Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi (2015). Kollektivnaya monjgrafia. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novykh leksikograficheskikh proektov [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Material for New Lexicographic Projects]. St Petersburg. (in Russian)

15. Zolotova, N. O. (2005) Jadro mental'nogo leksikona cheloveka kak jestestvennyj metajazyk [The Core of the Human Mental Lexicon as a Natural Metalanguage]. Abstract of Doctoral Dissertation. Tver. (in Russian)

16. Povsednevnyaya rech' kak objekt leksikografii (XIII Shmelevskie chtenia) (2020). Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferentsii (23–25 fevral'a 2020) [Everyday Speech as an Object

- of Lexicography (XIII Shmelev Readings). Abstracts of the International Conference (23-25 February 2020)]. <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>. (in Russian)
17. Priyemysheva, M. N. (2020) Razgovornaya leksika vs razgovornaya rech': tendentsii i problemy leksikograficheskogo opisania [Colloquial vocabulary vs colloquial speech: tendencies and problems of lexicographic description]. Povsednevnyaya rech' kak objekt leksikografii (XIII Shmelevskie chtenia). Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferentsii (23–25 fevral'a 2020) [Everyday Speech as an Object of Lexicography (XIII Shmelev Readings). Abstracts of the International Conference (23-25 February 2020)]. <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>. (in Russian)
18. Russkij jazyk povsednevnogo obshchenia: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh (2016). Kollektivnaya monografiya [Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups. Collective Monograph]. St Petersburg. (in Russian)
19. Slovar' russkogo jazyka v chetyr'okh tomakh (1984). Tom III. P–R [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Vol. III. P–R]. Moscow. (in Russian)
20. Slovar' russkogo jazyka v chetyr'okh tomakh (1984). Tom IV. S–Ja [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Vol. IV. S–Ja]. Moscow. (in Russian)
21. Slovar' russkogo jazyka v chetyr'okh tomakh (1985). Tom I. A–J [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Vol. I. A–J]. Moscow. (in Russian)
22. Slovar' russkogo jazyka v chetyr'okh tomakh (1986). Tom II. K–O [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Vol. II. K–O]. Moscow. (in Russian)
23. Chernyak, V. D. (2010) Normativnye slovari v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Normative Dictionaries in Modern Socio-Cultural Space]. In: *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Tekst slovar'a i kontekst leksikografii. M-ly Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. St Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 11-13 nojabr'a 2009* [Word. Vocabulary. Literature: Dictionary Text and Lexicography Context. M-ly All-Russian Scientific Conferences. St Petersburg, A. I. Herzen RGPU, November 11-13, 2009]. St Petersburg. Pp. 22-27. (in Russian)
24. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. (2016) An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland. Pp. 100-107.
25. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A. (2016) Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland. Pp. 659-666.
26. Bogdanova-Beglarian, N., Filyasova, Yu. (2018) Active Processes in Modern Spoken Language (Evidence from Russian) // Digital Transformation and Global Society. Third International Conference, Conference proceedings DTGS 2018, St Petersburg, Russia, May 30 – June 2, 2018, Revised Selected Papers, Part II. Communications in Computer and Information Science (CCIS). Vol. 859 / D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Yu. Kabanov, O. Koltsova (eds.). Springer, Cham, 2018. Pp. 391-403.
27. Degand, L., Evers-Vermeul, J. (2015) Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. In: Journal of Historical Pragmatics. 16:1. Pp. 59–85.
28. Diewald, G. (2011) Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions. In: Linguistics. 49 (2). Pp. 365–390.
29. Günther, S., Mutz, K. (2004) Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines. Pp. 77-107.
30. Hopper, P. J., Traugott, E. C. (2003) Grammaticalization. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

LARISA V. RATSIBURSKAYA

SOCIO-SIGNIFICANT WORDS IN THE MODERN DERIVATIONAL PROCESSES

**Лариса Викторовна
Рацибурская**

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой современного
русского языка и общего языкознания

► racib@yandex.ru

Институт филологии и журналистики,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина,
23, Россия 385000 г. Майкоп,
ул. Краснооктябрьская, 19, 9

Ratsiburskaya Larisa V.

Institute of Philology and Journalism,

National Research Lobachevsky
State University of Nizhni Novgorod

Gagarin Av., 23, Nizhni Novgorod,
603950, Russia

Ключевые слова социокультурного пространства могут выступать в качестве исходных слов в деривационных процессах русского языка начала XXI века, результаты которых – новообразования – представлены в медийных текстах. Новообразования, созданные на базе социально-значимых слов, а также по образцу ключевых словообразовательных моделей, отражают когнитивные, культурные и ценностные приоритеты общественного сознания

Ключевые слова: деривационные процессы; ключевые слова; ключевые модели; новообразования; массмедиа.

Key words of the socio-cultural space can act as base words in the derivational processes of the Russian language of the beginning of the XXI century, which results – neologisms – are presented in media texts. Neologisms based on the socio-significant words reflect cognitive, cultural and value priorities of the social consciousness.

Keywords: derivational processes; key words; key models; neologisms; mass media.

Рубеж XX–XXI веков принято считать периодом инновационного бума в русском языке. «В первые десятилетия XXI века русский язык, отвечая на значимые цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического развития и обновления, рефлекс которого проявляются в активных процессах <...> во всех сферах дискурсивной реализации системных возможностей языка» [Социокультурные 2018: 4], и в частности в деривационных процессах. Современные деривационные процессы «показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы» [Лингвокогнитивные 2020: 35]. В этом плане показательны медийные неoderиваты, которые являются своеобразным социально-психологическим откликом автора медиатекста на актуальные события в России и мире. Изучение новообразований

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике» (2020–2021 гг.).

в медийных текстах также позволяет увидеть, «как картина мира пропущена через индивидуальное сознание автора» [Плотникова 2017: 320].

С точки зрения социокультурной и лингвокогнитивной большую роль в деривационных процессах играют социально значимые производящие слова, актуальные в тот или иной период времени. Подобные исходные слова можно назвать ключевыми словами социокультурного пространства [Лингвокогнитивные 2020]. Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных. Инновации на базе подобных ключевых слов, чаще всего входящие в медийный, рекламный или политический дискурс, всегда выступают выразителями чьих-то интересов, представляют то или иное сообщество, группу, партию и т.п. и в соответствии с целями этого сообщества моделируют определенную, нужную той или иной социальной группе реальность [Радбиль 2017].

Цель данного исследования – определить роль социально значимых слов как производящих, исходных слов в деривационных процессах. В научный оборот вводятся слова семантического поля болезни, связанного с коронавирусной пандемией (*коронавирус, ковид, корона*), а также слова, называющие пандемические реалии. На основе структурно-семантического и контекстуального видов анализа характеризуются когнитивные, социокультурные особенности производных на базе данных ключевых слов социокультурного пространства. Источником материала исследования послужили медийные тексты электронных и печатных СМИ, теле- и радиоэфира за 2020 год – период официально объявленной пандемии коронавируса.

Так, пандемия коронавируса стала источником разнообразных дериватов на основе названий *коронавирус* и *ковид* (COVID-19). Данные названия активно включаются в деривационные процессы, являясь производными для разнообразных по словообразовательной структуре и частеречным характеристикам производных слов: *Несмотря на «коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается...* (День города, 29.07–04.08.2020); *Я бы не стал утверждать, что Китай живет преж-*

ней, доэпидемической, докоронавирусной жизнью (Россия-1, 21.04.2020); *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит* (Россия-24, 13.05.2020); *докоронавирусный стиль жизни* (1-й канал, 23.06.2020); *В посткоронавирусном мире все будет по-другому* (МК.RU, 17.03.2020); *Отдых в посткоронавирусную эпоху будет другим* (1-й канал, 27.04.2020); *Почему посткоронавирусный синдром будет давить на психику долго и как его пережить* (Российская газета, 17.04.2020); *...в шахматном, антикоронавирусном порядке* (Россия-1, 24.05.2020); *Одновременно давать слово экспертам и очевидцам – тем, кто переболел, борется или победил «корону»* (Российская газета, 17.04.2020); *Психологи рассказали о «ковидофобии» москвичек среднего возраста <...> в первую очередь это боязнь выйти на улицу и заразиться. Данный феномен можно назвать «ковидофобией»* (RADIOSPUTNIK.RIA.RU, 08.04.2020); *По-прежнему он находится на связи со всеми ковидниками – так в «Скорой» называют пациентов, переболевших коронавирусом* (1-й канал, 07.05.2020); *Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни* (Россия-1, 07.06.2020); *Динамика по «нековидным» заболеваниям в Нижегородской области и Удмуртии осталась на среднестатистическом уровне* (Российская Газета: Неделя 15.07.2020); *Поведением управляют накопленные в самоизоляции страх и тревога, снижение доверия к людям и миру, обдуманное ослабление ближних и дальних связей, ставшее жестом постковидной культуры...* (Российская газета, 17.04.2020); *меры противокоронавирусной безопасности* (Россия-24, 21.08.2020); *Ковидобесие в РФ стало страшнее любой инфекции – Михаил Делягин* (REGNUM.RU, 15.04.2020); *Ковидиот, инфодемия и самоизоляция: как коронавирус меняет русский язык?* (mir24.tv, 12.04.2020) – в последнем случае неодериват представляет собой контаминацию слов *ковид* и *идиот*, как в английском языке; *Таких уже называют ковид-диссидентами: они не верят в эпидемию* (Россия-24, 01.05.2020); *Я не был ковид-диссидентом, которые отрицают реальность эпидемии* (Яндекс.Дзен, 07.05.2020); *Мэрия, наоборот, уверяла, что туалеты безопасны, но люди воспринимали это как ковид-диссидентство* (Российская газета, 17.04.2020); *Слышала, ковид-пациентов ле-*

чат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных (Свой Взгляд, 22-28.05.2020). Номинация COVID-19 нередко представлена в составе графических дериватов: **COVIDное** постоянство: *коронавирус станет сезонной болезнью, как грипп* (Известия.IZ, 28.02.2020); **Записки COVID-волонтера** (Собеседник, www.sobesednik.ru, 15-16.05.2020).

Данные производные относятся к разным частям речи, в основном к существительным и прилагательным, к разным способам словообразования, как узуальным (префиксация, суффиксация, сложение), так и окказиональным: контаминация (*ковидиот*), заменительная деривация (*ковидобесие < мракобесие*).

В связи с пандемией коронавируса активизировались словообразовательные модели сложных существительных агглютинативного типа с первой частью *корона-*: **Коронаколлекция** (yandex.ru/collections, 21.03.2020); **Вирус как оружие. Кто инициировал коронаистерию** (zen.yandex.ru, 27.03.2020); **Коронадайджест** (Общество, 30.03.2020); **Новая возможная дата коронакризиса – 1 мая** (Россия-1, 12.04.2020); **Коронакризис** позволил быстро наглядно высветлить те слабые места, которые накопились к весне 2020-го у российской экономики (Московский комсомолец, РРЕ, 22-29.04.2020); «**Коронакризис**» оказался сложнейшим экзаменом не только для системы здравоохранения, но и для властных систем (Аргументы и факты, 29.04-05.05.2020); **Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что отложил традиционное послание парламенту и народу из-за «коронапсихоза»** (m.Lenta.ru/news, 29.04.2020); **корона-свидания** на карантино-расстоянии (Московский комсомолец, РРЕ, 22-29.04.2020); **В Интернете настоящий коронабум** (Россия-1, 24.04.2020); **Готовят внушительный фотоальбом с коронатворчеством** (Комсомольская правда, 15-22.04.2020); **Это ответ так называемым коронаскептикам, которые утверждают, что вирус не так опасен** (1-й канал, 25.04.2020); **Новый альбом певицы признали лучшей корона-терапией** (Московский комсомолец, 03.06.2020).

Еще одно социально значимое слово последнего времени – существительное *карантин*, которое также дает многочисленные произво-

дные существительные, прилагательные и глаголы: **Смехокарантинус**: *подборка смешных картинок на злобу дня* (zen.yandex.ru, 23.03.2020); **Отменили Евровидение – получите карантинovidение** (mir24.tv, 12.04.2020) – заменительная деривация; **Карантиниада 2020. Современное пятижорье. Перетягивание салата. Фигурное питание <...> Легкая котлетика. Балконный спорт. Вялобол. Алкогольф** (Пикабу, 22.04.2020) – в данном случае новообразование создано по конкретному образцу *олимпиада*: в тексте обыгрываются названия различных видов спорта; **В первый день после карантина бутик Hermes в Гуанчжоу похвастался рекордной выручкой в почти 3 млн долларов <...> но этот случай стоит рассматривать скорее как исключение, чем как посткарантинную тенденцию** (sunmag.me/trend/24-04-2020); **антикарантинный протест** (Радио России, 24.05.2020); **Мы карантиним в таких тонах** (НТВ, 26.04.2020).

К социально значимой лексике относятся и другие слова семантического поля пандемии (шире – болезни), на базе которых также появляются не-одериваты в медийных текстах: **Эпидемия превратилась в инфодемию** (Россия-24, 08.03.2020); **...у кого очень мало шансов принести прибыль в постпандемийное время** (Zen.yandex.ru, 25.04.2020); **постпандемические швы** (НТВ, 14.05.2020); **Макс Покровский проживает новое время с «постпокалиптическим спокойствием»** (Московский комсомолец, 03.06.2020); **Главнoinфекционная мисс Катастрофа** (expert.ru/ввод, 22.03.2020); **Российскую экономику поразил «сечинавирус» <...> инициатором разрыва с ОПЕК был глава «Роснефти» Игорь Сечин** (TVRAIN.RU, 09.03.2020); **... у одного человека, в организме которого (как и у всех) миллиарды миллиардов вирусенков, у одного вирусенка возникла мутация** (m.buisiness-gazeta.ru, 23.05.2020); **Назван новый способ заражения коронавирусом <...> некоторые люди являются аэрозольными суперраспространителями** (yandex.ru, 06.04.2020); **основная претензия вакциноскептиков** (Россия-24, 18.08.2020); **Двойные стандарты! Работать нельзя, а вот волонтерить можно!** (МК в Нижнем Новгороде, 15-22.04.2020).

Обилие подобных новообразований в соче-

тании с определенным воздействующим контекстом в значительной степени оказывает негативное влияние на адресата, поскольку способствует нагнетанию панических настроений.

Тема пандемии представлена во многих сложных дериватах агглютинативной структуры: ...*стоятельные клиенты самой богатой китайской провинции решили выпустить **шопинг-пыл** и бодро закупились товарами одного из самых качественных и культовых люксовых брендов (sunmag.me/trend/24-04-2020); ...многим из нас придется урезать **шопинг-лист** (sunmag.me/trend/24-04-2020); Модные фотосессии перейдут в онлайн... или просто в **эконом-режим** (sunmag.me/trend/24-04-2020).*

Всеобъемлющее влияние Интернета и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовало повышению частотности в неодериватах частей *интернет- и онлайн-: Просчитались **интернет-паникеры** из разных стран (НТВ, 18.04.2020); Волонтеры объяснят, как уйти на налоговые каникулы и помогут выбрать **онлайн-няню** (Комсомольская правда, 15.04.2020); Какие **онлайн-проекты** помогут учиться на карантине (Российская Газета, 22.04.2020); Создана **онлайн-тетрадь** для школьников и учителей (Российская Газета, 22.04.2020); Модные показы перейдут в **онлайн-формат** (sunmag.me/trend/24-04-2020); Пятая неделя изоляции. **Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн** (kommersant.ru, 24.04.2020); Вакцина от хореографов фестиваля «Спасская башня»: **онлайн-уроки танцев народов мира** (Российская Газета, 02.05.2020).*

Наряду с исходными ключевыми словами социокультурного пространства активность в деривационных процессах проявляют словообразовательные модели, которые можно отнести к ключевым моделям деривационного пространства. Так, наряду с моделями агглютинативного характера продуктивными являются модели универбации с суффиксом *-к(а)*, по которым также создаются неодериваты, отражающие ситуацию пандемии: *Специалисты по безопасности отмечают, что поспешный перевод на удалёнку приведет к*

*ошибкам администрирования и появлению незащищенных сетей (Российская Газета, 08.04.2020); Звонки в сети стали темой фильма «Удалёнка» (Российская Газета, 08.04.2020); Виртуальные барахолки стали срезом жизни немцев на карантине <...> Что же продают и покупают немцы на виртуальных «блшинках» (Российская Газета, 08.04.2020); ...заразили одного из сотрудников, имеющих доступ внутрь, и дальше **респираторка** сделала черное дело (Комсомольская правда, 22-29.04.2020).*

Новообразования с исходными словами, отражающими ситуацию пандемии в современном российском социуме, достаточно наглядно свидетельствуют об общественных умонастроениях: от негативной оценки, неприятия сложившейся ситуации до иронизирования и языковой игры. В качестве исходных слов выступают ключевые слова социокультурного пространства: *коронавирус, ковид, корона, эпидемия, пандемия, карантин, вирус, вакцина, волонтер, онлайн* и др. Ключевыми в деривационном пространстве становятся и некоторые словообразовательные модели, в частности модели сложных слов агглютинативного характера, модели универбации.

В новообразованиях, созданных на базе социально-значимых слов и с участием актуальных словообразовательных моделей, «находят свое отражение когнитивные, культурные и ценностные приоритеты современного общественного сознания, новые коммуникативные потребности» [Социокультурные 2018: 4–5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: коллективная монография / Маркова Е. М., Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Ручина Л. И. и др.; под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. 248 с.
2. Плотникова Л. И. Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ // Теория и практика ономастики и дериватологических исследований: коллективная монография/Науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 304–323.
3. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
4. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты со-

временных словообразовательных процессов: коллективная монография / Рацибурская Л. В., Радбилъ Т. Б., Щеникова Е. В., Бакич Н. А., Торопкина В. А., Жданова Е. А.; под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2018. 232 с.

REFERENCES

1. Markova E. M., Radbil' T. B., Ratsiburskaia L. V., Ruchina L. I. and others; ed by. L. V. Ratsiburskaia. (2020) Lingvokognitivnye aspekty izucheniia natsional'nykh kontseptosfer v sinkhronii i diakhronii: kollektivnaia monografiia [Linguocognitive aspects of national conceptspheres' studying: collective study]. Nizhny Novgorod. (in Russian)

2. Plotnikova L. I. (2017) Leksicheskie novoobrazovaniia v russkom iazyke: raznoaspektnyi analiz [Lexical neoderivatives in Russian language: analysis in different aspects]. In: *Teoriia i praktika onomastiki i derivatologicheskikh issledovani*:

kollektivnaia monografiia [Theory and Practice of Onomatology and Derivatological Studies: collective study]. Maikop, pp. 304–323. (in Russian)

3. Radbil' T. B., Ratsiburskaia L. V. (2017) Slovoobrazovatel'nye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom iazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt [Derivative innovations on the basis of adoption elements in modern russian: linguoculturological aspect]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 2. pp. 33–39. (in Russian)

4. Ratsiburskaia L. V., Radbil' T. B., Shchenikova E. V., Bakich N. A., Toropkina V. A., Zhdanova E. A. (2018) Sotsiokul'turnye i lingvopragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh protsessov: kollektivnaia monografiia [Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes: collective study]. Moscow. (in Russian)

[хроники]

ЗАВЕРШИЛАСЬ САМАЯ КРУПНАЯ ТЕСТОВАЯ СЕССИЯ ПО РКИ В ЕВРОПЕ

С 19 по 21 июня 2020 года Центром языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета на базе Центра русского языка и культуры Russian Word (г. Салоники, Греция) была проведена самая крупная тестовая сессия в Европе по русскому языку как иностранному.

Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию во всем мире, закрытые границы и переход на дистантный формат обучения, летняя экзаменационная сессия состоялась. В сессии приняли участие 200 человек из 14 греческих городов. В этот непростой для всех период интерес к русскому языку не только не упал, но и значительно возрос, о чем говорит упомянутое число тестируемых.

Для проведения очно-заочной сессии были предприняты все необходимые меры, обеспечивающие полную санитарно-эпидемиологическую безопасность и психологический комфорт для тестируемых.

Для многих иногородних кандидатов было составлено индивидуальное расписание, что способствовало снятию тестовой тревожности

и комфортному прохождению всех частей теста. Организаторы тестирования уверены, что благодаря материально-техническому обеспечению центра Russian Word, грамотности его сотрудников, прозрачности финансовой отчетности и доброжелательности экзаменаторов, тестовая среда соответствовала высоким стандартам качества предоставления образовательных услуг в Европе. Результаты тестирования были объявлены на десятый день со дня завершения тестирования.

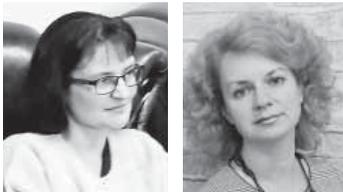
Сотрудничество СПбГУ и центра Russian Word началось в 2016 году. За минувшие 5 лет было проведено уже 9 тестовых сессий, что свидетельствует о прочных и надежных партнерских отношениях и доказывает востребованность данного формата работы. Количество желающих проверить уровень владения русским языком неуклонно растет: от 133 желающих в 2016 г. до 300 кандидатов в 2020 г.

Совет правления Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы и коллектив центра Russian Word поздравляют всех, кто, преодолев себя, оказался на вершине желанного успеха, а также тех, кто это преодоление сопровождал.

Т. В. Леонтьева,
А. В. Щетинина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В СЛОВЕ ДРУГ-ВРАГ: КОНТЕКСТНЫЙ АНАЛИЗ

TATYANA V. LEONTYEVA, ANNA V. SHCHETININA
REPRESENTATION OF OPPOSITES IN THE WORD ДРУГ-ВРАГ [FRIEND-ENEMY]:
CONTEXTUAL ANALYSIS

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой языков массовой
коммуникации

► leotany@mail.ru

Анна Викторовна Щетинина

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры языков массовой
коммуникации

► anna-73.schetinina@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

*Leontyeva Tatyana Valeryevna,
Shchetinina Anna Viktorovna*

Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
st. Mira, 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

В статье анализируются примеры употребления в речи слова друг-враг. Отмечается оксюморонная природа данной номинации. Выявляются значения этого слова, устойчиво реализующиеся в контекстах. Материал извлечен из Национального корпуса русского языка. Установлено, что слово друг-враг может обозначать человека, выступающего то другом, то врагом; идейного противника; тайного друга либо тайного врага; а также близкого знакомого, отношения с которым вызывают напряжение и неприятные ощущения.

Ключевые слова: друг-враг; антонимы; оксюморон; антитеза; деривация; сложное существительное.

The examples of the use of the word друг-враг [friend-enemy] in speech is analyzed in the article. The oxymoronic nature of this nomination is noted. The meanings of this word that are steadily realized in contexts are revealed. Material is extracted from the National corps of the Russian language. It has been established that the word друг-враг [friend-enemy] can denote a person acting either as a friend or an enemy; ideological adversary; secret friend or secret enemy; as well as a close friend, relations with which cause tension and discomfort.

Keywords: a friend-enemy; antonyms; oxymoron; antithesis; derivation; compound noun.

Отношения оппозиции «свой» — «чужой» находят отражение во всех сторонах жизни человека и общества, в том числе конкретизируются в частном противопоставлении понятий «друг» — «враг», исследованию которых посвящено множество работ [Балясникова 2003; Вежбицкая 2001; Лаптева 2013; Леонтьева 2016, 2019; Лукашкова 2002; Урысон 2003; Халилова 2013; Шмелев 2005 и др.].

Отношения между словами *друг* и *враг* атрибутируются в научных публикациях как дихотомические: *В качестве критерия для определе-*

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс» / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse").

ния природы политики К. Шмитт предлагает **дихотомию «друг-враг»** [Вицентий 2014: 77]; В социокультурном смысле конфликт составляет необходимую характеристику любого сообщества, которое консолидируется, противопоставляясь другим, поскольку **дихотомия «друг» — «враг»** является определяющей для самой природы человека [Алешина 2014: 109]. Подразумевается, что одно понятие расщепляется на два взаимоисключающих понятия, иначе говоря, некий класс объектов включает в себя две группы строго противопоставленных объектов. В данном случае, поскольку речь идет об оценочных категориях, общее понятие, подвергнутое разделению, не столь очевидно, но, по-видимому, имеется в виду «человек из окружения», то есть тот, кто находится в отношениях с субъектом оценки. Далее это понятие уточняется в вариантах «человек, состоящий с субъектом оценки в отношениях дружбы» (*друг*) и «человек, состоящий с субъектом оценки в отношениях вражды» (*враг*).

Однако в речи функционирует языковая единица *друг-враг* (*друзья-враги*), и в пределах подобных речевых реализаций антагонисты, обозначаемые словами *друг* и *враг*, оказываются в русском языковом сознании неожиданно близки. Уникальное преобразование полярных категорий в неразрывное единство и полученная таким образом языковая единица необычной конфигурации будут рассмотрены в данной статье с позиций семантики. Анализ речевых употреблений данной единицы свидетельствует о ее полисемантическом характере, поскольку она функционирует как имеющая ряд значений.

1. *Друг-враг* ‘человек, длительные отношения с которым переменчивы, выступающий с течением времени то другом, то врагом’. Это значение объективируется посредством контекстного пояснения, а именно — описания отношений между людьми через временные категории «раньше» — «теперь», либо через обозначения переменны типа отношений (*ссориться*, *мириться*), либо через прямое указание на непоследовательные, противоречащие друг другу действия в отношении одного и того же человека, направленные то на его уничтожение, то на помощь ему: *Друг-*

враг его [Александра Блока. — Т.Л., А.Щ.] Боря Бугаев (*теперь* уже окончательно Андрей Белый) давно, кажется, **опять** стал его «другом» (З.Н. Гиппиус. Мой лунный друг, 1922) (здесь и далее все примеры извлечены из НКРЯ!); **То ссорясь, то мирясь** с Гёте, **сместив** его <...> с поста директора театра, он сумел намертво привязать «величайшего немца» к Веймару <...> и, наконец, не только **сохранил при своей особе** многолетнего **друга-врага**, но даже **оказался его доверенным лицом** в самом деликатном деле (Ю.М. Нагибин. О ты, последняя любовь!, 1972—1979).

2. *Друг-враг* ‘идейный соперник когослибо, персонаж-антагонист’. Этот лексико-семантический вариант (ЛСВ) служит обозначением людей, находящихся в принципиальной оппозиции друг другу по своим взглядам, морали, и описывает, таким образом, классическое мировоззренческое противостояние, встроенное в ситуацию мирного сосуществования, — единство противоположностей. Логическая структура, лаконично обозначенная этим словом, получает контекстное подтверждение на лексическом уровне — ключевые слова *близнец*, *двойник*, *сближение* указывают на неразрывность логического единства, а маркеры *соперники* и *различное* называют несходные компоненты этого единства. В подавляющем числе контекстов данная лексема выступает литературоведческим термином (или предтермином): *Одна из них – опера Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Причем дирижер предложил свою редакцию партитуры: в ней обе партии **друзей-врагов** исполняет один актер* (Иванов Л. Большие планы камерного театра // Труд-7, 2007.12.04); *Третья часть романа – попытка сюжетного взрыва, история поединка, дуэли в музее <...>. Левиным антагонистом, соперником, бесом-искусителем становится здесь **друг-враг** Митишатъев* (Игорь Сухих. Сочинение на школьную тему // «Звезда», 2002); *Но как же организовать поле различий, которые позволили бы нам говорить о М.М и Г.Щ., например, как об **идейных близнецах-соперниках?** Ближайшая близость: **скрытые двойники, партнеры или *друзья-враги*** – конечно, это не подходит? <...> Принцип близнеца в сравнительной аналитике строится на основе пределов*

сближения различного (В. А. Подорога. Проект и опыт. 2004). При всем том маркировать этот ЛСВ как исключительно литературоведческий термин неверно, поскольку он бытует и в качестве обозначения идейного противника вне описаний литературных персонажей: – *Не пойдет: скомпрометированный термин. Так я жду критики, уничтожающей критики, мой друг-враг. – Интересно, как вы технически провернете свой фокус с космическими пришельцами? – Это несложно* (Дмитрий Биленкин. Космический бог. 1967); *Розанов был всегда «другом-врагом» Мережковского – как сам Мережковский выразился* (Г. В. Адамович. Мережковский. 1955).

3. *Друг-враг* ‘человек, который совершает в отношении другого человека поступки, противоречащие внешнему статусу этих отношений’. Это значение анализируемого слова выявляется в контекстах, содержащих лексические показатели видимого внешнего и необнаруженного внутреннего — *явный, тайный, скрытый, манифестирующие разрыв между двумя взаимоисключающими линиями поведения человека, которые совмещены в варианте «декларируемое — действительное»: Речь идет о Яше Гордине, моем друге-враге, явном друге и тайном враге* (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпитафиями. 1975—1998); *Она все-таки встретила с главой «Перигора», чтобы узнать как можно больше о его скрытом коллеге, о его друге-враге* (М. Баконина. Школа двойников. 2000).

4. *Друг-враг* ‘близкий знакомый (друг), связанный длительными отношениями с кем-либо, у кого они вызывают напряжение, неприятные впечатления от оказываемого давления, поскольку развиваются по спирали нарастания и ослабления неоднозначных ощущений от общения’. В современной жаргонной речи существует выражение *токсичные отношения*, которое передает приблизительно тот же смысл. Эта лексема, вероятно, возникла как калька с англ. *Frenemies*, ср.: *У меня есть друзья, которых мне нравится ненавидеть. Это мои друзья-враги или, как их называют на английском, — frenemies — от friend — «друг» и enemy — «враг». И, главное, они могут влиять на мое здоровье. <...> я люблю этих людей. Но они*

сводят меня с ума. <...> такие своеобразные «дружеские» отношения уже давно привлекают внимание психологов. У них даже есть специальный термин — «амбивалентные отношения»².

5. *Друзья-враги* (только множ.) ‘сообщество людей, объединенных общими интересами и соперничеством’. Слитность оппозиционных смыслов в одном слове позволяет обозначить посредством этой языковой структуры не одного человека, а множество людей. Это сложное существительное обладает потенциалом для емкой характеристики всей неоднозначности социальных и межличностных отношений внутри человеческого объединения (профессиональной группы или социального слоя). *Я не верю тому, чтобы Гюайта и Пеладан колотили Гюисманса флюидическими кулаками и чтобы черные маги наносили Иоанну Булану удары в сердце и печень из-за трехсот верст, потому что вся эта компания друзей-врагов – наполовину полоумные, наполовину плуты, задавшие целью перевернуть правды, которые они слышали одним краем уха, притом не весьма умного* (А. В. Амфитеатров. Жар-цвет. 1895). В подобных словоупотреблениях явственно проступает возможность разорвать сложносоставное слово, трансформировав его в словосочетание, содержащее указание на многовекторные связи между людьми, составляющими одно сообщество, поскольку их связывают различные отношения — близость или неприятие: **вся эта компания друзей и врагов*. Легкость замены дефисного конструкта сочинительным словосочетанием может пробудить сомнения в том, что перед нами состоятельная, полноценная лексема. Однако заметим, что при таком преобразовании может утратиться реальное или потенциальное свойство конфигурата *друзья-враги* — способность обозначать одновременно, с одной стороны, разных людей, которые приходятся одним друзьями, другим — врагами (это своего рода синхронный срез, диагностирующий статусы, позиции, мировоззренческие лагеря в группе людей), а с другой стороны, людей, которых связывают неоднозначные, напряженные отношения, соперничество, когда каждый есть *друг-враг*, то есть близкий знакомый, опасный силой своего влияния, способного оказаться ожидаемо негативным.

Таким образом, представляется, что номинацию *друг-враг* можно рассматривать как языковую единицу с оксюморонной семантикой, образованную путем сложения целых слов, из которых первое является определяющим, а второе — атрибутивом (*друг-враг* — это прежде всего ‘близкий знакомый’, ‘связанный длительными отношениями с кем-либо’ (что свойственно друзьям), отношения при этом могут характеризоваться ‘переменчивостью’, ‘поступками, противоречащими внешнему статусу этих отношений’, например, ‘идейным соперничеством’, ‘антагонизмом’, ‘напряжением, неприятными впечатлениями от оказываемого давления’ и др.). О том, что языковую единицу *друг-враг* можно рассматривать как сложившееся многозначное слово, свидетельствуют выявленные на основании контекстного анализа семемы, фиксирующие сложные, противоречивые отношения между людьми, а также обнаруженное в речи употребление слова в переносном значении по отношению к абстрактному понятию: *Бесконечно можно продолжать. Главное – взаимодействие, настоящее, сущностное, дает передышку от данного природой рокового друга-врага, от одиночества* (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003). В этой метафоре реализованы смыслы неизбежности сосуществования (своего рода дружественная связь) и одновременно нежелательности, негативной оценки явления (по аналогии с опасностью как свойством врага).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/>. Дата обращения: 12.05.2020.

2 Робсон Д. Антисоциальная сеть: чем опасны друзья-враги? [Электронный ресурс] // BBC Future. 2015. Режим доступа: https://www.bbc.com/ukrainian/vert_fut_russian/2015/12/151210_ru_vert_fut_why_you_love_to_hate_some_friends. Дата обращения: 12.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшина Е. Ю. Факторы регуляции речевого общения в ситуации политического конфликта (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 108–113.

2. Балясникова О. В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. М., 2003.

3. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 63–210.

4. Вицентий И. В. Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 76–81.

5. Лантева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дис. д-ра филол. наук. Астрахань, 2013.

6. Леонтьева Т. В. Лексика дружбы: перспективы изучения // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык: научное издание. 2016. Вып. 5. С. 71–78.

7. Леонтьева Т. В. Народ и народный певец о дружбе: диссонанс слов и понятий // Пушкин как социокультурный феномен на постсоветском европейском пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции. Арзамас – Нижний Новгород – Комрат, 2019. С. 117–129.

8. Лукашкова О. Ю. Концепты друг и враг в русской концептосфере (опыт моделирования) / О. Ю. Лукашкова // Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2002. С. 107–113.

9. Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. М., 2003. С. 297–299.

10. Халилова Е. К. Этимологическое содержание оппозиции «друг – враг» в разных этнических языковых и концептуальных системах // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 2 (6). С. 100–103.

11. Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира // Зализняк А. Ключевые идеи языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М., 2005. С. 289–303.

REFERENCES

1. Aleshina E. Iu. (2014) Faktory reguliatsii rechevogo obshcheniia v situatsii politicheskogo konflikta (na materiale angliiskogo iazyka) [Factors of regulation of speech communication in a situation of political conflict (based on the English language)]. In: *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*, no 2, pp. 108–113. (in Russian)
2. Baliasnikova O. V. (2003) «Svoi – chuzhoi» v iazykovom soznanii nositelei russkoi i angliiskoi kultur: dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk [“Friend – stranger” in the linguistic consciousness of the carriers of Russian and English cultures] (Doktor’s thesis, Philology). Moscow, Institute of Linguistics RAS. (in Russian)
3. Vezhbitskaia A. (2001) Ponimanie kultur cherez posredstvo kluchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow, pp. 63–210. (in Russian)
4. Vitsentii I. V. (2014). Politicheskaiia kultura studenchestva: po rezultatam issledovaniia Murmanskoi oblasti [Political culture of students: according to the results of the study of the Murmansk region]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kultury [International journal of cultural research]*, no. 1 (14), pp. 76–81.

(in Russian)

5. Lapteva M. L. (2013) «Svoe» i «Chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoi frazemiki: dis. d-ra filol. nauk [“Own” and “Alien” in the cognitive-discursive space of Russian phrasemics] (Doktor’s thesis, Philology). Volgograd, Volgogr. state social-ped. un-t. (in Russian)

6. Leontyeva T. V. (2016). Leksika druzhby: perspektivy izucheniia [Lexicon of friendship: perspectives of study]. In: *Sotsiokulturnoe prostranstvo Rossii i zarubezhia: obshchestvo, obrazovanie, iazyk: nauchnoe izdanie* [Socio-cultural space of Russia and abroad: society, education, language: scientific publication], issue 5, pp. 71–78. (in Russian)

7. Leontyeva T. V. (2019). Narod i narodnyi pevets o druzhbe: dissonans slov i poniatii [People and folk singer about friendship: dissonance of words and concepts]. In: *Pushkin kak sotsiokulturnyi fenomen na postsovetskom evropeiskom prostranstve: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Pushkin as a socio-cultural phenomenon in the post-Soviet European space: a collection of articles from the International Scientific and Practical Conference]. Arzamas – Nizhniy Novgorod – Komrat, pp. 117–129. (in Russian)

8. Lukashkova O. Iu. (2002) Kontsepty drug i vrag v russkoi kontseptosfere (opyt modelirovaniia) [Concepts friend and foe in

the Russian conceptual sphere (modeling experience)] In: *Iazyk i natsionalnoe soznanie: voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness: questions of theory and methodology]. Voronezh, pp. 107–113. (in Russian)

9. Uryson E. V. (2003) Drug, tovarishch, priiatel [Friend, comrade, buddy]. In: *Novyi obiasnitelnyi slovar sinonimov russkogo iazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, pp. 297–299. (in Russian)

10. Khalilova E. K. (2013) Etimologicheskoe sodержanie oppozitsii «drug – vrag» v raznykh etnicheskikh iazykovykh i kontseptualnykh sistemakh [Etymological content of the opposition “friend - enemy” in different ethnic linguistic and conceptual systems Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies]. In: *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], 2 (6), pp. 100–103. (in Russian)

11. Shmelev A. D. (2005) Druzhiba v russkoi iazykovoi kartine mira [Friendship in the Russian language picture of the world]. In: Zalizniak A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kliuchevye idei iazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the language picture of the world]. Moscow, pp. 289–303. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения: Краткий словарь-справочник. 7-е издание. Издательство Санкт-Петербургского университета. 2020.

Прошло 18 лет с того момента, когда Людмила Алексеевна Вербицкая, признанный специалист по культуре русской речи, тогда ректор СПбГУ, приняла решение составить и издать актуальный карманный словарь со словником не более 800 слов, представляющих на тот момент наибольшие трудности в отношении произношения и ударения и при этом фиксирующий и исправляющий наиболее частотные массовые речевые ошибки. Востребованность словаря оказалась столь высокой, что, созданный первоначально для нужд депутатов Государственной Думы, он очень скоро стал переиздаваться массовыми тиражами.

За прошедшие два десятилетия многое изменилось в нашей жизни: некоторые наиболее востребованные заимствованные слова в процессе активного употребления утвердились в русском языке, другие, оказавшись избыточными, вышли из употребления, многие утратили свою произносительную и / или грамматическую вариативность и т.п.; за это время были созданы большие авторитетные словари и справочные пособия, утверждающие сложившиеся к тому времени нормы произношения и словоупотребления. Несмотря на все это, наш словарь, оставаясь своего рода памятником той эпохи, когда языковые процессы в русском языке были крайне нестабильными, языковая система не справлялась с потоками заимствований, грамматические, фонетические и структурные варианты слов вносили путаницу в их использование, и в целом языковые нормы отличались неустойчивостью и «расшатанностью», продолжает быть востребованным.

В ответ на эти запросы читателей мы и подготовили переиздание этого словаря, который мы воспринимаем как знак памяти о незабвенной Людмиле Алексеевне Вербицкой, как дань нашей неизменной любви и уважения к ней.

Доктор филологических наук, профессор Н. В. Богданова-Бегларян
доктор филологических наук, профессор Г. Н. Складневская

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ПРИМОРЬЯ

TATIANA I. PETROVA, TATIANA V. FROLOVA
DISCURSIVE PRACTICES OF RURAL RESIDENTS:
ON THE MATERIAL OF THE LANGUAGE OF PRIMORYE

**Татьяна Ивановна
Петрова**

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка как
иностранного

► leotany@mail.ru

**Татьяна Вячеславовна
Фролова**

Старший преподаватель кафедры
русского языка как иностранного

► korobkova.tv@dvvfu.ru

*Дальневосточный федеральный
университет*

690922, Приморский край, г. Владивосток,
кампус ДВФУ, о. Русский, п. Аякс, 10

*Tatiana I. Petrova,
Tatiana V. Frolova*

Far Eastern Federal University

690922, FEFU Campus, 10 Ajax Bay,
Russky Island, Vladivostok, Russia

В статье рассматриваются дискурсивные практики сельских жителей в двух аспектах: речевое поведение в различных ситуациях повседневной жизни (общение дома и вне дома) и сфера эпиграфических текстов (объявления, вывески, плакаты). Исследование выполнено на региональном материале, полученном в результате полевых наблюдений. Обращается внимание на различия в функционировании языка в коммуникативной среде города и села.

Ключевые слова: дискурсивные практики; сельский дискурс; сельская эпиграфика; речевое поведение сельских жителей

The article examines the discursive practices of rural residents in two aspects: speech behavior in various situations of everyday life (communication at home and outside the home) and the sphere of epigraphic texts (announcements, signs, posters). The study was performed at the regional material obtained as a result of field observations. Attention is drawn to the differences in the functioning of the language in the communicative environment of the city and the countryside.

Keywords: discursive practices; rural discourse; rural epigraphy; speech behavior of villagers.

1. Введение

Отличительной особенностью современной лингвистики являются активные исследования различных типов дискурса – феномена, допускающего множество измерений, одно из которых предполагает «анализ участников общения как представителей определенной социальной группы». В данном случае В. И. Карасиком различаются два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (отражающий общение по традиционному сценарию статусно-ролевых отношений) [Карасик 2000]. В контексте возрастающего интереса к повседневной речи [Крысин 2020] особую актуальность приобретает изучение различных проявлений персонального дискурса – в частности, естественного речевого общения между хорошо знакомыми людьми, которому свойственны ситуативная обусловленность, выраженная субъективность, спонтанность и т.п. При этом научную

ценность представляет эмпирический материал, полученный полевым методом, позволяющим фиксировать фрагменты живой речи в ситуациях будничной жизни с последующим научным осмыслением «коммуникативной реальности». По мнению О. С. Иссерс, таким «наблюдаемым коммуникативным объектом можно считать дискурсивную практику»; несмотря на некоторую терминологическую нечеткость определения этого понятия, понимание дискурсивной практики «базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении» [Иссерс 2011 : 231]. Названный объект, обозначенный как «повседневные речевые практики», детально описан на материале языка Москвы М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, систематизировавшими языковое существование горожан не только в сфере устной речи, но и в сфере письменных текстов городской улицы [Китайгородская, Розанова 2010]. В нашем исследовании, основанном на материалах полевых экспедиций в Приморском крае, представлено описание повседневных практик сельского дискурса (анализируется недиалектная живая речь сельских жителей – феномен, в настоящее время почти неизученный): рассматриваются дискурсивные практики в сфере устной коммуникации и в сфере сельской эпиграфики.

2. Дискурсивные практики в сфере сельской устной коммуникации

Яркой чертой коммуникативной среды села является ее открытость, обусловленная прежде всего фактором личного знакомства жителей. Сказанное так или иначе находит отражение в повседневном речевом поведении сельских жителей. Разграничивая сферу исследуемой коммуникации на основе пространственного параметра «дома / вне дома», мы обратились к наиболее типичным ситуациям.

2.1 Сельский дискурс в ситуациях домашнего общения

Сельское пространство домашнего общения более широко и разнообразно, по сравнению с городским: часто кроме основного жилого помещения оно включает приусадебный участок, а также различные хозяйственные постройки (погреб,

омшаник, сарай и т.п.). К числу наиболее типичных можно отнести следующие ситуации коммуникации в сельском пространстве «дома»: речевое взаимодействие во время приготовления пищи, беседы за столом, разговоры на приусадебном участке, интракоммуникативное взаимодействие с животными и растениями.

Домашний дискурс отличается яркой констатирующей обусловленностью. Так, особая констатирующая обусловленность сельских диалогов во время приготовления пищи связана с возможностью использовать урожай с огорода непосредственно во время приготовления пищи. Примерами могут быть такие реплики: *Эти грибы очень вкусные/ я наверное ещё картошки подкопаю/ с картошкой пожарим; А на десерт тебе малина/ иди прям с куста* [ешь]; *Ой/ иди ты луку нарви/ а то он сейчас эти дубовые старые ковыли нарвёт; Щас сбегаю/ огурчиков сорву* и т.п. Подобные примеры отражают фоновую связь сельского дискурса с окружающей природой, что проявляется в тематике разговоров, в том числе и застольных. Событийно-бытийный контекст сельской жизни так или иначе пронизывает любую беседу за столом (в повседневной или праздничной ситуации), которая часто включает обсуждение реалий, значимых для селян: сельскохозяйственные работы, промысловые занятия, природные катаклизмы или т.п. Например: *(А. в гостях у сестры Б.; за столом говорят о плохом урожае слив) А. Не будет в этом году// У меня одна/ роскошная такая/ прямо такие хорошие висели/ смотрю/ все на полу/ ни одной не осталось! – Б. Это Надя наверно/ засушливость/ дождей же не было... (и далее на эту же тему); (супруги А. и Б. за ужином говорят о сборе кедровых орехов) А. Дождя не будет/ надо съездить/ ореха много// – Б. Так это надо далеко/ а на твоём мотоцикле.../ – А. Почему/ можно и на Каменушке посмотреть...*

Особое место в сельском дискурсе занимают диалоги на приусадебном участке. Это может быть практическое речевое взаимодействие, непосредственно связанное с предметной ситуацией (речевое сопровождение сельскохозяйственных работ, обсуждение хозяйственных дел и т.д.) или фатическая коммуникация (например,

так называемые «праздные разговоры»: обсуждение личной жизни, сплетен и т.п.)¹. В качестве примера приведем фрагмент диалога на огороде: (А., хозяйка, показывает свой огород Б., соседке) А. Ну вот посмотри у меня/ вот то арбузы/ ну дыни ещё не успела/ надо хоть трошки их намочить// – Б. А[у]а// (разглядывает всходы) – А. А помидоры ж вылазят уже/ вчера немножко подняли их на кирпичи/ видишь? И вот думаю высадить уже// – Б. Не/ недельку подожди ещё// Маленькие ещё//. Данный диалог, практически по своему характеру, имеет фатические вкрапления: А. А вот это лук у меня/ вот там чеснок// – Б. Молодец/ молодец/ ты умничка (похвала); Б. Я вчера/ зайшла до Оль[у]и// Боже мий/ ско-о-олько/ картошки насадила! А для капусты/ вот так (показывает руками) оставила// – А. Вот то такой кусочек? – Б. Та[ки]й кусочек// (далее обсуждают огород Ольги).

Яркой чертой сельского дискурса является фатическая речь в ситуациях интракоммуникации. Это разговоры с животными и растениями, с которыми сельский житель ежедневно находится в контакте, поэтому речевое общение с ними становится естественной частью его языкового существования. Причем круг объектов, которые могут стать адресатом речи, широк и разнообразен: это не только домашние животные, но и другие самые разнообразные живые существа, а также растения. Например: (видит в саду необычную птицу) Ну и кто ты? Как тебя зовут? (обращается к лягушке, живущей в палисаднике) Иди иди отсюда/ сейчас Жук [кот] тебя цапает; (обращается к пауку, который сплел паутину над крыльцом) Что/ на охоту вышел?; (собаке, прогнавшей коз) Молодец/ умница ты наш! Прогнал/ нечего тут кусты обгладывать/ да? Показателен разговор с берёзой пожилой женщины, заготавливающей лечебные березовые листья: Прости нас березка/ что делаем тебе больно// Но нам нужны твои листочки/ для здоровья нужны// Расти дальше/ пусть Бог тебя сохранит. В этом обращении к березе отражается традиционное для народной культуры представление о целостности окружающего мира, осознание тесной взаимосвязи человека и природы.

Таким образом, специфика речевых прак-

тик в ситуациях домашнего общения проявляется в яркой конситуативности, обусловленной неразрывной связью с окружающей природой и укладом сельской жизни.

2.2 Сельский дискурс в ситуациях институционального общения

Коммуникация «вне дома» осуществляется в различных локусах, которые представляют собой своеобразные узловыe точки, организующие процесс повседневной жизни селянина: магазин, почта, рынок, место ожидания автолавки, сельский автобус и т.п. Это ситуации институционального общения, конвенциональность которого, как известно, обусловлена статусно-ролевыми отношениями и проявляется в использовании определенных стереотипов. В отличие от городской коммуникации, в реализации сельских стереотипов значимым оказывается влияние фактора личного знакомства. В селе возникает особая коммуникативная среда, для которой характерно сокращение дистанции общения. Отражением этого являются, в частности, вопросы о личной жизни, обязательное приветствие при встрече – все то, что городским жителям несвойственно. В качестве примера приведем фрагменты диалогов в ситуации «Магазин».

В целом, структура сельского стереотипа данной ситуации включает те же микроситуации, что и структура стереотипа городского: «Выбор товара», «Покупка», «Расчет». Но сельским диалогам в таких ситуациях свойственна параллельная реализация двух тем: темы практического общения, связанной со стереотипной ситуацией (разворачивается по сценарию стереотипа), и темы фатического общения, обусловленной личным знакомством коммуникантов (зависит от характера их взаимоотношений). Например: в ситуации «Выбор товара» (А. – продавец, Б. покупатель) Б. Лена/ а мороженое у вас какое? – А. Вот в стаканчиках/ и пломбир есть// (обращается к внуку Б.) В гости к бабушке приехал/ да? (обращается к Б.) Вкусное бабушка купи/ вот по сорок пять неплохое; в ситуации «Расчет» (А. – продавец, Б. покупатель) А. Четыреста двадцать четыре// – Б. Двадцать четыре дам// – А. Давай// – Б. Как жизнь? – А. А-а/ как у всех// – Б. С внуками небось? (далее говорят о домашних делах)

Влияние фактора личного знакомства обнаруживается в особых микроситуациях, которые могут возникать в сельских магазинах. В частности, ситуация «Товар под запись»: товар отпускается в долг, а продавец записывает фамилию покупателя, название товара и сумму, которую покупатель обязуется вернуть. Естественность подобной ситуации для сельской коммуникации демонстрируется следующим примером: (А. – продавец, Б. – покупатель) А. (обращается к Б., который разглядывает витрину) *Витя ты что-то хотел?* – Б. *Да/ мойва есть?* – А. *Да/ последний вот пакет остался// Кошаку берёшь?* – Ну да// *Сколько с меня?* – А. *Долг считать?* – Б. *А сколько там?* – А. *(достаёт тетрадь, ищет в ней запись) Триста двадцать четыре//* – Б. *Не/ пока не надо//* – А. *Ну тогда сто двадцать пять//.*

Особое место в языковом существовании сельских жителей занимает речевое общение на улице, в котором проявляются отличные от городских коммуникативные нормы. Рассмотрим такие ситуации.

2.3 Дискурс сельской улицы

Локус сельской улицы представляет собой прежде всего пространство фатической коммуникации. Правилами социального взаимодействия в селе, основанными на личном знакомстве жителей друг с другом, обусловлена легкость вступления в фатический диалог, тема которого часто является конситуативно обусловленной. Например: (А. и Б. встречаются на улице вблизи реки, в руках Б. удочка) А. *Ну как? Хорошо ловится?* – Б. *Вот/ пять штук поймала//.* Стимулом к возникновению диалога является внешний фактор – удочка в руках Б., однако основная его цель – не получение информации о качестве клева на реке, а приветствие и инициация общения.

Иногда разговор такого типа инициируется сельским жителем по отношению к незнакомым людям, причем возможны и вопросы личного характера. Так, пожилой человек обращается к незнакомой ему женщине с ребенком, которую он каждый день видит на улице: *А что это ты всё одна и одна с ребёнком гуляешь? Мужа наверно нет?* Коммуникативные нормы сельского социума находят отражение в детском речевом поведе-

нии. Например, ребенок играет на улице и громко здоровается с проходящей мимо незнакомой женщиной: *Здравствуйте! А вы пойдёте на праздник? А мне мама ролики купила/ только здесь асфальт неудобный/ неудобно кататься.* Для городской коммуникации подобное речевое поведение не является типичным.

Тема фатического диалога может быть обусловлена не только непосредственной коммуникативной ситуацией, но и обстоятельствами общего событийно-бытийного фона жизни селян. Приведем пример: (в районном центре встречаются А. и Б., живущие в разных селах) А. *О/ Егор Тимофеевич здравствуйте!* – Б. *А-а-а/ здарсьте//* – А. *Говорят/ у вас там тигра ходит//* – Б. *Да-а/ они к нам каждый год ходят/ а сейчас только в новостях показали//* (далее собеседники расходятся по своим делам). Этот разговор возникает в результате случайной встречи на улице, поэтому он лаконичен и заканчивается без обычного прощания; информация же о тигре становится для А. поводом выразить своё внимание к Б.

Специфичными для уличного дискурса в селе являются диалоги со своеобразной стереотипной инициацией. Обратимся к примеру: (А. и Б. неожиданно встречаются на улице) А. *О/ Света// Вы уже пахали?* – Б. *Не-ет/ через неделю/ мы всегда рано пашем/ а тут...* (далее говорят о весенних делах)

Несмотря на то, что инициальная реплика *Уже пахали?* используется в качестве запроса информации, она выполняет контактоустанавливающую функцию, являясь своеобразной заменой приветствия. Существует сезонная зависимость тематики таких стереотипных реплик: *Картошку уже выкопали?* (осенью), *Улики уже выставили?*, *Огород посадили?*, *Огород пахали/ ещё не пахали?* (весной) и т.п. Функционирование таких элементов в структуре сельских диалогов обусловлено спецификой сельского мировосприятия – отношением ко времени как к годовому кругу, замкнутому циклу; сезонные работы имеют всеобщую актуальность, поэтому подобные реплики вполне уместны для инициации диалога.

Итак, сокращение дистанции в общении сельских жителей приводит к тому, что в стерео-

типных для села ситуациях, которым соответствует институциональный дискурс, фатические вкрапления выполняют функцию *small talk*, способствуя поддержанию личных отношений между коммуникантами.

3. Дискурсивные практики в сфере сельской эпиграфики

В языковом существовании села, как и в городе, дискурсивные практики затрагивают сферу не только устной, но и письменной речи. В связи с этим в поле нашего зрения оказалась сельская эпиграфика, являющаяся своеобразным транслятором информации, а также социальных норм и ценностей, обусловленных влиянием окружающей социальной и природной среды. Следует заметить, что в сфере сельских эпиграфических текстов (объявлений, плакатов, вывесок) обнаруживаются те же наиболее общие тенденции, что и в языке города, – в частности, в средствах актуализации адресата и адресанта. Однако наблюдаются и специфические особенности, отличающие их от городских. Прежде всего, следует сказать об антиномии творческого начала в сельской эпиграфике.

С одной стороны, обращает на себя внимание низкая степень креативности, что проявляется, например, в таких характеристиках: тенденция к использованию в качестве названий номенклатурных терминов («Гостиница», «Парикмахерская», «Рынок», «Закусочная», «Магазин» и т.п.); частое использование в текстах вывесок

прямых номинаций («Продукты», «Хозтовары», «Товары повседневного спроса» и т.п.); использование дублетных названий, когда несколько объектов принадлежат одному владельцу и имеют одинаковое название (магазины «Визит» и «Визит+» в селе Лазо; «Домовенок» и «Домовенок2», «У Петровича» и «У Петровича2» в посёлке Кировском и т.п.). С другой стороны, креативность сельской эпиграфики получает особые проявления. Частотны, например, названия сельских магазинов с использованием модели «У + имя собственника», что обусловлено фактором личного знакомства: «У Ромы», «У Елены», «У Петровича», «У Лишванова» и т.п. (следует заметить, что иногда в устной речи магазин называют по имени собственника даже при наличии официального названия). Кроме того, проникновение устной речи в письменный код сельской коммуникации обнаруживается в тех случаях, когда креативные неофициальные названия получают письменное воплощение. Например, село Монакино в Лазовском районе шутя называют «Макакино», поэтому на указателе, расположенном у въезда в село, кто-то исправил официальное название на шутливое-неофициальное.

Ещё одним проявлением сельской креативности является функционирование текстогрибидов, совмещающих признаки различных жанров: это объявления-плакаты, вывески-плакаты, афиши-плакаты, которые одновременно реализуют функции двух жанров (часто они имеют

Рис. 1

Рис. 2

рукописное воплощение). Приведем пример текста, функционирующего как объявление-плакат: *2 сентября С Днём Знаний! 10.00 Торжественная линейка (школа) 12.00 Игровая программа «Ай, да мы!» (Центр культуры)* (Рис. 1). Информирющая функция указывает на жанр объявления, но при этом проявляются и функции плаката: аттрактивная (обеспечивается цветовыделением и шрифтовым варьированием) и воздействующая (текст ориентирован на школьников и их родителей). Еще один пример – вывеска-плакат «Мёд» (Рис. 2), размещенная на заборе частного дома и выполняющая одновременно идентифицирующую (маркирует место, где можно купить мед) и аттрактивно-апеллятивную функции. Следует заметить, что размещение эпиграфических текстов на заборах придорожных домов является еще одной особенностью сельского дискурса: это прежде всего объявления о продаже (*Шишки тел. ...; Орехи; Орехи. Мед; Цыплята* и т.п.) или о покупке (*Куплю шишку. Дорого; КУПЛЮ ЭЛЕУТЕРОКОК ДИОСКОРЕЯ* и т.п.), своим расположением указывающие на место нахождения адресанта.

Сельская эпиграфика безусловно заслуживает дальнейшего изучения, что позволит дополнить представление о разнообразии дискурсивных практик в социокультурном контексте.

4. Заключение

Представленный в статье краткий обзор речевых практик в сельском социуме позволяет сделать вывод о наиболее очевидных закономерностях, отличающих сельский дискурс от городского: фактором личного знакомства обусловлены особые коммуникативные нормы и размытость границ между персональным и институциональным общением; фактором близости к природе вызвана ярко выраженная констатирующая речевая практика сельских жителей. Необходимость детального рассмотрения сказанного, а также выявления региональной специфики сельского дискурса определяет перспективность данной темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассматривая жанровые особенности повседневных речевых практик, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова различают

два типа повседневной коммуникации: практическую и фатическую [Китайгородская, Розанова 2010].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Омского ун-та. 2011. № 4. С. 227–232.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград. 2000. С. 5–20.
3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М. 2010.
4. Крысин Л. П. Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докл. междунар. конф. (23–25 февраля 2020). М. 2020. С. 41–43.

REFERENCES

1. Issers O. S. (2011) Diskursivnaia praktika kak nablyudaemaia real'nost' [Discursive practice as observable reality]. In: *Vestnik Omskogo un-ta [Herald of Omsk University]*, no 4, pp. 227–232. (in Russian)
2. Karasik V. I. (2000) O tipah diskursa [On discourse types]. In: *Iazykovaia lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs [Language persona: institutional and personal discourse]*. Volgograd, pp. 5–20. (in Russian)
3. Kitaigorodskaia M. V., Rozanova N. N. (2010) Iazykoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: na materiale iazyka Moskvy [The language existence of a modern townsman: on the material of muscovite's speech]. Moscow. (in Russian)
4. Krysin L. P. (2020) Povsednevnaia gorodskaia rech' i razgovornaia rech': skhodstva i razlichiiia [Everyday city speech and colloquial speech: similarities and differences]. In: *Povsednevnaia rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniia) [Everyday speech as the object of lexicography (The thirteenth Shmelev readings) an international scholarly conference]*. Moscow, pp. 41–43. (in Russian)

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЕДА» В ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ

PETR A. YAKIMOV

LEKSIKO-THEMATIC GROUP «FOOD» IN THE ORENBURG DIALECTS

В данной статье дан анализ лексико-тематической группы «еда» в оренбургских говорах, которые представляют собой вторичную диалектную систему, формировавшуюся на протяжении XVIII – XX веков. Анализ лексики, взятой из «Оренбургского областного словаря» Б. А. Моисеева позволяет говорить и о сохранении русских сельских традиций в питании и о влиянии традиций и культуры народов-соседей, прежде всего башкир и казахов.

Ключевые слова: лексико-тематическая группа «еда»; оренбургские говоры; межъязыковая интерференция; «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева.

In this article the analysis of a leksiko-theme group «food» in the Orenburg dialects which represent the secondary dialect system created throughout the XVIII-XX centuries is given. The analysis of lexicon taken from «The Orenburg regional dictionary» by B.A. Moiseyev allows to speak also about maintaining the Russian rural traditions in food and about influence of traditions and the cultures of the people neighbors, first of all Bashkirs and Kazakhs.

Keywords: leksiko-theme group «food»; Orenburg dialects; interlingual interference; «Orenburg regional dictionary» of B.A. Moiseyev.

**Петр Анатольевич
Якимов**

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и МПРЯ

► pyakimov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»

460014, Оренбург, ул. Советская, д. 19

Petr A. Yakimov

Orenburg state pedagogical university

460014, Orenburg, Sovetskaya St., 19

Оренбургские говоры – вторичные говоры территории позднего заселения, которые формировались на протяжении XVIII – XX веков. В связи с этим Оренбуржье можно назвать уникальным диалектным заповедником, поскольку здесь представлены говоры севернорусского и южнорусского наречий, а также среднерусские говоры. Сильное влияние на формирование говоров Оренбургской губернии оказали другие языки, в том числе тюркские. Вот как В. И. Даль описывал языковую ситуацию Оренбургской губернии в «Словаре живого великорусского языка»: «Оренбургская губернія, заселеная искони инородцами, большею частью кочевыми, наполнилась рускими двадцати губерній втечение послѣднихъ ста лѣтъ; поэтому общаго наречія въ губерніи нѣтъ; но у старожиловъ образовались уже нѣкоторыя особенности» [Даль 1866: XL].

Жизненный уклад, образ семьи, представление о быте формировались в Оренбуржье под влиянием диалектных и национальных культур, представители которых постепенно образовывали поселения в нашем крае.

Тематическая группа «еда» в оренбургских говорах представлена весьма многообразно и богато, о чем позволяет судить «Оренбургский областной словарь», составленный Б. А. Моисеевым [Моисеев 2019]. Разнообразие это связано, во-первых, с разным наименованием одних и тех же блюд вы-

ходцами из разных губерний, переселившихся сюда, во-вторых, с разнообразием самих блюд, привносимых представителями разных этнокультур.

Традиционными для сельских жителей Оренбуржья стали блюда из картофеля, молока, а также каши и хлебобулочные изделия. Как правило, семья собиралась в полном составе только вечера (от вечера – ужин) или за праздничным столом. Поэтому все семейные кушанья можно разделить на праздничные и будничные.

Самым обыденным блюдом и самым простым в приготовлении является затируха – ‘суп, который готовится из затёртого теста и картофеля’. Такой суп крестьянки и оренбургские казачки готовили не на мясном бульоне, а на маслено-луковой (сально-луковой) поджарке.

Поскольку затируха очень просто готовится, её часто именуют «бабьей ленью». Сельчане иронично относятся к затирухе: «С одной затирхи сыт не будешь» (Соль. 7).

В разных районах Оренбургской области и у разных оренбургских авторов затируха по-разному называется (в основном фонетические различия): затируха (Соль. 6, Илек. 5, Соль. 4), бабья лень (Бел. 1, Соль. 9), заваруха [Кудряшов 1830: 389-390], заваруха [Иванов 1873], (Соль. 7), зателёпа (Сакм. 1), затирика (Соль. 4), затирюха (Сороч. 1), затюрюха (Сороч. 2, Соль. 6). Иногда встречается башкирские наименования зюръм’а: Зюрюму башкиры любят, русские тоже её варят (Сакм. 2), Можно и зюрюму готовить, лишь бы мука была (Матв. 1) и баламык (а): Ничего другого не сварит, знает только кормить баламыкой (Илек. 7).

Из других горячих блюд часто готовится кандёр (‘пшённый суп’) или кул’еш (‘пшено с картофелем’), капуст’як, ленивые щи (‘щи из свежей капусты’), баламык (башкирское блюдо из муки и мяса). Эти блюда варят в северных районах губернии. Как отмечал И. И. Железнов в «Уральцах», эти блюда – «достояние бедных» [Железнов 1910].

В южных территориях готовят куурдак или кувардак (пришло от казахов) – ‘кусочки различного мяса, пожаренные на сале’. Кто победнее, куурдак делает из трешухи. А вот в селе Линёвка кувардак – ‘накрошенная варёная картошка с луком и жиром’ (Соль. 10).

От казахов пришло и другое блюдо – шулюм. С одной стороны, шулюмом называют мясной бу-

льон, с другой – плохое, невкусное жидкое кушанье: В плену немцы давали нам шулюм из картофельных кожурок и воды (Соль. 1).

Бурсаки (или буурсаки) тоже казахское блюдо, приготовленное из кусочков теста, сваренных в сале: Придёшь к киргизам, они наварят, нажарят бурсаков (Илек. 5), Буурсак в котлах жарят (Соль. 7).

Праздничным блюдом считается бижбармак – ‘кушанье из кусочков мяса и маленьких лепёшек круглой или квадратной формы, сваренных в воде’. В переводе с казахского означает: биш, бес ‘пять’, бармак ‘палец’. Это кушанье казахи ели пальцами, горстью. Раз пришли к ним, а они нас бижбармаком угостили (Соль. 3), Бывало мать часто варила бижбармак, но мы ложками ели, а киргизы – руками: возьмут рукой лепёшечку и кусочек мяса, положат в рот, потом ладошкой черпают жижку и запивают (Илек. 2). Ещё В. И. Даль писал: «Бешбармак, бишбармак, м. у башкиров и киргизов, в перев. пятипалое блюдо; варёное и крошеное мясо, обыкновенно баранина, с прибавкою к навару муки, круп; едят горстью. О дурно приготовленном кушанье говорят (орнб.): это какой-то бишбармак, крошево» [Даль 1866: 87]. В оренбургских говорах бижбармачить – это не только есть бижбармак, но и гулять, веселиться: Витька приглашает молодёжь бижбармачить, на день рождения (Акбул. 1).

Часто варятся различные каши. Традиционной является каша дружба из 2 – 3 видов круп, но часто делается и тара из толчёного и жареного пшена. Такая каша пришла от киргизов. А киргизы тару толкут, едят её с маслом и чай пьют (Соль. 4). В поле раньше варили сливную кашу (сливуху, сливянку): пшено вначале варится с водой, затем жидкость сливается, а каша маслом заправляется. Особенно хороша сливянка в поле: припахивает дымком, так приятно есть (Окт. 6).

Из картофеля делают карт’овник (картофельное пюре), карт’офник, карт’ошешник, др’анки. В поле с собой берут сухой картофель (сухая картошка) – картофель, сваренный в кожуре, который едят без всякой приправы (то же, что картофель в мундире): Жили когда-то на одной сухой картошке (Сарак. 3).

Из мёрзлого картофеля пекли блины – лапуны (Шарлык. 1), а варёный и потолчённый картофель

называют дедом (Окт. 5). Из картофеля с молоком и яйцом делали так называемый яблони́к.

Праздничным блюдом в оренбургских сёлах (обязательным для свадебного стола) считается кúрник – большой пирог из сдобного песочного теста (часто замешанного на сале) с резаны́м картофелем и мясом (но не всегда с куриным). Более простой вариант – пашкёт – начинка как и у курника, но без нижней корочки.

Из молока готовили простоквашу (простокишу), делали из неё тюрню, макало – проквашенное сметаной молоко для обмакивания туда хлеба или сухарей. От башкир пришёл арья́н (арян, айрень, ирен, ирян). При этом ирен – не просто кислое молоко, разбавленное водой, но что-то напоминающее окрошку: Ирен можно хлебать и пить (Соль. 3).

Из ежедневных напитков всегда были популярны квас и свёкольник; к празднику готовилась башкирская кумышка (кумышное вино): «Кумышка выкуривается женщинами как хлебное вино; бывает различной крепости, смотря по перегону; сильно отзывается дымом и неприятным вкусом» [Казанцев 1866: 84].

Во все времена в русских сёлах был культ хлеба, не исключение и оренбургские сёла. Без хлеба не было ни обеда, ни ужина. Хлеб в селах часто называли пирогом, а корочку от булки хлеба – папой.

Кроме традиционного хлеба пекли: рассто́йки (‘лепёшки из расстаявшегося теста’), пресну́шки, сдо́бники, полишки (лепёшки – Сакм. 2), коку́рки (месились на сметане или на сале; тесто как на курник), налива́шки (оладьи), просви́ры (калачи), ландо́шки, бонбу́шки, ботонцы́, пря́женцы (пирожки). В поле с собой брали суха́рник (лу́да).

Праздничными были: лапш́ евник (блюдо из домашней лапши, мелко накрошенной, молока и яиц; обычно пекут на масляной неделе), р’озанцы́. Молодым на свадьбе подавали в былые времена кр’альку: «Дружка по очереди каждому из родственников подаёт на подносе дары: пряники, кральку (хлеб в виде витушки) и мыло» [Справочная книжка 1870: 27].

Проведённый анализ тематической группы «еда» в оренбургских говорах позволяет говорить о сохранении во многом традиционных русских представлений о семейном быте, но со значитель-

ным влиянием со стороны традиций и культуры соседей – казахов и башкир.

СОКРАЩЕНИЯ

- Акбул. – Акбулакский р-н: 1 – с. Вершиновка.
 Бел. – Беляевский р-н: 1 – с. Гирьял.
 Илек. – Илекский р-н: 2 – с. Сухоречка, 5 – с. Подстёпки.
 Матв. – Матвеевский р-н: 1 – с. Матвеевка.
 Окт. – Октябрьский р-н: 5 – с. Михайловка, 6 – с. Буланово.
 Сакм. – Сакмарский р-н: 1 – с. Архиповка, 2 – с. Донское.
 Сарак. – Саракташский р-н: 3 – с. Верхнеозёрное.
 Соль. – Соль-Илецкий р-н: 1 – г. Соль-Илецк, 3 – с. Григорьевка, 4 – с. Саратовка, 6 – с. Ветлянка, 7 – с. Новоилецк, 9 – с. Изобильное, 10 – с. Линёвка.
 Сороч. – Сорочинский р-н: 1 – с. Ковыляевка, 2 – с. Покровка.
 Шарлык. – Шарлыкский р-н: 1 – с. Константиновка (Смоленка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1866. Т.4.
2. Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839 – 1840 гг. СПб., 1873.
3. Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. 1.
4. Казанцев И. Описание башкирцев. СПб., 1866.
5. Кудряшов П. Простонародные слова, употребляемые в Оренбургской губернии // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. № 122.
6. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2019.
7. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1870.

REFERENCES

1. Dal' V. I. (1866) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow, T.4. (in Russian)
2. Ivanov N. P. (1873) *Khivinskaia ekspeditsiia 1839–1840 gg.* [Khivan expedition of 1839–1840]. St. Petersburg. (in Russian)
3. Zheleznov I. I. (1910) *Ural'tsy. Ocherki byta ural'skikh kazakov* [Ural residents. Sketches of life of the Ural Cossacks.]. St. Petersburg, T. 1. (in Russian)
4. Kazantsev I. (1866) *Opisanie bashkirtsev* [Description of bashkirets]. St. Petersburg. (in Russian)
5. Kudriashov P. (1830) *Prostonarodnye slova, upotrebiaemye v Orenburgskoi gubernii* [The demotic words used in the Orenburg province]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], part 42, no 122. (in Russian)
6. Moiseev B. A. (2019) *Orenburgskii oblastnoi slovar'* [Orenburg regional dictionary]. Orenburg. (in Russian)
7. *Spravochnaia knizhka Orenburgskoi gubernii na 1870 g.* [The help book of the Orenburg province for 1870.]. Orenburg. (in Russian)

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЕДИНЫЙ ДИСКУРС: СОДЕРЖАНИЕ, ТИПОЛОГИЯ, МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

IRINA V. REBROVA

RUSSIAN-AUSTRIAN CULTURAL SPACE AS A SINGLE DISCOURSE:
CONTENT, TYPOLOGY AND METHODOLOGICAL POTENTIAL

**Ирина Витальевна
Реброва**

Кандидат филологических наук, доцент

► irina.rebrova@sbg.ac.at

Зальцбургский университет им. Париса
Лодрона, институт славистики

Эрцабт-Клотцтрассе, 1
Зальцбург, 5020, Австрия

Irina V. Rebrova

Senior Lecturer

Department of Slavonic Studies,
Paris-Lodron-Universität Salzburg

Erzabt-Klotz-Str.1,
5020 Austria, Salzburg

В статье рассматриваются в сопоставительном аспекте семиотические знаки, принадлежащие одновременно и российскому, и австрийскому культурному пространству. Выявляется формально-содержательная структура (тематические компоненты) дискурса, понимаемого как структурированное текстовое (вербальное и невербальное) построение культурного пространства («социальное поле») и сопровождающего процесс социального взаимодействия людей с целью создания общего контекста взаимопонимания; называются типологические характеристики дискурса, которые могут в дальнейшем быть учтены при анализе других моделей аналогичных пространств. Предложенный подход представляет собой не только модель методической интерпретации «социального поля», но и является фактором повышения мотивации в изучении русского языка и культуры (культур) в гетерогенных группах (в первую очередь за пределами страны изучаемого языка).

Ключевые слова: дискурс; адресат; культурное пространство; типология; сопоставительный аспект; социальное поле.

This comparative article explores semantic signs that simultaneously belong to Russian and Austrian cultural space. With the aim of creating a common context of mutual understanding, this article reveals the formal content structure (thematic components) of discourse – understood as the structured textual (verbal and non-verbal) construct of cultural space ('social field') – and the concomitant process of social interaction. Furthermore, it identifies those typological characteristics of discourse which can be used to analyse other models of analogous spaces. This article not only develops a model for interpreting the 'social field'; it also provides an approach with which to increase motivation among heterogenous groups of students studying Russian language and culture(s), mainly outside of the country of the language being studied.

Keywords: discourse; addressee; cultural space; typology; comparative aspect; social field.

Сравнительный метод в гуманитарных дисциплинах – компаративистика – важный инструмент современных исследований, имеющих теоретическую и практическую направленность. При помощи этого метода устанавливается лакунарность, инаковость неродной («не-своей») культуры, описывается и комментируется использование знаков другого лингвокультурного пространства, а также выстраивается процесс

«обучения новой культуре» [Прохоров 2003: 24]. Сопоставление и сравнение – терминологические номинации – служат для «обозначения основных операций при соотнесении разных культур и языков. <...> Сравнение сильнее, интенсивнее сопоставления. Оно ставит «материалу» более жёсткие рамки, образует более надёжный и осознающий свои собственные возможности фильтр» [Топоров 1989: 15]. Следовательно, термины «сравнение» и «сопоставление» не являются тождественными, что необходимо учитывать в научно-методической деятельности (см. также [Прохоров 2003]).

В аспекте межкультурной коммуникации сравнительное изучение стереотипов, концептов, прецедентных феноменов, моделей поведения и пр. в большинстве случаев связано с анализом единиц когнитивной базы. Под последней понимается «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладают все носители данного языка» [Гудков 2000: 41]. В то же время национальное культурное пространство, которое «включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества» [Там же: 42] (см. также: [Красных 2003], [Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004]), играет важную роль в межэтнических контактах, так как даёт широкие возможности для сопоставления не только ядерных, но и периферийных единиц, в том числе феноменов, принадлежащих одновременно разным культурам. Именно сопоставительные исследования такого рода раскрывают новые возможности для межкультурного диалога, основанного «на взаимном уважении культур, принимающих участие в контакте. В таком диалоге происходит обмен смыслами и культуры присутствуют в равном соотношении, в результате чего происходит их взаимообновление, взаимообогащение и взаиморазвитие» [Каган 1988: 214].

Цель настоящей статьи – рассмотреть в сопоставительном аспекте вербальные и невербальные знаки/тексты (текст понимается в широком культурно-семиотическом значении в концепции Ю.М. Лотмана) двух культурных пространств (русского и австрийского) как единый дискурс, выявить его типологию и методический потенциал с учётом фактора адресата. Дискурс «создаёт общий

контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п.» [Демьянков 1982: 7], и с формально-логической точки зрения представляет собой «возможный ментальный мир, или одно «описание состояния» как набор сущностей и их свойств, а также отношений между ними, которые действительно в данном мире» [Степанов 1998: 6]. Кроме того, дискурс рассматривается как структурированное «социальное поле». Понятие/категория социального поля разрабатывается П. Бурдьё. Ср.: «В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, точнее, как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле» [Бурдьё 1993: 56].

Категория «социальное поле» проявляет «двойное структурирование» /П. Бурдьё/ действительности: с одной стороны, обнаруживает объективно существующие структуры в социуме, не зависящие от сознания и воли людей, а с другой – представление людей об этих структурах и окружающем мире (в том числе и об искусстве) [Бурдьё 2005]. Эти взгляды П. Бурдьё в отношении социума и субъекта, не заданного как нечто абсолютное и целостное в социальных структурах, сближаются с позицией М. Фуко [Фуко 2004]. Ср.: «Эта принципиальная социальность индивида как личности обусловлена тем, что Фуко называет дискурсом, а Бурдьё – полем» [Лонев 2006: 11]. По Бурдьё, социальное поле служит основой для соперничества и борьбы. В данной статье, не отказываясь от понятия «социальное поле» («дискурс» – по М. Фуко), мы предлагаем его расширение за счёт идей Хабермаса, при этом подробно не рассматриваем трактовку последним таких терминов, как «коммуникативное действие», «этика дискурса», «интеракция». См.: [Habermas 1987]; [Хабермас 2000]. Ю. Хабермас вкладывал в понятие «дискурс» значение «взаимопонимание» [Хабермас 2001] (а не «борьба» и «соперничество» см. выше у Бурдьё). Следовательно, принципиальным в процессе структурирования социального поля становится взаимопонимание, которое достигается в процессе диалога [Там же: 48], а не в борьбе и строится на уважении к другой личности, к её взглядам.

Взаимопонимание – важный аспект в преподавании РКИ: диалог культур, перенесённый в университетскую аудиторию, в какой-то мере напоминает «идеальную речевую ситуацию» того же Ю. Хабермаса, во время которой происходит взаимодействие (интеракция) людей с различным культурными пресуппозициями, знаниями и представлениями. Достижение взаимопонимания, консенсуса в гетерогенной аудитории совпадает с целями и задачами преподавания языка и культуры на протяжении всего университетского курса.

Исходя из этих положений, можно сформулировать следующее определение дискурса, принятое в данной статье. Под дискурсом понимается текстовое «целостное знаковое «построение (вербальное и невербальное), которое отражает и сопровождает процесс социального взаимодействия людей» [Седов 2012: 217], а также представляет собой культурное пространство: «социальное поле искусства», создающее общий контекст взаимопонимания участников коммуникации.

Дискурсивный подход к культурному пространству предполагает учёт не только «макροструктуры»: набора тем дискурса, организованных иерархически, нелинейно [van Dijk, Teun 1981: 186, 190], [Макаров 2003: 138, 144], но и всех его свойств, в том числе факторов адресанта (автора дискурса) и адресата дискурса, то есть того, «к кому (вольно или невольно) обращается автор дискурса, «дискурсант»» [Демьянков 2012: 41].

Адресатом анализируемого дискурса, с которым вступил в диалог «дискурсант»-преподаватель, стала гетерогенная группа студентов-магистрантов факультета славистики Зальцбургского университета, состоящая из представителей разных культур. В состав этой группы входили: австрийские студенты, учащиеся российских университетов (стажёры); носители русского языка, уже получившие высшее образование в России; студенты-билингвы, выросшие в Австрии и др. При этом одна часть группы находилась в своём привычном географическом пространстве, но не владела (в отличие от остальных учащихся) русским языком как родным. Следовательно, проникновение в глубину дискурса для каждого участника семинара было различным и связывалось как с принадлежностью к определённой лингвокультуре, так и с индивидуальным личным опытом.

Различный состав группы создаёт определённые трудности в организации материала, но в то же время даёт преподавателю возможности для творчества, позволяет расширять «традиционное и креативное в адресации дискурса» /В. З. Демьянков/, в том числе по-новому осмыслять набор тем, выстраивая их иерархию в составе дискурсивной модели. В пространстве двух культур на основании анализа исторических и культурологических источников нами была выявлена формально-содержательная макроструктура дискурса. Содержательный компонент включил в себя такие составляющие, как: исторические лица, характеристики, ситуации, обстоятельства, эпохи и др. и эксплицируется набором конкретных тем (см. ниже). Эти темы были организованы нелинейно и лёгших в основу семестрового курса, прочитанного автором статьи в Зальцбургском университете в 2019 году. Ниже из-за ограничения объёма статьи содержательный компонент приводится в сокращённом варианте и анализируется лишь выборочно (заинтересованный читатель может самостоятельно, на основании указанных ниже разделов, обратиться к источникам, представленным разными видами искусства, и списку литературы, данному в конце статьи):

1. Реальные факты. «Диалог династий». Император Леопольд I и русский царь Пётр I. Царевич Алексей и Карл VI, Мария-Терезия и Елизавета Петровна, Иосиф II и Екатерина П. Путешествие в Крым (1787).

2. Военные и политические союзы, кампании. Итальянские и швейцарские походы А.В. Суворова (1799).

3. Исторические факты и их отражение в топонимике.

3.1 Австрия. Вена. Великое посольство Петра Первого. Топонимы: Schloss Favorita / Дворец «Фаворита» (сейчас гимназия Терезианум, дипломатическая академия)

Венский конгресс. Пребывание Александра I в Вене. Hofburg. „Alexanderapartment“. Alexanderstiege / Хофбург. Покои Александра I Лестница Александра.

Тироль. Burg Ehrenberg / Замок Эренберг (сейчас – руины). Местонахождение царевича Алексея после бегства из России.

3.2. Россия.

Стрельна. Пригород Санкт-Петербурга. Усадьба А.Д. Меншикова «Фаворит». Нижняя дорога, 10. (сохранилась только на чертежах). **Петербург. Австрийская площадь.** Дома северного модерна.

Витебский вокзал. Памятник Францу Антону фон Герстнеру на Витебском вокзале. Царскосельская железная дорога.

Павловск. Памятник Иоганну Штраусу дар Австрии к 300-летию Санкт-Петербурга. (Точная копия памятника Иоганну Штраусу в Городском парке Вены).

4. Музыкальный диалог вчера и сегодня.

5. Лев Толстой, Ф.М. Достоевский. Влияние на австрийскую философию и культуру.

6. Зигмунд Фрейд и Россия.

7. Женщины - выходцы из России и психоанализ.

8. События Второй Мировой войны.

Вена. Шварценбергплац. Памятник советским воинам. (1945). Зальцбург. Братская могила советских воинов и мирным гражданам на коммунальном кладбище. Концентрационный лагерь Эбензее.

9. Представители австрийской культуры в России. Представители русской культуры в Австрии.

А) Рильке – Пастернак – Цветаева. Диалог поэтов.

Б) Сигизмунд Нейком в Санкт-Петербурге. Иоганн Штраус в Павловске.

10. Австрийский текст в русской культуре.

А. С. Пушкин. «Моцарт и Сальери». Роман «Война и мир» на территории бывшей Австрийской империи. Д. С. Мережковский. Роман «Антихрист. Пётр и Алексей» (1904-1905). Фридрих Горенштейн. Пьеса «Детоубийца» (1985). О. А. Гриневский «Тайны Великого посольства Петра. Дипломатический детектив».

10. Русский текст в австрийской культуре.

Австрийские писатели и Россия. Альфред Кубин. Роман «Другая сторона». Стихи Рильке на русском языке. С. Цвейг «Толстой», «Достоевский». Поездки в Россию. Райнер Мария Рильке. Стефан Цвейг. Йозеф Рот.

11. Трансфер текстов и совместное творчество. Песня «Варяг» (автор текста – Рудольф Грейнциг (Rudolf Greinz). А. С. Турицев – автор музыки. Романс «Москва» (автор музыки – И. Ф. Деккер-Шенк (Johann Decker-Schenk), автор текста В. А. Соллогуб).

12. Петербург – Вена. Диалог двух столиц.

Вена – зеркальный Петербург.

Традиционность анализируемого дискурса с предложенным набором тем состоит в том, что он будет иметь как экстралингвистический, так и лингвистический план выражения, но с той особенностью, что языковая экспликация будет представлена на двух языках. Для изучения межкультурного диалога, в фокус которого попадают поликодовые тексты, а также для выявления специфики и смысла дискурса в дальнейшей части статьи предлагается модель анализа, объединяющая перечисленные выше темы и представленная в такой последовательности: имена и события (реальные и воплощённые в произведениях искусства).

1. Имена

Исследователи имени собственного традиционно обращали внимание на его семантические связи, обнаруживающие огромное количество смысловых корреляций, которые демонстрируют ««глубину» семантической ауры имени собственного в том или ином тексте» [Николаева 2007: 8]. «Семантическая аура» имени в дискурсе расширяется за счёт корреляций в текстах, принадлежащих к разным культурным пространствам. Продемонстрируем это на конкретных примерах.

Представители Австрии и российское культурное пространство

Имя собственное – компонент содержательной стороны дискурса – может восприниматься адресатом в зависимости от ранее полученных знаний. Для австрийских студентов фигура художника *Альфреда Кубина* (1877-1959) будет интересна тем, что его биография непосредственно связана с Зальцбургом. В то же время учащиеся, принадлежащие к обеим культурам, практически ничего не знают об иллюстрациях Кубина к произведениям русской классики, а также о его тесной связи с художниками русского авангарда. При сопоставлении фактов двух культурных пространств и дискурсивном рассмотрении этого имени обнаруживается, что Василий Кандинский, познакомившийся с Кубиным в 1901 г., очень высоко ценил его творчество не только как художника, но и как писателя (см. подробнее: [Кушнарера 2016]) и оставил восторженные характеристики о его романе «Die andere Seite» («Другая сторона») (опубликован

в 1909, на русский язык переведён в 2000 г.). Кубин так характеризует в своем произведении страну, которую он сам так никогда и не посетил: *Эх, Россия! Эта страна была по мне: огромная, пышная, девственная, но при этом обеспечивающая путешественнику полный комфорт — лишь бы только у того позвякивали деньги в кошельке. Богачи вроде нас в любой стране чувствуют себя как дома. Я от души желал царю многая лета и гордился теми каплями славянской крови, что текли и в моих жилах* (см. источники; а также [Жукова 2015]).

Таким образом, имя собственное *Кубин* проявляет в дискурсе своё, по Бурдье, «двойное структурирование»: объективно существует в социуме русского авангарда и русской культуры (участие в создании «Синего всадника») и отражает свои личные представления о России, о новых направлениях в искусстве в художественном тексте. Фигура Альфреда Кубина открывает широкие возможности методической интерпретации многих фактов русской культуры вне России, служит для учащих ся доказательством того, что даже никогда не побывав в стране, можно многое эмоционально почувствовать, представить и понять.

Важную роль в постижении не только новой культуры, но и своей собственной играют мало известные имена соотечественников, находящиеся на периферии культурного пространства/пространств. Например, композитор *Сигизмунд Нейком* (*Нойком*) (Sigismund von Neukomm (1778–1858) не так хорошо известен в своём отечестве, хотя он родился в Зальцбурге, а на доме, в котором он жил, висит мемориальная доска.

В мае 1804 года Нейком приезжает в Петербург, имея рекомендацию, к императрице Марии Фёдоровне от своего друга и учителя Йозефа Гайдна и поступает на службу в качестве дирижёра в оркестр Немецкого театра, являющегося посредником в распространении австрийско-немецкой культуры в России (см.: [Губкина 2000], [Губкина 2003]).

В то же время пребывание в стране и визиты в Павловск на приёмы к императрице выводят композитора за границы Немецкого театра и заставляют реагировать на события, происходящие в России. После публикации оды Г.Р. Державина, написанной по случаю отъезда на фронт императора Александра I во

время первой наполеоновской компании, Нейком пишет на эти стихи музыкальное произведение, которое было исполнено придворными певчими в филармическом обществе Петербурга [Державин 1865: 629].

В 1808 году композитор покидает Петербург, становится домашним пианистом у Шарля Мориса де Талейрана, а в 1815 году отправляется с ним на Венский конгресс [Кинг 2010]. Следует отметить, что именно Нейкому мы обязаны реабилитацией Сальери, с которым он состоял в дружеских отношениях. Последняя биография Сальери, написанная на русском языке и изданная в России, опровергает факт причастности Сальери к отравлению Моцарта и содержит ссылки на Сигизмунда Нейкома [Нечаев 2014]. В Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге до сих пор бережно хранятся музыкальные произведения Нейкома с его посвящением императрице Марии Фёдоровне.

В Австрии о композиторе напоминает не только мемориальная доска, но и названия улиц. В 2015 году жители Зальцбурга: журналистка У. Хальмшлагер (Ulrike Halmschlager) и профессор консерватории Моцартеума Герберт Линдбергер (Herbert Lindsberger) сняли документальный фильм о Нейкоме «Саудаде»/ *Saudade*», в котором пытались рассказать о своём соотечественнике, сегодня незаслуженно забытом. Съёмки этого фильма проходили также в Санкт-Петербурге [Васильева 2014] и позволили выявить смысловые связи внутри дискурса, что, в свою очередь, дало возможность их новой интерпретации не только в изучаемой культуре, но и в своей собственной.

Женщины - выходцы из России и психоанализ

Для адресата дискурса, представителя русской культуры, имена Лу Андреас Саломе и Сабини Шпильрейн в наименьшей степени ассоциируются с родным отечеством.

Лу Андреас Саломе (1861-1937) родилась в Петербурге, училась в Петришуле и была удивительной женщиной своего времени, связавшей свою жизнь с психоанализом и оказавшей влияние на судьбу своих многих известных современников: Ницше, Фрейда, Рильке и др. Личность Лу Андреас Саломе сегодня продолжает привлекать внимание как читателей её литературных произведений, трактатов, воспоминаний, так и современных режиссёров, фи-

лософов, психологов. См.: [Аверкина 2001], [Мазин 2001], [Романова 2013], [Pfanter 2001].

Сабина Шпильрейн (1885-1942) сыграла не меньшую роль в европейской истории психоанализа и как женщина-исследователь, и как человек, повлиявший на отношения двух учёных Карла Юнга и Зигмунда Фрейда [Сироткин, Мельникова 2018]. Личные контакты Сабины с Юнгом и Фрейдом (их переписка была найдена только в 1977 году), её научная деятельность, жизнь в СССР после возвращения из Европы и трагическая гибель вместе с дочерьми в 1942 году были практически не известны в СССР (см. подробнее: [Овчаренко 1992], [Филатов 2016]). В 2011 году режиссёром Дэвидом Кронебергом о судьбе Сабины Шпильрейн был снят канадско-немецко-британский фильм «Опасный метод», а в 2015 году, на её родине, в Ростове-на-Дону, был открыт музей [Ермаков, Абакумова, Филатов 2016].

Представители обеих культур и совместное творчество

Выше уже говорилось о том, что Сигизмунд Нейком написал музыку на стихи Г. Р. Державина. Такие союзы – не единственный пример в российско-австрийском диалоге культур. Романс «Москва» («Вдали тебя я обездолен...») в наши дни не входит в ядро русского культурного пространства, несмотря на то, что он стал народной песней ещё в 1890 году и считался вторым неофициальным гимном древней столицы. Автором музыки был австриец *Иван Деккер-Шенк (Johann Decker-Schenk)* (1825, Вена – 1899, Санкт-Петербург) – композитор, педагог, гитарист и автор первого самоучителя игры на гитаре на русском языке. Шенк окончил Венскую консерваторию по классу пения, в 1861 году переехал в Россию [Ямпольский 1974: 188]. Текст романса написал *Владимир Соллогуб* (1813, Санкт-Петербург – 1882 Гамбург), дипломат, писатель, поэт. Соллогуб служил в министерстве иностранных дел, был атташе при русском посольстве в Австрии, а литература была лишь его хобби.

Анализ текста романса выявляет известные эпитеты, формирующие традиционный образ Москвы: «белокаменная», «золотые купола», «русская старина», «родимая земля», «русский Кремль», «места для сердца дорогие» и др., которые сохраняются до настоящего времени в «коллективном бессознательном» представителя русского лингвокультурного пространства.

Контакты между представителями русской и австрийской культур могут быть опосредованы не личными связями, а самим текстом. В качестве примера можно привести текст известной песни «*Варяг*». Австрийский писатель и поэт *Рудольф Грейнци* написал стихотворение «Der „Warjag“», посвящённое гибели крейсера. В апреле 1904 года были опубликованы переводы этого стихотворения, а А.С. *Турищев* положил эти стихи на музыку [Орехова 2013]. При этом в русской культуре данный текст переместился из периферии в ядро культурного пространства.

Имена двух столиц.

Вена – Петербург на рубеже XX столетия

При сопоставлении двух имён собственных таких, как *Вена и Петербург* на рубеже XIX и XX веков, за ними обнаруживаются общие смыслы: атмосфера ощущения приближения мировой катастрофы и чувство нестабильности мира, его упадка. Развитие модернистских течений как «альтернатива «страшному миру», «тоска по мировой культуре», синтез искусств, поиски гармонии и красоты являются общими характеристиками двух столиц и двух культурных пространств этого времени. Вена – зеркальное отражение Петербурга. См.: [Аверкина 2001].

В среде художников, представителей двух столиц, были и личные контакты, наблюдался поиск общих художественных концепций, была попытка организации совместных выставок, посредником которых выступал Райнер Мария Рильке (см. его переписку с Александром Бенуа [Азадовский 2011а]). Общий язык модерна был понятен художникам. Елена Маковская-Лукш, ученица Репина, участвовала в выставках Сецессиона и «мирискусников». Сейчас её картина «Отрочество» (1903) находится в Вене, в музее Бельведер. Изображение самой художницы в детстве можно увидеть в Русском музее на знаменитом полотне её отца: Константина Маковского (см. Константин Маковский. Семейный портрет. Изображение Ю.П. Маковская с детьми Сергеем и Еленой, 1882).

Таким образом в социальное поле искусства, основанное на принципе взаимопонимания, входят и невербальные тексты, за которыми стоят имена конкретных художников и архитекторов.

2. События Второй Мировой войны

Реальные исторические события, связанные со Второй Мировой войной, такие, как фак-

ты пребывания военнопленных и остарбайтеров на территории Австрии; РОА под командованием генерала Власова; судьбы советских граждан, вернувшихся в СССР или оставшихся на территории Австрии после войны; советские войска, стоявшие на территории Австрии до 1955 года; судьба военных кладбищ, мемориалов и памятников павшим советским воинам и др. организуют тематический блок дискурса, который эксплицирован в вербальных и невербальных текстах как военного (лагеря смерти), так и послевоенного времени (мемориалы, художественная литература, кино). Эта тема не может быть осмыслена без эмоциональной составляющей.

Лагерь Эбензее, филиал Маутхаузена, – сегодня мемориальный комплекс, созданный как дань памяти погибшим. В биографии известного советского филолога *Ефима Эткинда (1918-1999)* есть эпизод, связанный с этим лагерем и описанный в очерке «Эбензее» (1998), вошедшем впоследствии в «Барселонскую прозу» (книга увидела свет после смерти автора) [Эткинд 2001]. Впервые старший лейтенант Красной Армии, военный переводчик, Ефим Эткинд попал в Эбензее в начале мая 1945 года, получив приказ заниматься возвращением на родину советских военнопленных. Второй раз профессор Эткинд побывал в этом месте по приглашению австрийских журналистов, которые снимали фильм об этом лагере.

Книга Е. Г. Эткинда, изданная через 50 лет, рассказывает не только о том, что сохранилось в памяти с военного времени, но и содержит оценку событий тех лет. Автор «Барселонской прозы» размышляет об истории антифашистского движения в СССР и о дальнейшей судьбе соотечественников, которые вернулись из плена.

Лагерь Эбензее стал местом гибели Дмитрия Тимофеева-Ресовского (1923-1945), сына *Николая Владимировича Тимфеева-Ресовского (1900-1981)*, учёного-генетика с мировым именем, героя романа Д. Гранина «Зубр». Учёный мог бы спасти сына, пойдя на предательство и приняв условия нацистов. Н. В. Тимофеев-Ресовский и его жена так и не узнали, где погиб их старший сын: официальная информация о его гибели появилась в 1996 году, после их смерти. Памятная доска с именем Дмитрия на клад-

бище Эбензее была установлена только в 2014 году [Куликов, Литовский, Терентьев 2015].

Маутхаузен, главный лагерь смерти, – свидетель ещё одного трагического события, получившего широкую известность в Австрии и вошедшего в её историю как «*мюльфиртельская охота на зайцев*». В ночь со 2 на 3 февраля 1945 года около 500 советских военнопленных барака 20 (блока смерти) в Маутхаузене совершили побег. Молодой австрийский историк и славист Маттиас Кальтенбруннер (Matthias Kaltenbrunner), награждённый в 2013 году орденом Министерства обороны России, занимался восстановлением имен выживших во время этого побега [Kaltenbrunner 2012] в сотрудничестве с известной российской журналисткой Ариадной Юрковой (умерла в 2013 году). Ариадна Юркова обратилась к этой теме ещё в 60-ые годы, пыталась совместно с журналистом Иваном Ходынкиным [Ходыкин 1965] и писателем Сергеем Смирновым [Смирнов 1963] отстаивать честное имя советских военнопленных.

В мае 2001 года в Австрии (в месте Рин-индер-Ридмарк) в память о жертвах трагедии в Мюльфиртеле был установлен памятник как свидетельство восстановления исторической справедливости и сохранения имен погибших. Это событие запечатлено не только в художественной австрийской литературе, но и в кинематографе (см. источники). С позиций синхронии и фактора адресата можно говорить о том, что в разряд *свой* попадают представители двух культур, которые дают вдумчивую оценку как своей, так и чужой истории, в частности событиям Второй мировой войны.

Австрийский текст в русской культуре

Обращение к страницам «*Войны и мира*», описывающих военные действия 1805 года на территории Австро-Венгрии, также по-особому воздействует на адресата дискурса, который оказывается фактически на месте событий и может в конкретном географическом пространстве живо представить весь театр военных действий с реальными персонажами: императорами, полководцами и вымышленными героями романа. На месте Аустерлицкого сражения (ныне территория Чехии, город Славков-у-Брна (ранее Austerlitz) можно попытаться глазами князя Андрея увидеть вечное небо уже над своей головой,

а уместечка Энс (Эннс) вспомнить те чувства, которые пережил Николай Ростов в своём первом бою; представить батарею Тушина у Шенграбена, проехать по местам продвижения русских войск в кампании 1805 года, оценить действия М. И. Кутузова и П. И. Багратиона в конкретных исторических «кулисах».

Вместе с *Мариной Цветаевой* можно было бы отправиться в Шёнбрунн, в габсбургскую резиденцию, которая связана и с судьбой сына Наполеона I (1811-1832), «Орлёнка» (L'Aiglon); сын Наполеона с 1814 года жил в Австрии при дворе своего деда австрийского императора Франца I и получил в 1818 году титул «рейхштадтский герцог». В резиденции сохранились покои герцога (там бывал и его отец), комната, в которой он умер в возрасте 22 лет. Цветаева, с 16 лет боготворившая Наполеона и его сына («Мой принц, мой мальчик, мой герой»), посвятила Орлёнку несколько ранних стихов из сборника «Волшебный фонарь»: «В Париже», «В Шёнбрунне», «Камерата», «Герцог Рейхштадтский», «Расставание». См.: [Нива 1992], [Стрельникова 2009].

При интерпретации в аудитории культурно-исторических событий важным становится не только то, что они вносят эмоциональную составляющую в восприятие художественного текста, но и демонстрируют студентам, что мнение писателя может совпадать/не совпадать с общей оценкой, принятой в данной культуре, и, следовательно, также может отличаться от сегодняшней позиции адресата дискурса. Например, оценка личности и деятельности Наполеона у Л. Н. Толстого и М. И. Цветаевой.

Если рассматривать австрийский «след» с позиции представителя русской культуры в своем географическом пространстве, то следует упомянуть об истории любви Иоганна Штрауса и Ольги Смирнитской, адресате ста любовных писем Штрауса, обнаруженных директором Венского музыкального собрания Т. Айгнером в 1993 году. См.: [Aigner T. 1998], [Айгнер Т. 2005]. Успех Штрауса в России был бы невозможен без знаменитых летних концертов в здании вокзала в Павловске. Сюда столичная публика прибывала по железной дороге Санкт-Петербург-Царское Село-Павловск, открывшейся 30 октября 1837 года. Строительством этой дороги

мы обязаны другому подданному австрийской монархии *Францу Антону фон Герстнеру*. См.: [Воронин, Воронина 1994].

Сегодня на здании Витебского вокзала установлена мемориальная доска создателю первой царсосельской железной дороги (скульпторы В. С. и С. В. Ивановы, 1997), а в Световом зале вокзала находится памятник австрийскому инженеру (скульптор С. А. Щербаков 2007). Если история любви австрийского композитора сохранилась в его музыкальных произведениях и легла в основу фильма «Прощание с Петербургом» (режиссёр Ян Фрид, 1971), то история строительства дороги отразилась в комедии Аллы Суриковой «Чокнутые» (1991). О павловских концертах (1855-1865) Иоганна Штрауса сегодня напоминает и памятник в Павловске, подаренный Австрийской Республикой к 300-летию Санкт-Петербурга (точная копия памятника в Городском парке Вены, скульптор Э. Хельмер, 1907). А музыкальный диалог России и Австрии продолжается и сегодня [Боголюбова, Николаева 2010].

Таким образом «австрийский текст» (приведенный здесь в сокращении) существует в разных видах искусства: литературе, музыке, кино, архитектуре и др.

Русский текст в австрийской культуре

Ранее уже говорилось о романе «Война и мир», который в одинаковой степени можно отнести не только к австрийскому, но и русскому тексту в австрийском культурном пространстве. Сама фигура Л. Н. Толстого и его творчество оказало влияние на австрийскую литературу и её представителей. *Райнер Мария Рильке* был лично знаком с Львом Толстым [Азадовский 2011а]. *Стефан Цвейг* написал биографические эссе о Толстом и Достоевском, оставил свои воспоминания о праздновании столетия со дня рождения писателя, на которых он присутствовал [Азадовский 2011б]. После знакомства с дочерью, невесткой и внучкой Толстого Стефан Цвейг вступает с ними в переписку [Цвейг 2016]. На его письмах в Ясную Поляну стоит точный адрес виллы в Зальцбурге, на которой Цвейг жил до эмиграции.

Несмотря на то, что многие австрийские писатели были знакомы с русской литературой только в переводах, они были готовы к декодированию знаков петербургского текста. См. подробнее: [Азадов-

ский 2011б], [Belobratow 2009], [Волощук 2017]. Анализ очерка Йозефа Рота «Ленинград» (1928, перевод на русский 2004 [см. источники]) отражает посещение писателем Ленинграда и показывает, что в немецком варианте и, соответственно, в русском переводе присутствуют все характеристики петербургского текста: *сырость болото, туман, пространство, сновидение, небо серое, лёд и камень, сон привидения, призраки, вечность, Венеция*. В аудитории был проведён анализ этого текста на двух языках, что свидетельствует о возможности существования петербургского текста в пространстве иной культуры и сохранения его смысла при передаче иными семиотическими знаками. См. также: [Аверкина 2001], [Козонкова 2008].

Рассмотрев содержательно-тематические блоки, формирующие структуру дискурса и относящиеся одновременно к двум культурам, можно сделать вывод, что не только когнитивная база, но и культурное пространство предлагает широкие возможности для методической интерпретации в иностранной аудитории. Преподаватель как творческий создатель дискурса, первый его интерпретатор, «должен выбрать ключ, или тональность, в которой он проигрывает всю симфонию интерпретации текста. Этот ключ придает единообразие, общую стилистику понимания дискурса. Этот же ключ задаёт единую атмосферу понимания в рамках более или менее продолжительного эпизода понимания речи» [Демьянков 2012: 48]. Последний по времени может составлять два академических часа и расширяться до целого семестра, связан с рассмотренными выше формально-содержательными фрагментами с нелинейной иерархической структурой, имеющей определенную типологию и обеспечивающей проникновение в смысл данного дискурса.

Анализ структуры дискурса, его формально-содержательных компонентов свидетельствует о его следующих типологических чертах: *неантагонистичность, нелинейность, компаративность, дискурсивность, адресатность, креативность*. Имена, события конкретной исторической эпохи, чувства и оценки, возникающие при их восприятии в макроструктуре дискурса, взаимосвязаны между собой, сопоставляются в разных культурных пространствах и тем самым обнаруживают дополнительные коннотации.

С учётом «фактора адресата» компоненты дискурса получают в «социальном поле искусства» различное смысловое наполнение, которое может и не совпадать у студентов в гетерогенной группе. При дискурсивной подходе к культурному пространству на связи между его компонентами, на оценку вновь открытых для себя феноменов оказывает влияние «Я-эмоциональное» /Н.Д. Арутюнова/. Поэтому преподаватель должен учитывать культурные знаки с различным эмоциональным зарядом, чтобы избежать возможной антагонистической напряженности в аудитории.

Дискурсивный подход к культурному пространству в сопоставительном аспекте открывает широкие возможности интерпретации многих фактов русской культуры и русского языка за пределами России и даёт новый ракурс в аспекте преподавания РКИ, включая обращение к видам речевой деятельности, а также к различным формам аудиторной и внеаудиторной работы. К последним можно отнести: а) учебные экскурсии: по страницам романа «Война и мир»; в «Русский дом» в Мурнау и в мюнхенский музей «Дом Ленбаха» (самая большая в мире галерея с работами художников - членов группы «Синий всадник»); на выставки Альфреда Кубина и др. художников; б) культпоходы: на гастрольные спектакли современных российских коллективов; на постановки русских пьес в австрийских театрах; на концерты с участием российских оркестров и исполнителей; на просмотры фильмов на двух языках об истории и культурой обеих стран.

В качестве аудиторной работы можно предложить: поиск и интерпретацию топонимов, связанных с обеими культурами на территории России и Австрии; анализ «австрийского текста в русской культуре» и «русского – в австрийской»; перевод стихов, прозы на немецкий и русский языки; комментирование впечатлений соотечественников о поездке в Россию с выходом на широкую дискуссию.

Предложенный подход к российско-австрийскому культурному пространству с учётом общих знаков/текстов, относящихся к социальному полю искусства, может быть применим к иным дискурсам как в теоретическом, так и в методическом аспекте. Разведение понятий в межкультурной диалоге «сравнение» и «сопостав-

ление» при рассмотрении культурного пространства (а не только когнитивной базы) позволит связать их с оппозицией антагонистичность/неантагонистичность и в перспективе по-новому взглянуть на изучение триады *свой-другой-чужой*. Обращение к культурным знакам, относящимся одновременно к двум культурам, их положительная эмоциональная заряженность, включенность в социальное поле искусства, корреляция смыслов, возникающая в этом поле за счёт различных социальных представлений, позволяет достичь взаимопонимания, повысить мотивацию в изучении русского языка и русской культуры, в том числе в гетерогенных группах вне страны изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверкина С.Н.* Образ Вены в петербургских газетах рубежа XIX- XX веков (концепт «города-утопии») // *Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции.* Вып. 4/1 Сост. А.В. Белобратов. На русск. и нем. яз. СПб., 2001. С. 457-467.
2. *Азадовский К.М.* Рильке и Россия: Статьи и публикации. М., 2011 а.
3. *Азадовский К.М.* Стефан Цвейг в СССР: 1920-е годы // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. СПб, 2011 б. С. 470-497. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru>
4. *Айгнер Т.* Иоганн Штраус – Ольга Смирнитская. 100 писем о любви. М., 2005.
5. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Русско-австрийские культурные связи в XVIII-XXI вв. СПб., 2010.
6. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингвокультурологический словарь: Русское культурное пространство. М., 2004.
7. *Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с фр. Н. А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.
8. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М., СПб., 2005.
9. *Васильева И.* Неслучайный визит // Царскосельская газета. 2014. № 35 (10 087). 18 -24 сентября. С. 11.
10. *Волощук Е.* «Я окончательно отрезка от востока»: после-революционная Россия в дневниковых записках Йозефа Рота о его путешествии по СССР // *Studia Culturae.* 2017. Вып. 4 (34). С. 236-252.
11. *Воронин М.И., Воронина М.М.* Франц Антон Герстнер, 1793-1840: инженер, строитель железной дороги / А.Н. Боголюбов, СПб., 1994.
12. *Губкина Н.В.* Австрийские артисты и Немецкий музыкальный театр в Петербурге в начале XIX века (к проблеме австрийско-русского музыкального диалога) // Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. Сборник Австрийской библиотеки в Санкт-Петербурге / Сост. А.В. Белобратов. СПб., 2000. Вып. 4/1. С. 319-331.
13. *Губкина Н.В.* Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX века. СПб., 2003.
14. *Гудков Д.Б.* Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. М., 2000.
15. *Демьянков В.З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста // Тетради новых терминов. 1982. № 39. Выпуск 2. С. 59-82.
16. *Демьянков В.З.* Традиционное и креативное в адресации дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2012. С. 41-49.
17. *Державин Г.Р.* Молитва по высочайшем отсутствию в армию Его императорского Величества, 1807 года 16 дня // Сочинения Державина. [в 9 т.] 1864-1883. Т. 2: Стихотворения, ч. 2: [1797-1808 гг.] СПб., 1865. С. 628-662.
18. *Ермаков П.Н., Абакумова И.В., Филатов Ф.П.* Открытие музея С. Н. Шпильрейн в Ростове-на-Дону // Российский психологический журнал. 2016. Том 13. №1. С. 200-209.
19. *Жукова М.В.* О хронотопе города-музея в романе Альфреда Кубина «Другая сторона» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1 (1). С. 52-62.
20. *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
21. *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена 1814. / Пер. с англ. Лобанова И.В. М., 2010.
22. *Козонкова О.В.* Революционная Россия в ранних романах Йозефа Рота //Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. Вып. 1. С. 49-53.
23. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
24. *Куликов С.Н., Литовский В.В. Терентьев А.А.* Андрей Николаевич Тимофеев: «Я – КАСЛИЯНЕЦ!» // Электронный архив УГЛУЭКО-ПОТЕНЦИАЛ. 2015. № 4 (12). С.100-116. URL:<https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/5233/1/Kulikov.pdf>
25. *Кушнарёва А.В.* Жизнь ясновидца упадка. Введение в творческую биографию Альфреда Кубина // Искусство Евразии. 2016. № 2(3). С. 85-92. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/575921/20/>.
26. *Лонев А.Л.* Компаративистский анализ теоретических положений П. Бурдьё о социальной структуре. Автореф. дис. ... канд. социолнаук:22.00.01 [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2006.
27. *Мазин В. А.* Роковая женщина Лу Андреас-Саломе // Психоналитический вестник. 2001. №1. С. 125-139.
28. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
29. *Нечаев С. Ю.* Сальери. М., 2014.
30. *Николаева Т. М.* Имя. Семантическая аура / Т.М. Николаева. М., 2007.
31. *Нива Ж.* Миф об Орленке (по материалам женевских архивов, связанных с Мариной Цветаевой) // Звезда. 1992. № 10. С. 139-143.
32. *Овчаренко В. И.* Судьба Сабини Шпильрейн // Психоналитический вестник. 1992. №2. С. 64-69.

33. Орехова Н.Н. Песня о «Варяге» – немецкий оригинал и русский перевод // Вестник Педагогического опыта. Глазов. 2013. №34. С. 37-39.
34. Прохоров Ю.Е. Национальное социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2003.
35. Романова Ю.А. Россия в жизни и творчестве Лу Андреас-Саломе // Изв. Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 75-78
36. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика. // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 208-223.
37. Сироткин С.Ф., Мельникова М.Л. Зигмунд Фрейд, Сабина Шпильрейн: переписка. Ижевск, 2018.
38. Смирнов С.С. Герои блока смерти. М., 1963.
39. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
40. Стрельникова Н.Д. Марина Цветаева и Эдмон Ростан // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 3. С. 109-115.
41. Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нём // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. 1989. Вып. IV. С. 6-17.
42. Филатов Ф.П. Учение С.Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 2. С. 246-259.
43. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб., 2004 [1969].
44. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб., 2000.
45. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
46. Ходыкин И.Ф. Живые не сдаются. Новосибирск, 1965.
47. Цвейг С. Бегство к Толстому. (ArchivSZ). М., 2016.
48. Эткин Д.Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб, 2001
49. Ямпольский И.М. Деккер-Шенк Иван Федорович // Музыкальная энциклопедия. Серия «Энциклопедии. Словари. Справочники». М., 1974. С. 188.
50. Aigner Thomas. Olga Smirnitckaja. Die Adressatin von 100 Liebesbriefen von Johann Strauss. Tutzing, 1998.
51. Belobratow A. W. Joseph Roth in Russland und Russland bei Joseph Roth // Reise in die Nachbarschaft. Zur Wirkungsgeschichte der deutschsprachigen Literatur aus der Bukowina und Galizien nach 1918 / M. Müller und L. Cybenko. Wien / Berlin / Münster, 2009. S. 109-133.
52. van Dijk, Teun A. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton Publishers, 1981 (in English)
53. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, 1987. V. 2.
54. Kaltenbrunner M. Flucht aus dem Todesblock Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die «Mühlviertler Hasenjagd» Hintergründe, Folgen, Aufarbeitung. Innsbruck; Wien, 2012.
55. Pfanner H.F. Dekadenz und Modernität: Lou Andreas-

Salome in St.Peterburg und Wien // Wien und St. Peterburg um die Jahrhundertwende (n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. St. Peterburg, 2001 (1999-2000). Bd. 4/II. S. 457-467

REFERENCES

1. Averkina S.N. (2001) *Obraz Veny' v peterburgskix gazetax rubezha XIX-XX vekov (koncept «goroda-utopii»)* [Image of Vienna in the Petersburg newspapers at the turn of the XIX-XX centuries (concept of the utopian city)]. In: *Wien und St. Peterburg um die Jahrhundertwende (n): kulturelle Interferenzen: Vena i Sankt-Peterburg na ru bezhax vekov: kul'turny'e interferencii.* [Vienna and Saint Petersburg at the turn of the century: cultural interferences]. Belobratov A.V. (ed.) Iss. 4/I pp. 457-467. St. Petersburg. (in Russian)
2. Azadovskij K.M. (2011a). *Ril'ke i Rossiya: Stat'i i publikacii.* [Rilke and Russia. Articles and publications]. Moscow. (in Russian)
3. Azadovsky K.M. (2011b) *Stefan Czweig v SSSR: 1920-e gody*[Stefan Zweig in the USSR of the 1920s]. In: *Instituty' kul'tury' Leningrada na perelome ot 1920-x k 1930-m godam: Materialy' proekta.* [Stefan Zweig in the USSR of the 1920s. In cultural institutions of Leningrad at the turning point between the 1920s and the 1930s]. St. Petersburg. Pp. 470-497 URL: <http://www.pushkinskijdom.ru> (in Russian)
4. Ajgner T. (2005) *Iogann Shtraus – Ol'ga Smirnitckaja. 100 pisem o lyubvi* [Johann Strauss – Olga Smirnitckaja. 100 love letters]. Moscow. (in Russian)
5. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu. V. (2010) *Russko-avstrijskie kul'turny'e svyazi v XVIII-XXI vv.* [Russian-Austrian cultural relations in the XVIII-XXI centuries]. St. Petersburg. (in Russian)
6. Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D. B., Zaxarenko I. V., Krasny'x V. V. (2004) *Lingvokul'turologicheskij slovar' Russkoe kul'turnoe prostranstvo* [Lingua-cultural dictionary of the Russian cultural space]. Moscow. (in Russian)
7. Burd'e P. (1993) *Sociologiya politiki: Per. s fr. N. A. Shmatko / Sost., obshh. red. ipredisl. N. A. Shmatko* [Sociology of politics: Translated from the French by N.A. Shmatko / Compiled by General editor, Foreword by N.A. Shmatko.] Moscow. (in Russian)
8. Burd'e P. (2005) *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: field and practice]. Moscow. St. Petersburg. (in Russian)
9. Vasil'eva I. (2014). *Nesluchajny'j visit* [An incidental visit] In: *Czarskosel'skaya gazeta [the Tsarskoye Selo newspaper]*, no. 35 (10 087). 18-24.09, p. 11. (in Russian)
10. Voloshhuk E. (2017) «Ya okonchatel'no otreksya ot vostoka»: poslerevolucionnaya Rossiya v dnevnikovyx zapiskax Jozefa Rota o ego puteshestvii po SSSR. [“I finally renounced the East”: post-revolutionary Russia in Josef Roth's diary notes on his journey through the USSR]. In: *Studia Culturae.* Iss. 4 (34). pp. 236-252. (in Russian)
11. Voronin M. I, Voronina M.M. (1994) *Francz Anton Gerstner, 1793-1840: [Inzhener, stroitel' zheleznoj dorogi* [Franz Anton Gerstner, 1793-1840: Engineer, Builder of the railroad], ed.

A. N. Bogolyubov. St. Petersburg. (in Russian)

12. Gubkina N. V. (2000) Avstrijskie artisty' i Nemeckij muzy' kal' ny' j teatr v Peterburge v nachale XIX veka (k problem avstrijsko-rossijskogo muzy' kal' nogo dialoga) [Austrian artists and German musical theatre in St. Petersburg at the beginning of the XIX century (on the problem of the Austrian-Russian musical dialogue)]. In: *Wien und St. Peterburg um die Jahrhundertwende (n): kulturelle Interferenzen: Vena u Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. [Vienna and Saint Petersburg at the turn of the century: cultural interferences]*. Belobratov A. V. (ed.). Iss. 4/I, pp. 319-331. St. Petersburg. (in Russian)

13. Gubkina N. V. (2003). Nemeckij muzy' kal' ny' j teatr v Peterburge v pervoj treti XIX veka. [German musical theater in St. Petersburg in the first third of the XIX century]. St. Petersburg. (in Russian)

14. Gudkov D. B. (2000) Mez kul' turnaya kommunikaciya. Lekcionny' j kurs dlya studentov RKL. [Intercultural communication. Lecture course for students of Russian as a foreign Language] Moscow. (in Russian)

15. Dem' yankov V. Z. (1982) Anglo-russkie terminy' po prikladnoj lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta. Metody' analiza teksta. [English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing. Methods of analysis of the text.] In: *Tetrad' novy' x terminov [Notebooks of new terms]*, no. 39, iss. 2, pp. 59-82. (in Russian)

16. Dem' yankov V. Z. (2012) Tradicionnoe i kreativnoe v adresacii diskursa [Traditional and creative in addressing discourse]. In: N. D. Arutyunova ed. *Logicheskij analiz yazy' ka. Adresaciya diskursa. [Logical analysis of language. Addressing discourse]*, pp. 41-49. Moscow. (in Russian)

17. Derzhavin G. R. (1865) Molitva po vy' sochajshem otsustvii v armiyu Ego imperatorskogo Velichestva [Prayer for the highest absence to the army of His Imperial Majesty] In: *Sochineniya Derzhavina. (v 9 t.). Stixotvoreniya, ch.2: 1797-1808 gg. [Derzhavin's Works. (in 9 vols.). Poems, part 2: 1797-1808]. Vol. 2, pp. 628-662* (in Russian)

18. Ermakov P. N., Abakumova I. V., Filatov F. P. (2016). Otkry' tie muzeya S. N. Shpil' rejn v Rostove-na-Donu [The opening of the Museum S. N. Spielrein in Rostov-na-Donu]. In: *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian psychological journal]*, vol. 13, no. 1, pp. 200-209. (in Russian)

19. Zhukova M. V. (2015) O xronotope goroda-muzeya v romane Al' freda Kubina "Drugaya storona" [About the chronotope of the city-museum, in the novel of Alfred Kubin "The other side"]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Leningrad Pushkin University Herald]*, no. 1 (1), pp. 52-62. (in Russian)

20. Kagan M. S. (1988) Mir obshheniya: Problema mezhsob' yekny' x otnoshenij [The world of communication: the problem of intersubjective relations]. Moscow. (in Russian)

21. King D. (2010). *Bitva diplomatov, ili Vena 1814*. Trans. Lobanova I. V. Moscow. (in Russian)

22. Kozonkova O. V. (2008) Revolyucionnaya Rossiya v rannix romanax Jozefa Rota [Revolutionary Russia in Joseph Roth's early novels]. In: *Izv. Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya.*

Zhurnalistika. [Izv. Saratov University press. New series. Ser.: Philology. Journalism], iss. 1, pp. 49-53. (in Russian)

23. Krasny' x V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhix": mif ili real' nost'?" ["Own" among «strangers»: myth or reality]. Moscow. (in Russian)

24. Kulikov S. N., Litovskij V. V., Terent' ev A. A. (2015). Andrej Nikolaevich Timofeev: «Ya – KASLIYaNECz!» [Andrey Timofeev: "I'm from KASLI"] In: *E' lektronny' jarxiv UGLTU E' KO-POTENCIAL [electronic archive]*, no. 4 (12), pp. 100-116 URL: <https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/5233/1/Kulikov.pdf> (in Russian)

25. Kushnareva A. V. (2016) Zhizn' yasnovidca upadka. Vvedenie v tvorcheskuyu biografiyu Al' freda Kubina. [Life of a clairvoyant of decadence: introduction in the biography of Alfred Kubin]. In: *Iskusstvo Evrazii. [Art Of Eurasia]*, no. 2(3), pp. 85-92. URL: <https://readymag.com/u50070366/575921/20/>. (in Russian)

26. Lonev A. L. (2006) *Komparativistskij analiz teoreticheskix polozhenij P. Burd' e o social' noj strukture. [Comparative analysis of P. Bourdieu's theoretical positions on social structure]* Avtoref. dis. ... kand. sociolnauk 22.00.01 [Abstract of the dissertation of a candidate of social sciences] St. Petersburg. (in Russian)

27. Mazin V. A. (2001) Rokovaya zhenshina Lu Andreas-Salome» [Femme fatale Lou Andreas-Salome]. In: *Psixooanaliticheskij vestnik [Psychoanalytic journal]*, no. 1, pp. 125-139.

28. Makarov M. L. (2003). Osnovy' teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory] Moscow. (in Russian)

29. Nechaev S. Yu. (2014). Sal' eri [Salieri]. Moscow. (in Russian)

30. Nikolaeva T. M. (2007) Imya. Semanticheskaya aura [Name. Semantic aura]. Moscow. (in Russian)

31. Niva Zh. (1992) Mif ob Orlenke (po materialam zhenevskix arxivov, svyazanny' x s Marinoj Cvetaevoj) [The myth of the Eaglet (based on the materials of the Geneva archives associated with Marina Tsvetaeva)]. In: *Zvezda [The Star]*, no. 10, pp. 139-143 (in Russian)

32. Ovcharenko V. I. (1992) Sud' ba Sabiny' Shpil' rejn. [The fate of Sabina Spielrein]. In: *Psixooanaliticheskij vestnik [Psychoanalytic Bulletin]*, no. 2, pp. 64-69. (in Russian)

33. Orexova N. N. (2013). Pesnya o «Varyage» - nemeckij original i russkij perevod [The song about "the Varjag" - the German original and Russian translation]. In: *Vestnik Pedagogicheskogo opy' ta. [Bulletin of the educational experience]*. Glazov, no. 34, pp. 37-39. (in Russian)

34. Proxorov Yu. E. (2003). Nacional' noe sociokul' turny' e stereotypy' rechevogo obshheniya i ix rol' v obuchenii russkomu yazy' ku inostrancev [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow. (in Russian)

35. Romanova Yu. A. (2013) Rossiya v zhizni i tvorchestve Lu Andreas-Salome [Russia in the Life and Works of Lou Andreas-Salomé]. In: *Izv. Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. [Zhurnalistika Izvestiya Saratovskogo universiteta. New. Series. Ser. Philology. Journalism]*, vol. 13, iss. 3, pp. 75-78. (in Russian)

36. Sedov K. F. (2012). Yazy' koznanie. Rechevedenie. Genristika. [Linguistics. Speech production. Genristik]. In: *Voprosy' psixolingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, no. 1 (15), pp. 208-223. (in Russian)

37. Sirotkin S. F., Mel' nikova M. L. (2018). Zigmund Frejd,

Sabina Shpil' rejn: perepiska [Sigmund Freud, Sabine Spielrein: a correspondence]. Izhevsk. (in Russian)

38. Smirnov S. S. (1963) Geroi bloka smerti [Heroes of the death block]. Moscow. (in Russian)

39. Stepanov Yu. S. (1988). Yazy'k i metod. K sovremennoj filosofii yazy'ka [Language and method. Towards a modern philosophy of language]. Moscow. (in Russian)

40. Strel'nikova N. D. (2009) Marina Czvetava i E'dmon Rostan. [Marina Tsvetaeva and Edmon Rostan]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Saint Petersburg University. Ser. 9. Philology. Orientalism. Journalism]*, no. 3. pp. 109-115. (in Russian)

41. Toporov V. N. (1989). Prostranstvo kul'tury' i vstrechi v nyom [Cultural space and meetings in it]. In: *Vostok-Zapad: Issledovaniya. Perevody'. Publikacii. [East-West: Research. Translations. Publications]*, iss. IV. pp. 6-17. (in Russian)

42. Filatov F. P. (2016) Uchenie S. N. Shpil' rejn o destrukcii: teoreticheskie i psixobiograficheskie aspekty' [S. N. Spielrein's conception of destruction: theoretical and psycho-biographical aspects]. In: *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian psychological journal]*, vol. 13, no. 2, pp. 246-259. (in Russian)

43. Fuko M. 2004 [1969]. Arxeologiya znaniya [Archeology of knowledge]. St. Petersburg. (in Russian)

44. Xabermas Yu. (2000). Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg. (in Russian)

45. Xabermas Yu. (2001). Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii [The involvement of the other. Essays on political theory]. St. Petersburg. (in Russian)

46. Xody'kin I. F. (1965) Zhivy'e ne sdavutsya [The living don't give up]. Novosibirsk. (in Russian)

47. Czvejg S. (2016). Begstvo k Tolstomu (Archiv SZ). Zweig S. [Flight to Tolstoy]. (Archiv SZ). Moscow. (in Russian)

48. Etkind E. G. (2001). Zapiski nezagovorshchika. Barselonskaya proza. [Notes of a non-conspirator. Barcelona prose]. Sankt Petersburg. (in Russian)

49. Yampol'skij I. M. (1974). Dekker-Shenk Ivan Fedorovich Dekker-Schenk I. F. In: *Muzy'kal'naya e'nciklopediya [Music encyclopedia]* p. 188. Moscow (in Russian)

50. Aigner Thomas (1998). Olga Smirnitskaja. Die Adressatin von 100 Liebesbriefen von Johann Strauss. Tutzing. (in German).

51. Belobratov A. W. (2009). Joseph Roth in Russland und Russland bei Joseph Roth. In: *Reise in die Nachbarschaft. Zur Wirkungsgeschichte der deutschsprachigen Literatur aus der Bukowina und Galizien nach 1918. M. Müller und L. Cybenko (ed.)*. Wien, Berlin, Münster. P. 109–133. (in German).

52. van Dijk, Teun A. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague: Mouton Publishers, 1981. (in English)

53. Habermas J. (1987). *The theory of communicative action*. McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, V. 2. (in English)

54. Kaltenbrunner M. (2012). *Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die „Mühlviertler Hasenjagd“ Hintergründe, Folgen, Aufarbeitung*. Innsbruck; Vienna (in German)

55. Pfanner H. F. Dekadenz und Modernität: Lou Andreas-Salome in St. Peterburg und Wien. In: Belobratov A. V. (ed.) *Wien und St. Peterburg um die Jahrhundertwende (n): kulturelle Interferenzen: Vena i Sankt-Peterburg na rubezhax vekov: kul'turny'e interferencii. [Vienna and Saint Petersburg at the turn of the century: cultural interferences]*. Iss. 4/ Ipp. 457-467. St. Petersburg. (in Russian)

ИСТОЧНИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Гранин Д. А. Зубр. Л.: Советский писатель, 1987. <http://lib.ru/PROZA/GRANIN/zubr.txt>

Кубин А. Другая сторона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 208 с. Цит. по <https://litvek.com/book-read/194484-kniga-alfred-kubin-drugaya-storona-chitat-online?p=6>

Райхарт Э. Тени февраля. СПб, 2012

Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания: Истории, рассказы им самим, с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Дубровина Н. М., 2000. С. 188

Рот Йозеф. Ленинград. // Звезда. 2004. №9. С. 209-212

Roth J. Reise in Rußland. // Roth J. Werke in 6 Bdn. Bd.2. Das journalistische Werk 1924–1928 Von K. Westermann. Köln, 1990. S. 591–696. Roth J. Leningrad // Frankfurter Zeitung. 1928. 18.03/1928.

ВЫСТАВКИ

Кубин А. Выставка в Зальцбурге

<https://www.salzburgmuseum.at/ausstellungen/rueckblick/ausstellungen-seit-2015/alfred-kubin-spuren-in-salzburg/> 8 марта – 16 июня 2019

ФИЛЬМЫ

«Чокнутые» (1991, реж. А. Сурикова)

«Прощание с Петербургом» (1971, реж. Ян Фрид)

«Saudade Rendezvous in Brasilien» (2015, реж. Ulrike Halmschlager и Herbert Lindsberger) «Охота на зайцев. Трусость не заслуживает милосердия» (1994, реж. Андреас Грубер)

«Акция К» (1994, реж. Бернхард Бамбергер).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ *РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ*).

VASILEVA G.M., YANG HAIYAN
LINGUOCULTUROLOGICAL EDUCATIONAL DICTIONARY AS AN INSTRUMENT FOR DEVELOPING
PHILOLOGICAL COMPETENCE AMONG CHINESE STUDENTS (THROUGH THE EXAMPLE OF AN
EDUCATIONAL DICTIONARY OF THE NOMINATIVE FIELD MEMBER OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA).

Галина Михайловна Васильева

Доктор филологических наук, профессор,
профессор
► galinav44@mail.ru
РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.

Ян Хайянь

Магистр, преподаватель
► 18508264352@163.com
Университет Цзаочжуан, КНР
Провинция Шаньдун, г. Цзаочжуан, КНР

Galina Vasileva

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg
48 Moyka Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St.
Petersburg, 191186, Russia

Yang Haiyan

Zaozhuang University (Shandong, Zaozhuang, China)
Shandong, Zaozhuang, China

В статье обосновывается актуальность создания учебного словаря, отражающего основные характеристики лингвокультурного типажа *русский интеллигент*; приводятся основные параметры словаря: цель его создания, адресат, структура словарной статьи, связь зон словарной статьи с задачей формирования основных компонентов филологической компетенции иностранных студентов.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж *русский интеллигент*; учебный словарь; филологическая компетенция.

The object of attention in the article is the peripheral zones of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word and those units that fall into these zones, having passed as a rule the path of grammaticalization and/or pragmatization. In some cases the active elements of everyday speech do not find their place even in this peripheral zone, completely go beyond the scope of lexicographic fixation and can only be described as pragmatic markers, important in all applied aspects of linguistics.

Keywords: dictionary entry; lexical and grammatical characteristic; core and periphery; pragmatic marker; grammaticalization; pragmatization

При обучении русскому языку студентов-филологов возникает проблема формирования у них филологической компетенции. Определяя содержание и структуру этой компетенции, лингвисты и методисты опираются на исходное для нее понятие филологии. Общепринятые для российской науки трактовки филологии, содержащиеся в раз-

личных словарях, выводят ее за пределы собственно лингвистического знания и определяют как комплекс дисциплин различного характера. Междисциплинарность филологического знания, зафиксированная в дефинициях росроссийских лексикографических источников, прослеживается при сопоставлении российских словарей с другими национальными словарями. Так, например, можно сравнить определение филологии, зафиксированное в известном словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, где филология трактуется как *общее название дисциплин, изучающих язык, литературу и культуру данного народа преимущественно через посредство литературных и других культурно-исторических сочинений, и памятников* [Ахманова 1990], с определением, приведенным в словаре Кембриджского университета, где филология трактуется как *изучение языка, особенно его истории и развития* [Cambridge International Dictionary 1995].

В работах методической направленности, в том числе ориентированных на обучение иностранных студентов, филологическая компетенция также рассматривается как многокомпонентное, междисциплинарное понятие. Так, например, И.М. Комякова рассматривает филологическую компетенцию как *очень сложный лингводидактический феномен, который включает лингвистический, общегуманитарный и социокультурный компоненты* [Комякова 2016]. Практически все методисты, занимающиеся проблемой описания филологической компетенции, подчеркивают ее комплексность и многоаспектность, выделяя при этом в ее структуре от трех до двенадцати компонентов междисциплинарного характера. На наш взгляд, в содержании филологической компетенции, формируемой у иностранных студентов-филологов, целесообразно выделить следующие компоненты: *собственно-лингвистический, социокультурный, лингвокультурологический, сопоставительный и текстовый*.

Представляется, что формирование меж-

дисциплинарной филологической компетенции предполагает включение в содержание обучения иностранных студентов комплексных единиц, интегрирующих в своем содержании информацию из разных областей знания. На наш взгляд, в качестве такой единицы может выступать лингвокультурный типаж, имеющий значительный лингвистический, культурологический, социокультурный, текстовый и национально-культурный потенциал. Как известно, современные тенденции в методике обучения русскому языку иностранных студентов связаны с лингвокультурологическим подходом, в соответствии с которым обучение русскому языку не может быть эффективным без учета культурного многообразия мира, находящего отражения в языке, и прежде всего в его сложных, культурно маркированных единицах, к которым относятся культурный концепты, лингвокультурема, коннотативно нагруженная лексика, прецедентные явления и др. В последние годы в активный понятийный аппарат лингвокультурологии вошел феномен лингвокультурного типажа, определяемый как *узнаваемый образ представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества* [Карасик 2005]. К ведущим признакам лингвокультурного типажа исследователи относят *широкую узнаваемость, ассоциативность, хрестоматийность, знаковость (символичность), яркость, типичность, прецедентность* [Дмитриева, Мурзинова 2016].

Таким образом, поскольку концепция лингвокультурных типажей интегрирует данные не только лингвистики, но и других областей знания (социологии, культурологии, аксиологии, истории, лингвокультурологии и др.), необходимых для формирования филологической компетенции иностранных студентов, то данный феномен может быть использован при формировании содержания обучения русскому языку иностранных студентов-филологов.

В данной статье рассматривается формирование филологической компетенции китайских студентов на материале лингвокультурного типажа *русский интеллигент*, который является очень ярким и, по мнению многих исследовате-

лей, этноспецифичным типажом, знания о котором необходимы для глубокого проникновения в русскую культуру.

Для выявления уровня знаний китайских студентов-филологов о данном лингвокультурном типаже было проведено анкетирование, в котором приняли участие 50 студентов РГПУ им. А.И. Герцена. Анкета включала задание написать известные студентам имена русских интеллигентов и пояснить, что они знают о них [Ян Хайянь 2017]. Результаты анкетирования показали, что лингвокультурный типаж *русский интеллигент* относится к феноменам, о которых китайские студенты имеют не полностью сформированные представления. Некоторые студенты не смогли дать ответ на этот вопрос. Толкования, данные студентами понятию *русский интеллигент* (образованный; умный; тот, кто много знает; человек, который играет важную роль в государстве; министр; руководитель; чиновник; писатель; ученый; профессор и др.), демонстрируют, что в его содержание китайские студенты включают большей частью социальные характеристики, связанные с образованием и социальной позицией человека, но не отражают нравственно-этический компонент, исключительно важный для русской культуры. Характерным для сознания китайских студентов является уверенное отнесение государственных служащих и чиновников к интеллигенции. Ценностно-оценочные характеристики интеллигента являются для китайских студентов исключительно позитивными и не отражают противоречивой оценки, характерной для носителей русского языка. Прецедентный ряд, приведенный студентами, не полностью соответствует содержанию типажа (Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький, Ленин, Сталин, Гагарин, Путин, Лавров, Миллер, Шойгу, Плющенко и др.). К сожалению, студентами не были, например, названы имена Д. С. Лихачева, А. Д. Сахарова и других деятелей русской культуры и науки, являющихся для россиян символом интеллигентности.

Формирование всех составляющих филологической компетенции на базе феномена линг-

вокультурного типажа предполагает выделение, организацию и методическую интерпретацию различных материалов, соответствующих ее компонентам:

- *собственно-лингвистический* (семантический потенциал основных вербализаторов типажа (интеллигент, интеллигентный, интеллигенция), структура его номинативного поля; системные лексические связи парадигматического характера (отношения близкочуждочности (интеллигент/интеллектуал) и словообразовательный потенциал, а также устойчивая лексическая сочетаемость основных вербализаторов типажа);

- *социокультурный* (основные исторические, социально и нравственно-обусловленные характеристики типажа, типичные для сознания носителей русского языка);

- *лингвокультурологический* (культурные коннотации, ассоциативный и ценностно-оценочный потенциал лексических репрезентантов лингвокультурного типажа *русский интеллигент*, культурные концепты);

- *сопоставительный* (асимметричные илакунарные явления на уровне семантики основных вербализаторов типажа и их системных отношений, а также на уровне основных социальных и нравственных характеристик типажа);

- *текстовый* (лингвистический и культурно-информативный потенциал контекстов, отражающих понятийный, образный и ценностно-оценочный потенциал лингвокультурного типажа *русский интеллигент*).

Весь этот многоаспектный материал призван организовать учебный словарь номинативного поля лингвокультурного типажа *русский интеллигент*, который должен включать информацию, необходимую для формирования всех компонентов филологической компетенции китайских студентов.

Актуальный материал для формирования собственно лингвистической составляющей филологической компетенции содержится в толковых словарях русского языка, включающих лексемы *интеллигент* и *интеллигенция* [Васильева, Ян Хайянь 2017]. Лексема *интеллигент* в этих словарях имеет до трех значений: образованный

человек, профессионально занимающийся умственным трудом; воспитанный человек, характеризующийся внутренней культурой; человек, чье социальное поведение отличается безволием, бездействием, сомнениями (обычно с оттенком порицания или презрительности)

Лексема *интеллигент* (知识分子) получает следующие определения в толковых словарях китайского языка: человек, который имеет высокий уровень образования, занимается умственным трудом; человек, принадлежащий к категории людей, играющих роль моста между классами, большей частью связанных с рабочим классом и являющихся опорной силой Коммунистической партии.

В результате можно отметить, что семантический объем лексемы *интеллигент*

(知识分子) в китайском языке практически совпадает с содержанием лексемы *интеллектуал* в русском языке, при этом в нем отсутствуют очень важные для русской культуры компоненты: культура поведения, высокая нравственность, обостренное чувство долга и чести, колебания, безволие. Семантический компонент идеологического характера, зафиксированный в лексеме 知识分子, отсутствует в современных толковых словарях русского языка.

Толковые словари содержат не только информацию понятийного плана, но и ценностно-оценочного характера. Так, в семантическом объеме рассматриваемой лексемы в русском языке сосуществуют компоненты не только с позитивной, но и с негативной оценочностью, сопровождающиеся пометами «неодобрительно», «презрительно». Принципиально важным является то, что корреспондирующая лексема в китайском языке не содержит отрицательных оценок, поэтому китайскими студентами с трудом воспринимаются словосочетания типа «мягкотелый интеллигент», «гнилая интеллигенция» и др.

Общее и различное в отношении к интеллигенции в русской и китайской лингвокультурах проявляется и на уровне языкового сознания. Материалы «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова, а также дан-

ные свободных ассоциативных экспериментов, проведенных нами среди китайских и русских студентов [Ян Хайянь 2018], позволяют сделать следующие общие выводы: самые значительные направления ассоциирования у китайских студентов связаны с внешностью интеллигентного человека, родом его деятельности, социальной и общественной позицией, статусом, а у русских студентов – с умственными способностями, нравственным обликом, внешностью, воспитанностью.

Поскольку важнейшие характеристики лингвокультурного типажа *русский интеллигент*, находящие отражение в языке и языковом сознании носителей языка, играют важную роль при формировании филологической компетенции иностранных студентов, в качестве актуального средства обучения может выступить учебный лингвокультурологический словарь номинативного поля *русский интеллигент*, интегрирующий эти и другие культуроинформативные данные.

Разработанный словарь состоит из четырех тематических разделов. Первый раздел включает центральные лексемы номинативного поля *интеллигент/интеллигенция*, их словообразовательные варианты и типичные словосочетания. Второй раздел содержит центральные лексемы номинативного поля *интеллектуал/интеллектуал*. Третий раздел состоит из *стереотипных характеристик интеллигенции, существующих в языковом сознании носителей русского языка* (толкования основных ассоциативных реакций, зафиксированных в «Русском ассоциативном словаре» од ред. Ю. Н. Караулова (РАС) и ассоциативных экспериментах). В четвертый раздел включены *стереотипные характеристики интеллигенции, выявленные по данным контекстов различного характера* (толкования наиболее частотных словосочетаний из материалов Национального корпуса русского языка, иллюстративного материала, включенного в системные словари, исследований лингвокультурологического характера).

Для словаря была разработана следующая многокомпонентная структура словарной

статьи: 1. Заголовочное слово (грамматические, стилистические пометы, ударение). 2. Расширенное толкование, включающее информацию о понятийной, образной и ценностной составляющих номинаций лингвокультурного типажа *русский интеллигент*. 3. Перевод на китайский язык. 4. Словообразовательные варианты (по данным словообразовательного словаря русского языка). 5. Сочетаемость (по данным словаря сочетаемости). 6. Ассоциативный потенциал (по данным РАС и ассоциативных экспериментов). 7. Обобщенная оценка (с использованием шкалы обобщенной оценки, разработанной в трудах Г. Н. Скляревской: (+), (-), (+/-), (-/+), ( ) . 8. Примеры употребления, отражающие не только понятийное содержание типажа, зафиксированное системными словарями, но и те характеристики, которые нашли отражение в ассоциативном поле, лингвокультурологических исследованиях и текстовом материале.

Приведем пример словарной статьи, входящей в первый раздел словаря.

1. Интеллигент – а, м. 知识分子. 1. Образованный человек, принадлежащий к социальной группе лиц, занимающихся преимущественно умственным и творческим трудом. 2. Воспитанный, культурный человек. 3. Человек, отличающийся высотой нравственных устремлений, обостренным чувством совести, долга и чести. 4. (разговорное) Человек, чье социальное поведение отличается безволием, бездействием, сомнениями (обычно с оттенком порицания или презрительности). 1. 受过良好教育，从事脑力及创造性工作的社会群。 2. 有修养有文化的。 3. 具有高度的精神追求，强烈的道德感、责任感及荣誉感的人。 4. 优柔寡断，无所作为，持怀疑态度的人（常带有谴责和蔑视。

Словообразование: интеллигенция, интеллигентка (ж.р.), интеллигентно, интеллигентность, интеллигентный, интеллигентски, интеллигентский, интеллигентство, интеллигентщина (-), интеллигентик (уничиж.) (-), интеллигентиска (уничиж.) (-).

Сочетаемость: настоящий интеллигент (+), типичный интеллигент, истинный интел-

лигент (+); городской интеллигент, сельский интеллигент, русский интеллигент; мягкотелый интеллигент (-), гнилой интеллигент (-); интеллигент в третьем поколении.

Ассоциации: человек, умный, ум, ученый, мудрый, образованный, воспитание, культура, библиотека, утонченность, высокоморальный, начитанный, российский, очки, костюм, галстук, студент, профессор, нищий, забитый, наука, дипломат, театр, Чехов, Лихачев, Сахаров, Познер, Довлатов.

Оценка (+/-).

Употребление: Интеллигент вполне может не заниматься умственным трудом профессионально (Д. С. Лихачев). Интеллигент – это человек, несущий в себе больше хороших качеств, чем только воспитанный, и несет их глубже, чем только образованный (М. Кузин). Сказать бы честно: «Мне это не подходит», но, очевидно, я все-таки интеллигент» (С. Довлатов). Интеллигент – бездомный скиталец, не имеющий в багаже своем ничего, кроме идей, кроме разгоряченной головы, кроме мировых вопросов, тревог (В. В. Розанов). К интеллигентам нельзя отнести Державина – слишком он зависел от власти (Д. С. Лихачев). Гайдай менял образы: тихий интеллигент Шурик превращался в человека, способного на волевые поступки (М. Шимадина). Это был довольно затюканный интеллигентик (М. М. Зощенко). Про Юрьева в прежние времена сказали бы: вшивый интеллигент – худой, осторожный, в больших очках, всегда безупречно одетый и причесанный, невероятно воспитанный (А. Белозеров).

Различные зоны словарной статьи ориентированы на формирование различных составляющих филологической компетенции: собственно-лингвистической (зоны 1, 2, 3, 5), социокультурной (2, 8), лингвокультурологической (6, 7), сопоставительной (3), текстовой (8).

Таким образом, учебная лексикографическая интерпретация лингвокультурного типажа *русский интеллигент*, включающая собственно-лингвистический, социокультурный, лингвокультурологический, сопоставительный и текстовый аспекты, отражает междисципли-

нарный характер филологического знания, позволяющий осуществить пошаговый переход от слова к тексту и будет способствовать оптимизации процесса обучения китайских студентов-филологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е издание. - М.: 2004. - 571 с.

2. Дмитриева О. А., Мурзинова И. А. Теория лингвокультурных типажей. Учебное пособие. - М.: Издательские решения, 2016. - 150 с.

3. Васильева Г. М., Ян Хайянь. Лексема *интеллигент* в толковых словарях русского и китайского языков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. - СПб., 2017. - № 184. - С. 44-50.

4. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр./ Под ред. В. И. Карасика. - Волгоград: Парадигма, 2005. - С. 25-60.

5. Комякова И. М. Подходы к определению филологической компетенции как неотъемлемой части профессиональной компетентности учителя иностранного языка // Гуманитарные и социальные науки. Журнал Сибирского Федерального Университета. 2016, № 9. - С. 229-233.

6. Ян Хайянь. Русские лингвокультурные типажи в сознании китайских студентов-филологов // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2017. № 3 (64). - С. 385-388.

7. Ян Хайянь. Ассоциативный потенциал лексем интеллигент и интеллигенция в содержании обучения русскому языку китайских студентов-филологов // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2018. № 3 (70). - С. 163-166.

8. Cambridge International Dictionary, by the Cambridge University Press. 1995.

REFERENCES

1. Ahmanova O. S. (2004) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 2-e izdanie. M. (in Russian)

2. Dmitrieva O. A., Murzinova I. A. (2016) Teoriya lingvokul'turnykh tipazhej. Uchebnoe posobie [The theory of linguocultural types. Tutorial]. M, 150 p. (in Russian)

3. Vasil'eva G. M., Yan Hajyan' (2017) Leksema intelligent v tolkovykh slovaryah russkogo i kitajskogo yazykov [Lexeme intellectual in explanatory dictionaries of Russian and Chinese languages]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], no. 184, pp. 44-50. (in Russian)

4. Karasik V. I. (2005) Lingvokul'turnyj tipazh «russkij

intelligent» [Linguocultural type "Russian intellectual"]. In: V. I. Karasik ed. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi]. Volgograd. pp. 25-60. (in Russian)

5. Komyakova I. M. (2016) Podhody k opredeleniyu filologicheskoy kompetencii kak neot'emlemy chasti professional'noj kompetentnosti uchitelya inostrannogo yazyka [Approaches to defining philological competence as an integral part of the professional competence of a foreign language teacher]. In: *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences], no. 9, pp. 229-233. (in Russian)

6. Yan Hajyan'. (2017) Russkie lingvokul'turnye tipazhi v soznanii kitajskih studentov-filologov [Russian linguocultural types in the minds of Chinese students of philology]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], no. 3 (64), pp. 385-388. (in Russian)

7. Yan Hajyan'. (2018) Associativnyj potencial leksem intelligent i intelligenciya v soderzhanii obucheniya russkomu yazyku kitajskih studentov-filologov [The associative potential of lexemes intellectual and intelligentsia in the content of teaching the Russian language to Chinese students of philology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], no. 3 (70), pp. 163-166. (in Russian)

8. Cambridge International Dictionary (1995) by the Cambridge University Press. (in English)

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ И РАЙСКИЕ КУЩИ: ОБРАЗ КАПРИ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»

YANA A. GONCHAROVA

THE GOLDEN CALF AND THE PARADISE:

IMAGE OF CAPRI IN THE STORY THE GENTLEMAN FROM SAN FRANCISCO BY IVAN BUNIN

**Яна Александровна
Гончарова**

аспирант

Университет Кампании «Луиджи
Ванвителли», Италия

► yana.goncharova@unicampania.it

Via Roma, vico III, casa 2,
Santa Maria Capua Vetere (CE), 81055

Yana A. Goncharova

Università degli Studi della
Campania "Luigi Vanvitelli", Italia

Via Roma, vico III, casa 2,
Santa Maria Capua Vetere (CE), 81055

Аннотация: В данной статье анализируется образ Капри в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». При помощи методов компаративистики, мотивно-образного анализа текстов и «культурологического» литературоведения, с учетом культурно-исторического контекста были выявлены основные компоненты «мифа о Капри» в русской культуре рубежа XIX-XX вв., отмечены процессы его трансформации и деконструкции, проанализированы истоки и функциональная роль основных мотивно-образных комплексов в структуре рассматриваемого рассказа (мотивы смерти, путешествия, театра, обретения рая, дихотомия христианства и язычества и т.д.), а также их место в парадигме феномена русского литературного Капри.

Ключевые слова: миф о Капри; образ; мотив; И. А. Бунин; «Господин из Сан-Франциско».

Abstract: This article analyzes the image of Capri in the story The Gentleman from San Francisco by Ivan Bunin. Using methods of comparative studies, motive and image text analysis and cultural studies of literature and taking into account historical and cultural context, the main elements of the myth about Capri are identified in Russian culture on the cusp of the 19th and 20th centuries. What is more, the process of myth transformation and deconstruction is demonstrated; the origins and the function of the main motive and image units within the story structure are analyzed, such as motives of death, travelling, theatre, paradise, dichotomy of Christianity and paganism, as well as the way they influence the paradigm of phenomenon of Capri in Russian literature.

Key words: myth about Capri; image; motive; Ivan Bunin; The Gentleman from San Francisco

Судьба и творчество И. А. Бунина неразрывно связаны с Италией и особенно с Капри: писатель подолгу жил на острове, провел там весну 1909 и 1910 гг., свои «итальянские» зимы с 1911 по 1914 гг., был частым гостем на вилле у М. Горького, а «каприйские» периоды в творчестве И. А. Бунина признаны одними из самых плодотворных [Рицци 2019: 131-133]. Сам он отмечал, что к напряженной литературной работе «располагает тамошняя жизнь», а на острове «много уюта, простоты, нет су-

толоки, шума» [Кара-Мурза 2016]. Образ острова возникает в нескольких произведениях И. А. Бунина, первое и «главнейшее» из которых – рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915).

Данная статья посвящена анализу острова Капри в рассказе И. А. Бунина с позиций компаративистики, мотивно-образного анализа текстов и методов «культурологического» литературоведения, а также с учетом уже сложившегося на рубеже XIX-XX вв. «мифа о Капри», произрастающего из поэтики романтизма. Его константами на протяжении XIX в. оставались мифологемы «рай на земле», «остров любви и невинных наслаждений», «недостижимый остров-тайна», после чего поэтами-декадентами был совершен своеобразный «переворот», сопровождавшийся ломкой и трансформацией этих мифологем, исходя уже из новой, символистской поэтики. Процесс демифологизации образа Капри, вышедший далеко за рамки декадентской поэзии, именно у И. А. Бунина достигает кульминационной точки, после которой мы можем констатировать «перезагрузку» мифа о Капри, начало нового этапа его развития уже на материалах современной литературы.

Не погружаясь в анатомическое препарирование поэтики рассказа, отметим ключевую деталь – изначально название рассказа звучало как «Смерть на Капри», и именно мотив смерти наряду с мотивом путешествия являются центральными и смыслообразующими для всего рассказа. Признавая безусловный символизм смерти безымянного господина на Капри, исследователи склонны интерпретировать ее по-разному: как предвестие грядущего упадка европейской цивилизации [Крюкова 2007: 26], реализацию библейской парадигмы «ветхого» и «нового» человека, в которой «ветхий» человек априори обречен на гибель [Thiegren 2005: 200], или необходимый элемент внутренней структуры текста, обусловленный уже самой моральной семантикой архетипа «остров». В связи с этой версией уместно вспомнить и известную картину «Остров мертвых» (1883 г.) швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина, ставшую особенно популярной в XX в. – она (хотя изображенный остров традиционно связывают с Искьей,

а не с Капри) наряду с романами «Смерть в Венеции» Томаса Манна и «Имярек» Гуго фон Гофмансталя могла послужить претекстами рассказа, а стало быть, и возможными источниками мотива смерти, укорененного И. А. Буниным на каприйской почве [Thiegren 2005: 200]. Признавая право на существование всех перечисленных выше точек зрения, подчеркнем, что процессы, наблюдаемые нами в рассказе, – это не просто отступление от клише в изображении Капри, как отмечалось исследователями, а сознательно бросаемый вызов сложившейся традиции, тотальная профанация эдемского мифа и рекреация «нового» Капри в бунинской персональной мифологии Италии. Такой вывод нам позволяют сделать ведущие для рассказа мотивы «осени жизни» и смерти, помещенные в контекст «мертвого» Капри, «оживающего» с лучами утреннего солнца после избавления от господина из Сан-Франциско, с учетом того, что в прецедентной литературе Капри преимущественно ассоциировался с «островом блаженства» и «земным Элизиумом». Моральная семантика в описании Капри сквозит даже в выборе времени суток и «цветовом решении»: «уже в сумерках, стал надвигаться своей чернотой остров, точно насквозь просверленный у подножья красными огоньками» [Бунин 1973: 302]. Таким образом, Капри не только утрачивает черты земного рая, но превращается в преисподнюю.

Особую важность в рассказе представляет и реализация дихотомии «языческое»/«христианское». В связи с постоянным столкновением языческого прошлого и христианского настоящего в культурном пространстве Капри во внутренней структуре образа острова изначально, на архетипическом уровне, заложено особое внутреннее напряжение. В рассказе И. А. Бунина эта пружина идейно-цивилизационного конфликта острова с самим собой натянута до предела, антиномия выражена ярко и без полутонов: ночь и буря, которую преодолевает корабль, ассоциируются с хтонической тьмой, капитан корабля дважды сравнивается с языческим идолом, язычником-гедонистом является и сам господин из Сан-Франциско, ищущий в Италии, «духовной родине человечества», исключительно плотских наслаждений:

«Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Он, как всякий испытывший качку, только очень хотел есть, с наслаждением мечтал о первой ложке супа, о первом глотке вина и совершал привычное дело туалета даже в некотором возбуждении, не оставившем времени для чувств и размышлений» [Бунин 1973: 305].

И даже когда речь идет, казалось бы, о соприкосновении с культурным наследием и историей Авзонии, господин из Сан-Франциско все равно демонстрирует то, что сегодня мы бы назвали туристическим консьюмеризмом:

«Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный. В декабре и январе он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячих певцов и тем, что люди в его годы чувствуют особенно тонко, – любовью молоденьких неаполитанок, пусть даже и не совсем бескорыстной...» [Бунин 1973: 296].

В то же время утро на Капри, напоенное светом, носит недвусмысленную семантику возрождения, спасения (вспомнив новозаветное «Последний же враг истребится – смерть»), в отличие от холодной ночи и атлантической вьюги, а мертвому «языческому идолу» противопоставлен один из главных христианских образов – статуя Мадонны в гроте горы Монте-Соляро, словно оживающая при первых лучах солнца. Спускающиеся с горы абруцкие горцы становятся свидетелями и глашатаями этой снизошедшей на остров после смерти господина из Сан-Франциско благодати, именно им принадлежит этот горный Иерусалим, прошедший очищение смертью: «целая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простиралась под ними: и каменистые горбы острова, который почти весь лежал у их ног, и та сказочная синева, в которой плавал он, и сияющие утренние пары над морем к востоку, под ослепительным солнцем, которое уже жарко грело, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по-утреннему зыбкие массивы Италии, ее близких и далеких гор» [Бунин 1973: 311].

Еще один аспект, которого мы хотели бы коснуться в рамках данного исследования, – образ Капри как театральных подмостков. Приведем цитату:

«Застучали по маленькой, точно оперной площади, над которой качался от влажного ветра электрический шар, их <каприйских баб> деревянные ножные скамеечки, по-птичьему зашвистала и закувыркалась через голову орава мальчишек – и как по сцене пошел среди них господин из Сан-Франциско к какой-то средневековой арке под слитыми в одно домами, за которой покато вела к сияющему впереди подъезду отеля звонкая улочка с вихром пальмы над плоскими крышами налево и синими звездами на черном небе вверху, впереди. И все было похоже на то, что это в честь гостей из Сан-Франциско ожил каменный сырой городок на скалистом островке в Средиземном море, что это они сделали таким счастливым и радушным хозяина отеля, что только их ждал китайский гонг, завывавший по всем этажам сбор к обеду, едва вступили они в вестибюль» [Бунин 1973: 303].

Этот мотив, ранее в связи с Капри не появлявшийся, нередко звучит в других произведениях итальянского текста того периода. Например, у А. А. Блока в «Итальянских впечатлениях» флорентийские улочки становятся декорациями мрачного спектакля – похоронной процессии, которую, отметим, видит только сам повествователь, в то время как для жителей Флоренции это лицедейство людей-масок остается «невидимым»: «Но уже ни одна волна из нового прилива гуляющих офицеров, дам, проституток, торговцев не подозревает, что предыдущие волны пронесли танцующим галопом и выкинули на этот помост повозку с мертвецом». [Блок 1962: 389].

Театральность Италии у И. А. Бунина выражена эксплицитно, «в лоб»: «по маленькой, точно оперной площади», «как по сцене пошел среди них господин из Сан-Франциско» [Бунин 1973: 303] (выделено нами, Я. Г.). Та же театральность происходящего присутствует и у А. А. Блока, зашифрованная более тонко, в образе-символе масок, что, в свою очередь,

не может не вызывать закономерных ассоциаций с венецианской маской и с комедией дель арте. Инварианты мотивно-образных кластеров «маска» и «театр» находим в пьесе «Балаганчик», стихотворениях «Двойник», «В час, когда пьянеют нарциссы...» А. А. Блока, в поэме «Без героя» А. А. Ахматовой, где действуют люди-маски, в живописи К. А. Сомова, Н. Н. Сапунова, С. Ю. Судейкина, где всячески обыгрывается образ Арлекина и т. д. Рискнем предположить, что мотив «Италия как театр», произрастающий из венецианского комплекса театральных мотивов, актуализируется в итальянском тексте рубежа XIX-XX вв. благодаря ключевым архетипам Серебряного века и уже оттуда переносится И. А. Буниним в «миф о Капри».

В заключение еще раз артикулируем важный «поворот» бунинского «мифа о Капри», а именно, появление в его парадигме ни у кого до этого столь резко не обозначавшейся диалектики: жизнь и смерть, христианство и язычество, внешняя пустота и внутренняя наполненность, жажда плотских удовольствий и отказ от мирского, стремление в земной рай и бегство из рая. Развитие и трансформацию этих каприйских мотивов мы сможем наблюдать на материалах произведений XXI в., в первую очередь, в сборнике «Очарованный остров (Новые сказки об Италии)» 2014 г., анализ которого служит темой нашего отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Молнии искусства. Итальянские впечатления // Собрание сочинений. Т.5: проза 1903-1917. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 385-406.
2. Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско // Стихотворения. Рассказы. Повести. М.: Художественная литература, 1973. С. 295-313.
3. Кара-Мурза А. А. Знаменитые русские о Неаполе [Электронный ресурс] // Издательство Ольги Морозовой, 2016. URL: <https://mybook.ru/author/aleksej-kara-murza/znamenitye-russkie-o-neapole/> (дата обращения: 19.02.2020).
4. Крюкова О. С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века: дис. ... д-р. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2007. С. 26.
5. Рицци Д. Иван Бунин // Русское присутствие в Италии в первой половине XX в.: энцикл. М.: РОССПЕН, 2019. С. 131-133.

6. Thiegren P. Ivan Bunin: "La morte a Capri" // Capri: mito e realtà nelle culture dell'Europa centrale e orientale, a c. di M. Böhmig, Salerno-Napoli, 2005. P. 200.

REFERENCES

1. Blok A. A. (1962) Molnii iskusstva. Ital'ianskie vpechatleniia [The Lightnings of the Art. Italian Impressions]. In: *Sobranie sochinenii. Tom 5: proza 1903-1917 [Collected Works. Volume 5: prose 1903-1917]*. Moscow-Leningrad, pp. 385-406. (in Russian)
2. Bunin I. A. (1973) Gospodin iz San-Frantsisko [The Gentleman from San Francisco]. In: *Stikhotvoreniia. Rasskazy. Povesti [Poems, Stories, Short Novels]*. Moscow, pp. 295-313. (in Russian)
3. Kara-Murza A. A. (2016) Znamenitye russkie o Neapole [Famous Russians about Naples]. In: *Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi [Olga Morozov's Publishing House]*. URL: <https://mybook.ru/author/aleksej-kara-murza/znamenitye-russkie-o-neapole/> (Access Date: 19.02.2020). (in Russian)
4. Kriukova O. S. (2007) *Arkhetipicheskii obraz Italii v russkoi literature XIX veka [The Archetype Image of Italy in Russian Literature of the 19th century]* (Candidate's thesis, Philology), Moscow State University, Moscow. (in Russian)
5. Rizzi D. (2019) Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In: *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka. Entsiklopedia [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th century]*, Moscow, pp. 131-133. (in Russian)
6. Thiegren P. Ivan Bunin: "La morte a Capri". In: *Capri: mito e realtà nelle culture dell'Europa centrale e orientale, a c. di M. Böhmig, Salerno-Napoli, 2005. P. 200. (in Italian)*

«ТОЛЬКО ПРАВЕДНЫЕ ПРАВЫ»: «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И.А. ТУРГЕНЕВА И «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК» И.А. БУНИНА КАК КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

NATALIA V. PRASHCHERUK

«ONLY RIGHTEOUS ARE RIGHT»: TURGENEV'S «A HOUSE OF GENTLEFOLK» AND NUNIN'S «PURE MONDAY» AS KEY TEXTS OF THE RUSSIAN CULTURE

**Наталья Викторовна
Пращерук**

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы,

► pnv1108@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина

620075, Россия, г. Екатеринбург,
пр. Ленина, 51.

Natalia V. Prashcheruk

Association of Linguistic
Experts «Argument» (Maykop)

Ural Federal University named
after the first President
of Russia B.N. Yeltsin

В статье «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева и «Чистый понедельник» И. А. Бунина исследуются в их интертекстуальном взаимодействии. В романе и рассказе – с учетом жанровой специфики – выявляются прямые текстовые переклички, сюжетное и персонажное сходство, а также целый ряд сходжений в сфере именования и символике. Проанализированы Богородичный сюжет, ключевой мотив тишины и другие составляющие художественных миров романа и рассказа, формирующие их символическое содержание. В интертекстуальном соотношении произведений уточняется оригинальность позиции каждого из художников, что связано не только с характером культурной эпохи, которую они представляют, но и с их творческой индивидуальностью. Показывается, что для Бунина в период написания рассказа (1944) тургеневский роман стал самым созвучным произведением из прошлого, открывающим сокровенные глубины национального космоса. Проведенное сопоставление не только демонстрирует замечательное «продолжение жизни» «Дворянского гнезда» в одном из лучших произведений литературы XX века, но и раскрывает масштабность и особое значение этих произведений как ключевых текстов русской культуры. Это значение не исчерпывается ни временем, ни историческими обстоятельствами, а обращено к тому, что составляет основу русского мира, определяет его жизнеспособность и жизнестойкость.

Ключевые слова: Тургенев; Бунин; «Дворянское гнездо»; «Чистый понедельник»; роман; рассказ; сюжет; символика; духовный выбор; русская культура.

The following article features a study of a case of intertextuality between Turgenev's «A house of gentlefolk» and Bunin's «Pure Monday». In both novel and story some similarities of plot and characters as well as symbols and names are detected. Virgin lady – plot, key motif of silence and other components of artistic worlds of novel and story, forming their symbolic filling are analysed. Intertextual comparison of both works highlights the originality of each writer's position, which not only relates to nature of cultural age that they portray but to their creative identity too. It is shown that for Bunin in the period of writing the story Turgenev's novel became the most attuned book from the past, unveiling intimate depths of national space. The comparison not only presents a remarkable «life extension» of «A house of gentlefolk» in one of the best pieces of twentieth century's literature but also unveils a scale and a special importance of these works as the key texts of the Russian culture. This importance is worn out by neither time nor historical circumstances and is related to what forms the basis of the Russian world, defines its viability and resilience.

Keywords: Turgenev; Bunin; «A house of gentlefolk»; «Pure Monday»; novel; story.

«Только праведные правы». Так называлась духовная кантата чудака Лемма, которую он посвятил Лизе Калитиной: «Слова этой кантаты были им заимствованы из собрания псалмов; некоторые стихи он сам присочинил. Ее пели два хора -- хор счастливых и хор несчастливцев; оба они к концу примирились и пели вместе: «Боже милостивый, помилуй нас, грешных, и отжени от нас всякие лукавые мысля и земные надежды». На заглавном листе, весьма тщательно написанном и даже разрисованном, стояло: «Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена девице Елизавете Калитиной, моей любезной ученице, ее учителем, Х. Т. Г. Леммом»» [Тургенев, т. 7: 140]. Слово символическое пророчество о ее судьбе, а также о судьбе героини бунинского рассказа «Чистый понедельник», который, если воспользоваться метафорой Ю. М. Лотмана, является во многом «переписанным» «Дворянским гнездом» [Лотман 1993].

Известны попытки сопоставления этих двух произведений, вполне соотносимых по глубине проблематики и уровню ее художественного воплощения [Курляндская 2001: 190-196; Пращерук 2016: 84-118]. Вместе с тем очевидно то, что далеко не исчерпан потенциал понимания тургеневского романа и бунинского рассказа, рассмотренных именно в диалоге, дающем возможность обнаружить самые неожиданные переключки и смысловые приращения, выводящем в самые неожиданные контексты размышлений.

Обратимся поначалу к очевидным текстovým переключкам.

Тургенев: «Весенний светлый день клонился к вечеру...» [Тургенев, т. 7: 125] (далее короткая пейзажная зарисовка и знакомство с героями).	Бунин: «Темнел московский серый зимний день...» [Бунин, 1965-67, т. 7: 238] (следует городской пейзаж и далее – рассказ героя).
--	--

Финалы:

Роман Тургенева завершается послесловием к эпилогу, в котором автор рассказывает о последней встрече Лаврецкого с Лизой в отдален-	У Бунина рассказ завершается тоже последней встречей героев, но встречей случайной, случайность символическая и значима. Герой встреча-
--	---

ном монастыре: «Говорят, Лаврецкий посетил тот отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел ее. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смирненной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонилась она свое исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать – и пройти мимо» [Там же: 294].

ет возлюбленную в церкви Мариинской обители среди идущих мимо «инокинь и сестер» – в белых одеждах: «Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загордив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот» [Там же: 251].

Кольцевая, обрамляющая все произведение переключка начальных пространственных зарисовок и завершающих эпизодов очевидна. Это знак прямой отсылки Бунина к роману своего предшественника. Повествование же, в отличие от «Дворянского гнезда», отдано личному повествователю, исповедальный тон которого включает игру в объективность, исполнен личной боли и драматизма. Это, конечно, обусловлено, в том числе, и спецификой жанра. Тургеневский роман – большое эпическое полотно о России, русском мире, его ценностях и традициях, об обретении / необретении гнезда как основы личного существования. Поэтика и смысловая наполненность произведения выстраиваются во многом по законам «усадебного текста» со всей его конкретно-образной и символической атрибутикой. «Усадьба... понятие... происходящее от слова «усаживать», садить, насадить. (...) Так и садился русский человек – кто на стол княжеский, – на княжение, кто устраивался и обживался в усадьбах и усадах, словно дерево, пуская глубокие корни в землю... питаюсь ее соками и дарами, ее красотой, и сердцем вбирая в себя ее богослепный лик, начиная и лицом своим походить

на образ родины. И это вовсе не мистика (...) Брак с родной землей взаимно преображает и человека, и природу» [Домбровская 2017: 97-98]. Именно это переживает Лаврецкий, возвратившись на Родину. Тема родного, причастности / непричастности к нему проведена через весь роман и раскрывается во многом через настойчивое обращение к мотиву и образам тишины, обретающим в романе значение национального символа. Практически все герои, так или иначе связанные с родной почвой, родной землей, «проходят испытание тишиной», отмечены объединяющим их признаком *тихого* – внешности, характера, существования, поведения и др.: «тихое и доброе существо» Маланья с «тихим голоском» и «тихой улыбкой»; Агафья, которая «пятнадцать лет ... провела тихо, смиренно, степенно»; ««тишайший и христианнейший» (Б. Зайцев) образ Лизы: «тихое движение Лизиних глаз», «тихая внутренняя жизнь», «и точно у нее на душе тише стало», «тихая заботливость» и др. Во время важного разговора Лизы и Лаврецкого на рыбалке всё вокруг напоено тишиной: ««Красноватый высокий камыш тихо шелестил вокруг них, впереди тихо сияла неподвижная вода, и разговор у них шел тихий» [Тургенев, т.7: 188], а возвращение в Васильевское совершается майской ночью, которая «была тиха и ласкова» [Там же: 189]. Наконец, кульминацией в разворачивании мотива *тишины* становится XX-ая глава, в которой переживание окружающей *тишины* напрямую соотносится с чувством родины: «...тишина обнимает его со всех сторон, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывут по нем; кажется, они знают, куда и зачем они плывут. В то самое время в других местах на земле кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам; и до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и -- странное дело! -- никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины» [Там же: 189-190].

В «Чистом понедельнике» всё иначе: герои живут в пространстве, густо «населенном» реальными лицами – писателями, артистами, деятеля-

ми культуры. Это Москва эпохи модерна, рубежа, странный в своей раздвоенности город, сочетающий в себе «запад» и «восток», «играющий» ликами двух культурных укладов, устремленный одновременно в допетровскую Русь и катастрофическое завтра. Город, блистательно продолженный личностью героини, завораживающей совмещенностью в ней несовместимых черт и качеств, жизненных привычек и особенностей характера. Героиня «Чистого понедельника» пребывает в «сумеречной» атмосфере зыбких ориентиров, ведет, на первый взгляд, жизнь, характерную для представительницы состоятельного интеллигентского слоя, с ее утонченным эротизмом, причудами и обязательным «потреблением» разнообразной интеллектуальной и культурной «продукции». Однако по своим психологическим качествам героиня «Чистого понедельника» оправданно претендует на лидерство. Можно сказать, что в любовном сюжете Бунин по-своему реализует схему отношений героев тургеневского «Дворянского гнезда», акцентируя, как и его предшественник, ведущую роль героини. Подобно Лизе, она обладает большей внутренней значительностью, живет в своем собственном мире, в который герой допущен лишь отчасти. Героиня «Чистого понедельника» выбирает свой путь сама. Вообще при всей ее страстности, непредсказуемости, странности поведения очень силен и значителен именно сознательный элемент. Правда, внутренняя работа, подготовившая ее выбор, в основном, скрыта от героя (и от читателя). Однако, «уходя» в подтекст, она придает героине особое обаяние и значительность. Показательно и то, что, когда рассказчик вспоминает о событиях, предшествующих выбору героини, он (случайно ли?) акцентирует их особым переживанием неожиданно приблизившейся тишины как знака чего-то очень важного, сущностного, поворотного, глубокого: «Глаза ее были ласковы и тихи» [Бунин 1965-67, т. 7: 243]; «Вечер был мирный, солнечный...» [Там же: 244]; «Скрепя в тишине по снегу, мы вошли в ворота...» [Там же: 244]. Описывая свои скитания по Москве и посещение Марфо-Мариинской обители спустя почти два года, герой передает сходные переживания: «В четырнадцатом году, под

Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный» [Там же: 250]; «... стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней» [Там же: 250]. И уже, подобно Лаврецкому, который «тихо встал и тихо удалился», герой (заключительная строчка!) «повернулся и тихо вышел из ворот». И это *тихо* в контексте сопоставления читается по-особому, как открывшаяся для бунинского героя возможность стать причастным основам русского мира, преобразиться в приемника *тишины*.

Очевидным и особым образом «присутствует» в рассказе и ведущая тургеневская тема – суетности стремлений человека к личному счастью, невозможности его достижения, она даже непосредственно явлена в свернутом виде в одном из диалогов персонажей. В нем Бунин предельно сближает позицию своего героя с точкой зрения Лаврецкого, которую тот высказывает в разговоре с Лизой. Для них счастье и взаимная любовь – это одно, и они полны надежд на счастье:

Тургенев:

«– Слушайтесь вашего сердца, –...перебил ее Лаврецкий... Не отнимайте у себя лучшего, единственного счастья на земле.
– Мне кажется, Федор Иванович, – произнесла, понизив голос, Лиза (когда она не соглашалась с собеседником, она всегда понижала голос...), – счастье на земле зависит не от нас» [Тургенев, т. 7: 221].

Бунин:

«– ...Кто же знает, что такое любовь?
– Я, я знаю! – воскликнул я.
– И буду ждать, когда и вы узнаете, что такое любовь, счастье!
– Счастье, счастье... “Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету”» [Бунин, 1965-67, т.7: 242].

жиданные переключки с Тургеневым: Лиза дважды играет бетховенскую сонату (правда, в четыре руки, с Паншиным), но только первую часть, вторая часть, как замечает повествователь, «совсем не пошла» (обе героини не очень-то преуспели в музыкальных занятиях).

Сопоставление открывает любопытный диалог эпизодов в церкви, когда мужик, вызвавший сочувствие у Лаврецкого, и бунинский герой – личный повествователь, которого пожалела «несчастнейшая старушонка», как бы «меняются местами».

Тургенев:

«Мужик с густой бородой и угрюмым лицом... вошел в церковь, разом стал на оба колена и тотчас же принялся поспешно креститься... Такое горькое горе сказывалось в его лице, во всех его движениях, что Лаврецкий решился подойти к нему и спросить его, что с ним» [Тургенев, т. 7: 281].

Бунин:

«Дошел до Иверской, внутренность которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей, стал в толпе старух и нищих на растоптанный снег на колени, снял шапку... Кто-то потрогал меня за плечо – я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез:
– Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!» [Бунин 1965-67, т.7: 250].

Для Тургенева важно в этой сцене «снять», «разрядить» трагическую коллизию конкретной судьбы, соотнося ее с несчастьями других. Несчастья других призваны раскрыть герою ту закономерность, о которой знает автор (и знает его героиня – Лиза) и к пониманию которой должен прийти в конце концов сам герой. Можно сказать, что и этот эпизод, и произведение в целом построены на конфликте знания («владения знанием») и наивности, незнания, непонимания. Это знание, по существу, не оставляло надежд на счастье. Поэтому-то вспыхнувшая любовь, связанные с ней надежды воспринимаются Лизой как отступление от этого знания своего предназначения, своего пути, своего долга. Во время последнего разговора на вопрос Лаврецкого: «Ну, а вы – в чем же ваш долг состоит?» – Лиза отвечает: «Про это я знаю» [Тургенев, т. 7: 273]. И дальше в объяснении с Марфой Тимофеевной звучит тот же мотив:

Конечно, бунинская героиня имеет все же больше сходства с тургеневскими «инфернальницами», чем с Лизой: в ее облике и поведении доминирует тема восточного, рокового, стихийно-непредсказуемого. Но случайно ли герой вспоминает, что в прощенное воскресенье глаза ее были «ласковы и тихи», говорила она с «тихим светом в глазах»? Невольно вспоминаешь «глубокий блеск и какую-то тайную ласковость» глаз Лизы Калитиной. Даже в том, что на протяжении всего любовного романа героиня Бунина разучивает начало «Лунной сонаты», обнаруживаются не-

«Такой урок недаром... Счастье ко мне не шло, даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грехи, и чужие... Я знаю все» [Там же: 285–286]. Позиция «трагического знания» реализована в самой художественной структуре романа, опирающейся на трагедийную фабулу, о чем писал в своих работах В. Маркович [Маркович 1984], а также в том, что символика в рамках основного сюжета не играет существенной роли: «глубина содержания образов целиком в тексте, а не за ним» [Маркович 1984: 72].

В художественном мире Бунина – доминанты иные. Именно подтекст и символика играют в рассказе огромную, если не первостепенную роль. Достаточно вспомнить, что сам «Чистый понедельник» как временной промежуток, давший название рассказу и являющийся рубежом в жизни персонажей, фактически также «уходит» за пределы текста, символизируя при этом, может быть, то самое главное, что остается для героя не вполне понятным и только угадывается, предчувствуется, предполагается им. Вообще, все произведение строится на странном контрасте подчеркнуто варьируемого мотива незнания, непонимания, отсутствия видимых причинно-следственных связей и жесткой определенности сознательного выбора героини, продиктованного каким-то особым ее знанием. Слова «не знаю», «не понимаю», «зачем-то», «почему-то» становятся для рассказа ключевыми: «Чем все должно кончиться, я не знал и старался не думать...» [Бунин 1965–67, т. 7: 238]; «она была загадочна, непонятна для меня, странны были и наши с нею отношения...» [Там же: 238]; «Она зачем-то училась на курсах... Я как-то спросил: “Зачем?”. Она пожала плечом: “А зачем все делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках?”» [Там же: 238–239]. Или такой весьма знаменательный диалог:

- «– Откуда вы это знаете? Рипиды, трикирии!..
- Это вы меня не знаете.
- Не знал, что вы так религиозны.
- Это не религиозность. Я не знаю что...» [Там же: 244].

И в финале: «Мне почему-то захотелось непременно войти туда (в церковь. – Н. П.)» [Там же:

251]; «...Уж не знаю, кто были они и куда шли» [Там же: 251]; «Я почему-то очень внимательно смотрел на них» [Там же: 251].

Наряду с, казалось бы, фатальным «незнанием» и «непониманием» – удивительная собранность и сосредоточенность героини в Прощеное воскресенье как знак созревшего и уже принятого ею решения. Она внутренне спокойна, она как будто знает все, что будет дальше. Ее грех общенационального свойства, поскольку проистекает из глубинной и максималистской потребности русского человека в духовном подвиге, который немислим для него без падения: очищение может быть достигнуто преодолением греха, оплачено жертвой и страданием, а иначе оно неподлинно и несостоятельно. В поступке героини «Чистого понедельника», возможно, есть что-то от кенотической жертвенности, приобщающей ее к самым истокам, к сердечным и живым основаниям русской культуры [Горичева 1994: 50–88]. И в то же время – это испытание себе и себя, сознательно устроенное ею. Может быть, отсюда ощущение некоторой нарочитости, головного характера «любовой жертвы» героини так и не оставляет нас до самого конца. В любом случае, в ее поведении, в том, что она поддается искушению и сознательно совершает грех, причем в такой особенный для православных христиан день, конечно, глубоко запечатлены черты эпохи непосредственно перед катастрофой, когда четкие ценностные критерии во многом утрачены. Высокая безупречная чистота Лизы контрастирует с божественным, странным, «неправедным» обликом бунинской героини. Не будем забывать, что рассказ создавался с значительной временной дистанцией по отношению к изображаемой эпохе русской жизни, что и позволило Бунину расставить нужные акценты.

Тургенев создавал образ Лизы как высокого героя, которому достает сил духа, чтобы остаться верным своему идеалу, не растерять, не запятнать его и своей чистоты. Ведущая тема бунинской героини другая – стремление вернуться к основам, к тем духовным и нравственным константам, которые уже, к сожалению, обрели статус относительных, стремление вернуть заново уже утраченное. И это еще более очевидно при сопоставлении Бо-

городичных сюжетов. В «Дворянском гнезде» тема правоты праведных практически в самом начале романа обозначена сочинением Лемма, которое сопровождалось словами об отречении от лукавых мыслей и земных надежд. Затем эта тема продолжена и поддержана в главе, где, рассказывая о приезде Лаврецкого в Васильевское, повествователь упоминает увиденную героем икону Введения во храм Пресвятой Богородицы, принадлежавшую его тетке Глафире. Это чрезвычайно важная, знаковая деталь. Введение во Храм Пресвятой Богородицы - особый праздник для христиан. Он связан с приведением Пресвятой Богородицы Ее родителями в Иерусалимский храм для посвящения Богу. Праздником отмечена исключительная роль Марии в судьбе человечества. Наиболее полное богословское толкование этого События христианской истории дано у Григория Паламы в его слове «На Введение во храм Пресвятой Богородицы». В нем святитель рассказывает историю праздника и в заключение объясняет причину Её введения в Святая Святыя Иерусалимского храма: «...почему Избранная с начала века среди избранных оказалась Святою из святых. Имевшая Своё тело чище самих очищенных добродетелью духов, так что оно могло принять Само Ипостасное Слово Пребезначального Отца, — Приснодева Мария, как Сокровище Божие, по достоянию ныне помещена была во Святое святых, чтобы в надлежащее время, как и было, послужить к обогащению и к премирному украшению» [Палама 1991].

Икона выбрана не случайно, она не только проясняет духовное состояние Глафиры перед кончиной, её стремление к преображению, но и по-особому освещает / освящает судьбу и выбор Лизы, которая среди, если можно так сказать, уже «вошедших» в храм веры, приобщившихся к Красоте, хранящих чистоту собственной души во имя этой Красоты. Именно о чистоте Лизы в прямом соотношении с «звездами, чистыми звездами» [Тургенев, т. 7: 195] говорит Лаврецкому Лемма, и сам Лаврецкий переживает подобное: «Он стал думать о ней, и сердце в нем утихло. «Чистая девушка, проговорил он вполголоса, - чистые звезды...» [Тургенев, т. 7: 196]. В таком контексте название бунинского рассказа обретает дополнительные смысловые нюансы.

В «Чистом понедельник» сначала упоминается икона Богородицы Троеручицы, которая воспринимается героиней подчеркнуто эстетически, как что-то ярко-экзотическое, якобы глубинно связанное с восточным колоритом московской жизни: «Три руки! Ведь это Индия! Вы – барин, вы не можете понимать, так, как я, всю эту Москву» [Бунин 1965-67, т. 7: 245]. Ни малейшего намека на отсеченную иконоборцами руку Иоанна Дамаскина, на чудо ее восстановления! [Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы: 214-217]. Важный штрих, но еще более знаковым становится эпизод, связанный с Иверской часовней в честь иконы Богоматери Иверская. Совсем не случайно то, что герой после расставания с возлюбленной, уже предугадывая драматический перелом в судьбе и невозможность осуществления личного счастья, обращается, пусть не вполне осознанно за помощью к Иверской иконе Божьей Матери. Иверская часовня, достопримечательность Москвы, самая знаменитая часовня столицы, была выстроена у Воскресенских ворот в XVII в. Сюда, чтобы поклониться иконе, привезенной из Иверского монастыря на Афоне, стекались люди со всех концов России. Эта икона вызывала особое, трепетное отношение, пользовалась особым почитанием. Упоминание в рассказе о часовне и иконе – очень конкретная, достоверная деталь предвоенного московского быта. Но не только. Из подтекста, связанного с историей иконы [Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы 2014: 96-99], с особым значением ее в русской духовной культуре, «вырастает» символическое содержание эпизода. Иверская икона являет собой не просто образ Спасительницы от телесных и духовных нужд. Она Портаитисса, Вратарница, открывающая врата достойным. Символ, связанный с иконой, выражен в акафисте: «Радуйся, благая Вратарница, двери райския верным отверзающая» [Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы 2014: 96]. В переломный, роковой час своей жизни герой, как мы видим, только подходит к заветным воротам («Дошел до Иверской...»). Так Бунин обозначает вехи на пути долгого возвращения русского человека к святыням, уже отчетливо понимая (1944-ый год), что путь этот будет обязательно со-

пряжен с мученичеством, с восхождением на Русскую Голгофу. Потому и такой финал у рассказа.

Заключительный эпизод подчеркнута символически. Герой встречает возлюбленную в церкви Марфо-Мариинской обители среди других «инокинь или сестер» в белых одеждах. Возглавляла «белую вереницу поющих» Великая княгиня Елизавета Федоровна, весь облик которой создает впечатление святости: «...Вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе, с нашитыми на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истоиво идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке» [Бунин, 1965-67, т.7: 251]. В этом эпизоде символично все: не просто доминанта белого цвета, а преобразование всего цветового колорита, крест, горящие свечи и т. п.

Символическая значительность эпизода еще более возрастает при сопоставлении его с дневниковой записью 1915 г., оставленной писателем после действительного посещения Марфо-Мариинской обители: «Позавчера были с Колей и Ларисой в Мариинской обители на Ордынке. Сразу не пустили, дворник умолял постоять за воротами – “здесь великий князь Дмитрий Павлович”. Во дворе – пара черных лошадей в санях, ужасный кучер. Церковь снаружи лучше, чем внутри» [Бунин 1987-88, т. 6: 354]. Этот эпизод использован в рассказе, правда, выглядит он несколько иначе: «На Ордынке я остановил извозчика у ворот Марфо-Мариинской обители: там во дворе чернели кареты, видны были раскрыты двери небольшой освещенной церкви... Дворник у ворот загородил мне дорогу, прося мягко, умоляюще:

- Нельзя, господин, нельзя!
- Как нельзя? В церковь нельзя?
- Можно, господин... только прошу вас за ради Бога, не ходите, там сейчас великая княгиня Елизавет Федоровна и великий князь Митрий Палыч...» [Бунин 1965-67, т. 7: 251].

Автор не просто вводит в рассказ отсутствующую в источнике Елизавету Федоровну, он делает ее центральной фигурой финальной сцены. Вряд ли появление великой княгини в рассказе можно считать случайным.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого в 1905 г. великого князя Сергея Алексан-

дровича, протестантка, принявшая православие, простившая убийцу мужа и подававшая прошение о его помиловании, после убийства мужа оставила мир, вела подвижническую жизнь. В роковом для России 1917 г., после отречения Николая, она писала: «Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не большой ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть... Мы должны устремить свои мысли к Небесному Царствию... и сказать с покорностью: “Да будет воля Твоя”» [Православный церковный календарь 1994: 5]. В июле 1918 г. Елизавета Федоровна вместе с сестрами Екатериной и Варварой и князем Иоанном приняла мученическую смерть. В 1920 г. гробы с мощами мучеников были доставлены в Иерусалим, где находятся в настоящее время. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Елизавета Федоровна была причислена к лику Святых [Православный церковный календарь 1994: 5].

В таком контексте (вне зависимости от того, знал или не знал Бунин о дальнейшей судьбе великой княгини) финальная сцена звучит роковым трагическим постпредвидением будущих мученических судеб «инокинь или сестер», идущих мимо героя «белой вереницей». При этом скрытый диалог автора, открывшего уже такую трагическую перспективу, с субъектом речи, который еще ничего не знает – «уж не знаю, кто были они и куда шли» – создает повышенную смысловую напряженность финала.

Историческая катастрофа разрушила бунинский интеллигентский скепсис, вызвав подъем религиозного чувства. Уже в «Окаянных днях» религиозная тема прозвучала в сходном аспекте, окрашенная острым личным переживанием. Православный храм трактовался здесь как островок прежней, настоящей России: «А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров “старого” мира в море грязи, подлости и низости “нового” тронули необыкновенно» [Бунин 1991: 68]. Ощущение, которое переживали многие русские

в то время, очень хорошо выразил А. Шмеман: «Церковь – это все, что осталось у нас от России» [Шмеман 1994: 187]. Похожие мотивы есть в «Окаянных днях» и в «Чистом понедельнике». Не случайно посещение храмов, монастырей становится для героини, как и для автора «Окаянных дней», опытом обретения русского. Однако в «Окаянных днях» доминирует мотив утраты, смерти, последнего прощания: «В мире была тогда Пасха, весна... пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в той весне, последнее целование...» [Бунин 1991: 83-84].

В «Чистом понедельнике» нет такой страшной определенности. И дело здесь отнюдь не в хронологической разнице изображенных событий. Бунин, к 1944-ому году много передумавший и переживший, разделивший с соотечественниками боль и тревогу за судьбу страны в ее противостоянии с фашизмом, почувствовал и символически запечатлел в рассказе перспективу общего пути, на котором возможно воскресение. Поэтому столь важна символика поста, за которым обязательна Пасха. Следовательно, выбор героини уже не является, как у Тургенева, только актом личного самоопределения во искупление грехов прошлого. Он может быть рассмотрен в аспекте будущей духовной судьбы России, в которой для Бунина в период написания «Чистого понедельника» поворот интеллигенции, в том числе, и артистической, высококачественной, к религии и религиозному служению становится симптоматичным, оправданным и закономерным. Художник как будто прозревает будущее обретение многими русскими людьми своей утраченной Родины, возвращающейся – через испытания – к себе самой, к корневым своим основам. И «Дворянское гнездо» в этом отношении стало самым созвучным произведением из прошлого, открывающим Бунину – художнику и человеку – сокровенные глубины национального космоса. Потому так органически и многоаспектно «вошел» роман Тургенева в бунинский рассказ, насыщая его смыслами, придавая ему символическую объемность. Масштабность того, что удалось воплотить в «Чистом понедельнике», понимал и сам автор, написавший,

по свидетельству В.Н. Муромцевой-Буниной, в одну из бессонных ночей: «Благодарю Бога за то, что он дал мне возможность написать «Чистый понедельник» [Бунин 1965-67, т.7: 391].

Специфика имплицитного, но всеобъемлющего «присутствия» «Дворянского гнезда» в бунинском рассказе еще ярче осознается, если мы вспомним прямое обращение к роману предшественника в «Жизни Арсеньева»: «“Вы любите Тургенева?” - спросила она. Я замаялся, - потому, что я родился и вырос в деревне, мне всегда задавали этот вопрос, непременно предполагая во мне любовь к Тургеневу. - “Ну, все равно, сказала она, это будет все-таки вам интересно. Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в “Дворянском гнезде”. Хотите посмотреть?” - И мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где, на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами, в которых уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви» [Бунин 1965-67, т. 6: 194].

Прочитанное у Тургенева тогда, в 1933-ем, – «мне страстно захотелось любви» преобразуется в иное – «только праведные правы» как прозрение о путях и судьбах России и русского человека.

И в завершение хотелось бы обратить внимание на имена. Лиза носит имя Преподобной Елисаветы (с греч. почитающая Бога) Константинопольской (ок. VI-VIII вв.), которая, по откровению, была еще девочкой отдана в монастырь на воспитание. Там, проведя время в посте и трудах, она обрела дар исцеления и со временем была выбрана сестрами игуменией [Именослов 2015: 207]. Случайно ли имя тургеневской героини мистически «проросло» именем Великой княгини Елисаветы Федоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители, главным направлением деятельности которой было оказание медицинской сестринской помощи? Так удивительно – именем – соединились судьбы реальных и литературной героинь - константинопольской святой VI века,

девушки XIX-ого и новомученицы XX-ого. Безымянность героини Бунина в таком контексте обретает особый смысл.

Поразительны ее яркая личностная очерченность, самостоятельность поступков, осуществленный ею выбор и при этом – отсутствие имени, т. е. того, чем, как писал П. Флоренский, «выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 1990: 390]. «Снять имя – это значит перейти к такому опыту, который хотя и воспринимаем, но уже не именуем – не скажем человеческим словом, не скажем... – иначе говоря, к опыту чисто мистическому, а его не вместить в опыт сказуемый» [Флоренский 1990: 391]. Думается, это суждение русского философа отчасти проясняет феномен безымянности существования личности героини в бунинском рассказе. Опыт общения с любимой женщиной становится для героя «Чистого понедельника» чем-то таким, что находится уже как бы «за пределами» человеческого разума и представляет собой «вступление» в область мистического и неслышимого в рамках как индивидуальной, так и общенародной судьбы. Отсюда интертекстуальное «тяготение» к тургеневскому произведению, созданному в логике обозначенной проблематики, но сориентированному как раз на четкую «именуемость» этой проблематики, на ее «вместимость» в «сказуемый» человеческий опыт. А, кроме того, героине еще предстоит обрести свое настоящее имя. Это же можно заметить и в отношении героя-рассказчика. Однако и в его случае в тексте есть своеобразные подсказки для понимания его пути в рамках общей судьбы. Такой подсказкой в дополнение к цвето-световому сюжету² рассказа может служить имя кучера героя – Федор – как знак того, что обретение героем своего имени видится автору в парадигме вполне определенных ориентиров, восходящих от Федора Лаврецкого к святому Великому мученику Феодору Стратилату, в честь которого Лаврецкий был назван и который прославился многими великими и мученическими подвигами и деяниями, в том числе, уничтожением (разбиванием) языческих идолов [Жития святых 2008: 95-97]. И восхождение это начинается именно с «разбивания идолов» –

преодоления собственных заблуждений, иллюзий, суетных стремлений к личному счастью.

Таким образом, рассмотрение тургеневского романа и бунинского рассказа в их диалогическом соотношении друг с другом не только показывает замечательное «продолжение жизни» «Дворянского гнезда» в одном из лучших произведений литературы XX века, но и раскрывает особое значение этих произведений как ключевых текстов русской культуры. Это значение не исчерпывается ни временем, ни историческими обстоятельствами, а обращено к тому, что составляет основу русского мира, определяет его жизнеспособность и жизнестойкость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. УДК 821.161.1-32 (Бунин И. А.)

УДК 821.133.1: 821.161.1 (Тургенев И. С.)

2. В соотношении с темой рубежной эпохи судьбы и личности персонажей акцентированы, во-первых, системой повторяющихся и характерных пространственных образов (например, образ ворот, подчеркнутое изображение переходного времени суток – вечера, сумерек и т. п.), а, во-вторых, особым «цветовым сюжетом» рассказа. Определенность «цветового» сопровождения героини (черный, красный, в финале – белый, золотой цвета) контрастирует с переходностью, зыбкостью, сумеречностью общего фона произведения. Можно даже сказать, что здесь преобладает не столько цветовая, сколько световая динамика. Герои (он – характеризующийся цветовой неопределенностью, и она – со своей цветовой очерченностью), кажется, навсегда объединены этим общим пространством, балансирующим между светом и темнотой: «Темнел московский серый зимний день» [Бунин 1965-67, т.7: 238]; «Каждый вечер мчал меня... мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя» [Там же: 238] и т. п. Однако выбор героини озаглавлен совершенно конкретно обозначенным в тексте разделением этого общего пространства для двоих: в тот решающий вечер герой, вспомним, «отворил дверь своим ключиком и не сразу вошел из темной прихожей: за ней было необычно светло, все было зажжено, – люстры, канделябры по бокам зеркала и высокая лампа под легким абажуром» [Там же: 247]. Распределение «света» между героями оказывается более чем красноречивым: он далее пребывает один неизменно в темном пространстве, правда, всегда граничащем со светлым: «Дошел до Иверской, внутренность которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей» [Там же: 250]; «ездил, как тогда, по темным переулкам в садах с освещенными под ними окнами» [Там же: 250–251]; «Видны были раскрытые двери небольшой освещенной церкви» [Там же: 251]. Своей кульминации «световое» решение темы разделенности героев достигает в финальной сцене, когда герой из темноты наблюдает за «белой вереницей» «поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер», выходящих из церкви. Следовательно, соединение, которое столь благобно венчает жизни персонажей древнерусской повести

в пересказе героини «Чистого понедельника», в бунинском мире недостижимо. Свет, действительно, может ослепить (особенно такой, как в «Иверском эпизоде»), лишить возможности различать многоцветие жизни, а темнота, с которой герой «сроднился», напротив, обостряет «зрение» и при условии постоянно присутствующего близкого света еще и оставляет надежду не обернуться тьмой. Герой оставлен автором как будто бы в состоянии «хождения», напоминая нам евангельскую формулу человеческой жизни: «Еще на малое время свет есть с вами: ходите, пока есть свет» [Ин. 12:35]. (См. об этом подробнее: Пращерук Н. В. Интертекстуальность рассказов «Натали» и «Чистый понедельник» // Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2016. С. 84-118).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1965-1967.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1987-1988.
3. Бунин И. А. Окаянные дни; Неизвестный Бунин / Сост., предисл., библиогр. справка О.Н. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1991. – 333 с.
4. Горичева Т. М. О кенозисе русской культуры // Христианство и русская литература: сб. ст. СПб., 1994. С. 50–88.
5. Домбровская Е. Воздыхания окованных / Русская сага. СПб.: «Издательский дом ПервоГрад», 2017. – 752 с.
6. Жития святых / Сост. Преосв. Филарет. М.: Эксмо, 2008. – 928 с.
7. Именослов. Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 2015. – 256 с.
8. Курляндская Г. Б. «Чистый понедельник» И. А. Бунина и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Сравнительно-типологический анализ / Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мирозрение, метод, традиции. Тула: Гриф и К, 2001. С. 190-196.
9. Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский» // Лотман Ю. М. Избр. ст. в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 172-184.
10. Маркович В. М. Между эпосом и трагедией: (о художественной структуре романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 49–76.
11. Палама Григорий. Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы // Тексты. Григорий Палама. 1991 // URL: http://1260.org/Mary/Text/Text_Palamas_Presentation_of_Mary_ru.htm (Дата обращения - 05.04. 2020).
12. Православный церковный календарь. М., 1994. – 149 с.
13. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2016. – 206 с.
14. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отделение, 1960-1968.
15. Флоренский П. Имена // Опыты: лит.- филос. ежегодник. М.; Сов. писатель, 1990. – 390 с.
16. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы/ Авт.-сост. С. Алексеев. СПб.: «Библиополис», 2014. – 304 с.
17. Шмеман А. Духовные судьбы России // Новый мир. 1994. № 3. С. 174-196.

REFERENCES

1. Bunin I.A. (1965-1967) *Sobranie sochinenij v 9 t.* [Collected works in 9 vols.]. Moscow. (in Russian).
2. Bunin I. A. (1987-1988) *Sobranie sochinenij v 6 t* [Collected works in 6 vols.] v. 6. Moscow. (in Russian)
3. Bunin I.A. (1991) *Okayannyye dni; Neizvestnyy Bunin* [Cursed days; unknown Bunin]. Moscow. (in Russian)
4. Goricheva T.M. (1994) *O kenoze russkoj kul'tury* [Russian culture kenosis], *Hristianstvo i russkaja literature* [Christianity and Russian literature]. St. Petersburg, pp. 50-88. (in Russian)
5. Dombrovskaya E. (2017) *Vozdykhaniya okovannykh. Russkaya saga* [Sighs of the bound. Russian Saga]. St. Petersburg. (in Russian)
6. Zhitiya svyatykh (2008) [Lives of the saints]. Moscow. (in Russian)
7. Imenoslov. (2015) [Imenoslov]. Kiev. (in Russian)
8. Kurlyandskaya G.B. (2001) «Chistyy ponedel'nik» I.A. Bunina i «Dvoryanskoye gnezdo» I.S. Turgeneva. *Sravnitel'no-tipologicheskij analiz* ["Clean Monday "by I. A. Bunin and "Noble Nest" by I. S. Turgenev. Comparative typological analysis] In: *Kurlyandskaya G.B. I.S. Turgenev. Mirovozzreniye. metod. Traditsii* [Kurlyandskaya G. B. I. S. Turgenev. Worldview, method, traditions]. Tula, 190-196. (in Russian)
9. Lotman Yu.M. (1993) *Dva ustnykh rasskaza Bunina: (K probleme «Bunin i Dostoyevskiy»* [Two oral stories of Bunin: (On the problem of "Bunin and Dostoevsky"). In: *Lotman Yu.M. [Selected articles in 3 vols.]*. v.3. Tallinn, pp. 172-184. (in Russian)
10. Markovich V.M. (1984) *Mezhdu epomom i tragediyey: (o khudozhestvennoy strukture romana I. S. Turgeneva «Dvoryanskoye gnezdo»* [Between the epic and the tragedy: (on the artistic structure of the novel by I. S. Turgenev "The noble nest"). In: *[Problems of poetics of Russian realism of the XIX century]*. Leningrad, pp. 49–76. (in Russian)
11. Palama Grigoriy. (1991) *Slovo na Vvedeniye vo khran Presvyatoy Bogoroditsy* // *Teksty*. Grigoriy Palama [Word on the Introduction to the Church of the most Holy Theotokos]. Retrieved from http://1260.org/Mary/Text/Text_Palamas_Presentation_of_Mary_ru.htm. (in Russian)
12. *Pravoslavnyy tserkovnyy kalendar*. (1994). [Orthodox Church calendar]. Moscow. (in Russian)
13. Prashcheruk N.V. (2016) *Proza I.A. Bunina v dialogah s russkoj klassikoj* [The prose of Ivan Bunin in the dialogue with the Russian Classics]. Yekaterinburg. (in Russian)
14. Turgenev I.S. (1960-1968) *Polnoe sobranie sochinenij i pism v 28 t.* [Complete works and letters in 28 vols.] Moscow-Leningrad. (in Russian)
15. Florenskiy P. (1990) *Imena* [The Names]. *Opyty: literaturno-filosofskij ezhegodnik*. [of the Experiments of the literary and philosophical Yearbook]. Moscow. (in Russian)
16. *Chudotvornyye ikony Presvyatoy Bogoroditsy*. (2014) [Miraculous icons of the most Holy Theotokos] Avt.-sost. S. Alekseyev. St. Petersburg. (in Russian)
17. Shmeman A. (1994). *Dukhovnyye sudby Rossii* [Spiritual destinies of Russia]. In: *Novyy mir* [New world], no. 3, pp.174-196.

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА И.С. ТУРГЕНЕВА)

VALERIIA. DOMANSKY

INTERMEDIALLY OF WORKS OF THE RUSSIAN CLASSICS
(ON THE MATERIAL OF CREATIVITY IS I. S. TURGENEV)

**Валерий Анатольевич
Доманский**

Профессор, заведующий кафедрой педагогических инноваций и психологии.

► valerii_domanski@mail.ru

Санкт-Петербургский институт
Бизнеса и инноваций

191028, Санкт-Петербург,
ул. Моховая, д. 22

V.A. Domanskiy

Saint-Petersburg Institute
of Business and Innovation

191028, Russia, Saint-Petersburg,
Mokhovaya St., 22

В статье рассматривается интермедийная сущность произведений русской классической литературы как явления перевода с одного языка искусства на другой. Вычленены три ее основных вида, наиболее полно представленные в современном литературоведении и искусствоведении. На материале творчества Тургенева раскрыта музыкальность его произведений, определяющая особенность его художественного метода. Автором статьи подробно проанализирована музыкальная сцена в его романах (реакция героев романа «Рудин» на исполнение баллады Франца Шуберта «Лесной царь») и музыкальный эпизод в романе «Отцы и дети» с включением сонаты-фантазии c-moll Моцарта. В заключение статьи представлен сюжет изобразительной интермедийности рассказа Тургенева «Бежин луг».

Ключевые слова: русская классика; интермедийность; музыкальные сцены; изобразительность литературных пейзажей

In the article considers the intermediality of the works of the Russian classical literature as a phenomenon of translation from one language of art to another. The three main types of intermediality are singled out. Most of them are fully represented in contemporary literary criticism and art criticism. The musicality of his works is revealed on the bases of Turgenev's creativity, which determines the peculiarity of his artistic method. The author of the article has analyzed in detail the musical scene in his novels (the response of the heroes of the novel «Rudin» after performance of Franz Schubert's ballad «The Forest King») and the musical episode in the novel «Fathers and Sons» including the sonata-fantasy c-moll Mozart. The article concludes with a plot of the graphic intermediality of Turgenev's story «Bezhin meadow».

Keywords: Russian classics; intermediality; musical scenes; representativeness of literary landscapes

Синтез литературы и других искусств – феноменальное явление, к которому не раз обращались на протяжении веков философы, ученые и писатели, начиная от Аристотеля и неизвестного античного автора трактата «О возвышенном». Вопросы различных синтезов стали ключевыми в эстетике романтизма. В XX веке на основе многовекового интереса

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы».

к синтезу искусств возникли исследования смежной категории – взаимосвязи искусств или интермедиальности. Данный термин впервые был введен английским романтиком Сэмюэлем Кольриджем в 1812 г., но закрепился в научной литературе лишь после публикации в 1983 г. статьи немецкого профессора Оге А. Ханзен-Лёве «Проблема корреляции словесного и изобразительного искусств на примере русского модерна» [Hansen-Löve 1983: 291–360].

В 2006 г. появилась главная работа этого ученого «Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду» [Hansen-Löve 2007], в которой дано обстоятельное истолкование интермедиальности как явления перевода произведения с одного языка искусства на другой или объединение различных искусств в мономедийном или мультимедийном тексте.

Взаимосвязь и взаимодействие искусств обусловлено синтетичностью литературы, ее стремлением к расширению своих границ, изобразительно-выразительных возможностей и созданием эффекта синестезии. Условием такого синтеза является органическое усвоение одним искусством приемов и способов другого. Художник слова, обращаясь к другим искусствам, исходит из специфики своего творческого мышления, которое проявляется в пространственной организации текста, насыщенности его культурно-семантическими образами. Синтетичность мышления писателя очень точно охарактеризовал Александр Блок:

«Россия – молодая страна, и культура ее – синтетическая. <...> Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более – прозаик о поэте и поэт о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо; самые известные – Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет» [Блок т. 5, 1962: 175].

Мысль о взаимовлиянии искусств, о закономерностях обращения писателя к средствам живописи Блок развил в статье «Краски и слова» (1905), подчеркивая, что поэт должен обладать зрением живописца:

«Душа писателя поневоле заждалась среди абстракций, загрустила в лаборатории слов.

Тем временем перед слепым взором ее бесконечно преломлялась цветовая радуга. И разве не выход для писателя – понимание зрительных впечатлений, умение смотреть? Действие света и цвета освободительно. Оно улегчает душу, рождает прекрасную мысль» [Блок 1962, т. 6: 101–102].

Но особенное значение русский поэт отводил музыке, полагая, что если «историческое, календарное» пространство «неизменно присутствует в цивилизованном сознании», то признаком культурного сознания человечества является музыкальное пространство, наличие «телесного и духовного равновесия», что достигается способностью людей слышать музыку «мирового оркестра» [Блок 1962, т. 6: 101–102].

В каждую культурную эпоху в системе искусств были свои доминанты: в Античности преобладала пластика, в Средние века – архитектура и словесность, Ренессанс выдвинул на первое место живопись, среди искусств Классицизма ведущее место заняли архитектура и садово-парковое искусство. Если Романтизм выдвинул и развивал идею синтеза литературы, музыки и живописи, то за Реализмом закрепилась репутация литературоцентричности в культуре.

В мировой культуре вместе с тем были периоды, когда искусства взаимодействовали наиболее интенсивно, их можно назвать эпохами синтеза. Это были эпохи, когда «весь мировой оркестр» [Блок 1962, т. 6: 102, 108] культуры звучал в унисон. Такой эпохой был Серебряный век русской культуры, когда поэты, художники и музыканты демонстрировали свои опыты тесного переплетения и транспонирования искусств. В литературе Константин Бальмонт пытался синтезировать поэзию и музыку, Владимир Маяковский – поэзию и живопись, Осип Мандельштам – поэзию и архитектуру. Поэт Микалоюс Чюрлёнис стремился наделить музыку цветом и красками, а живопись – звучанием.

Наш современный период развития культуры называют мультимедийным, который характеризуется соединением в художественных практиках текста, изображения, звука и видео, что создает совершенно новые условия для функционирования искусств. Закончилась эпоха литературоцентричности культуры, и постепенно иным становится со-

знание человека, воспринимающего произведения искусства.

Главное внимание автора статьи обращено к русской классике. Раскрытие ее художественного потенциала в эпоху мультимедийности уже немыслимо без постижения ее интермедийной сущности. Русские классики стремились «вернуть в слово музыку», соперничали с изобразительностью живописи, пластикой скульптуры, используя арсенал других искусств (сюжеты, образы, мотивы, эстетические идеи, художественные приемы) для создания эффекта суггестии, конструирования художественной картины мира. В структуре и бытовании текстов произведений русской классической литературы возможно вычленил все три вида интермедийности, рассматриваемые в работах Оге А. Ханзен-Лёве [Hansen-Löve 2007], А. С. Вартанова [Вартанов 1961, Вартанов 1982], М. А. Сапарова [Сапаров 1982], М. А. Тахо-Годи [Тахо-Годи 1982], А. Ю. Тимашкова [Тимашкова 2008], А. Флакера [Флакер 2008]. Вот главные из них:

- *нормативная* (разработка одного и того же сюжета или мотива различными медиа);

- *референциальная* (упоминание или цитирование в художественном тексте произведений других искусств),

- *конвенциональная интермедийность* (использование языка, кодов и приемов других искусств в литературном произведении: музыкальность, живописность, пластичность, архитектурность, кинематографичность текста или отдельных его частей).

Жизнь литературных произведений в культуре XXI века предполагает еще один вид интермедийности – мультимедийная интермедийность. Художественный текст в сознании современного читателя может жить одновременно в различных форматах: сценических постановках, экранизации, мультипликации, интернет-среде, использующей различные виды мультимедийности.

У каждого русского классика были свои любимые виды искусства, к которым они обращались, используя разные технические приемы для создания интермедийности. Пушкин тяготел к различным искусствам, не отдавая в целом предпочтения ни одному из них. Лермонтов сам увле-

кался живописью и преуспел в изображении пейзажей и портретов [Доманский 2013: 243–252]. Тяготел к живописи и Гоголь: в описаниях природы – к романтическому пейзажу, в создании портретов и сцен – к фламандской школе. Можно также говорить и театральности ряда его произведений [Доманский 2010: 257–263].

Еще в большей степени фламандство свойственно изобразительной кисти Гончарова, прежде всего в романе «Обломов». В романе «Обрыв» интермедийность текста репрезентирована главным образом живописью высокого Возрождения и Сентиментализма [Доманский 2002: 19–29].

Художественные предпочтения Достоевского связаны с графикой. Писатель сам хорошо рисовал карандашом и пером, делал графические наброски к своим произведениям.

Но, пожалуй, более всего интермедийность свойственна художественным произведениям Тургенева. Музыка, и прежде всего музыка, а затем живопись, значительно меньше скульптура и архитектура, выполняют множество функций в создании художественного мира произведений Тургенева. Но, главное, они определяют своеобразие его художественного метода, его философию одухотворенного бытия человека. Эту сущность творчества русского писателя хорошо уловил Андре Моруа, обозначив его метод как «поэтический реализм» [Моруа 2001: 154].

Музыкальность, тонкий слух и музыкальный вкус, постоянное на протяжении всей жизни пребывание писателя в атмосфере музыки и красоты способствовали глубокому пониманию им музыкального искусства, что сказались на особенностях его мироощущения, характере его творчества.

Большинство его произведений связано с музыкой. Его герои музицируют, поют или слушают музыку и высказывают свои суждения о ней. Любовь к музыке, потребность в ней, наличие музыкальной одаренности, способность глубоко чувствовать красоту мира и красоту музыки являются важнейшими качествами личности близких автору персонажей. Нередко он наделяет их своими музыкальными вкусами и даже страницами своей музыкальной биографии. Иногда музыкальные произведения, включенные в картины жизни героев,

позволяют определить их личностную позицию, чувства и настроения людей определенной эпохи, тонко передать художественный подтекст, то невыразимое в словах и понятиях, что может выразить только музыка.

Продемонстрировать это можно, обратившись к двум музыкальным эпизодам в романах Тургенева. Так, в первом романе Тургенева «Рудин» центральной музыкальной сценой является исполнение баллады Франца Шуберта на слова Иогана Гёте «Erlkönig». Шуберт в романе является знаковым композитором, так как он раскрывает в своих произведениях необъятный внутренний мир человека – мечтательный, страдающий, протестующий, передает его сокровенные мысли и чувства образованных людей 1840-х годов.

Рудин, как и главная героиня романа Наталья Ласунская, любит балладу Шуберта, и посредством музыки происходит сближение героев. Музыка характеризует их как натур глубоких, романтических. Вместе с тем звучащая в романе музыка Шуберта, кажется, одухотворяет саму природу (в этом и заключается главная сущность музыки в представлении романтиков!), поэтому описание летнего вечера автором тоже звучит как музыка:

«Душистая мгла лежала мягкой пеленою над садом; дремотной свежестью дышали близкие деревья. Звезды тихо теплились. Летняя ночь и нежилась и нежила» [Тургенев 1983: 228].

Для того чтобы почувствовать настроение Рудина и Натальи Ласунской, проникнуть в атмосферу сцены сближения героев, читателю необходимо слышать эту музыку, заразиться ею (читатели-современники Тургенева ее слышали!) И это является условием полноценного восприятия этой сцены романа.

Баллада начинается с быстрого проигрывания октав на фортепьяно, так рождается тревожная атмосфера действия. Она представляет собой драматическую сцену с диалоговым текстом. Музыкальная композиция опирается на рефренную форму. Этим рефреном являются возгласы отчаяния ребенка, а вкрапливаемыми в них диалогами отца и обращения Лесного царя к ребенку. Текст от автора образует вступление и заключение баллады. Взволнованные, краткие фразы ребенка кон-

трастируют с напевными, усыпляющими, гипнотизирующими фразами Лесного царя.

Возгласы ребенка повторяются троекратно с повышением тесситуры голоса и тональным повышением, но отец не понимает беспокойства ребенка. Фразы Лесного царя звучат в мажоре (I эпизод – в B-dur, 2-й – с преобладанием C-dur). Третья его фраза и рефрен соединены в одной музыкальной строфе, чем достигается эффект драматизации (контрасты сближаются). Последний раз возглас ребенка звучит уже с отчаянием. Музыка хорошо передает бег коня, завораживает своей мелодичностью, но напряжение все нарастает и нарастает, и ужас, который испытывает ребенок, передается всем, кто слушает эту гениальную музыку.

Шубертская баллада помогает почувствовать неизбежность свершающегося, бесценность переживаемого мига, будоражит воображение. Есть мир тайны, в который могут проникнуть только люди, не утратившие детское восприятие мира, поэты, художники, музыканты. Рудин под впечатлением услышанного музыкального произведения устремляется своими мыслями в будущее. Чем глубже мы, читатели, вживаемся в музыку Шуберта, подобно тургеневскому герою, тем более проникают во внутреннюю жизнь Рудина, знакомятся с его мировоззрением и философскими основами жизни его поколения. Баллада «Лесной царь» напомнила герою о его студенческом времени в Германии:

«– Эта музыка и эта ночь, – заговорил он, – напомнили мне мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады... » [Тургенев 1983: т. V: 229].

Теперь музыка в романе приобретает уже социокультурное значение. Она вводит читателя в атмосферу студенческих кружков, в которых происходило становление героя и самого писателя в конце 1830-х – начале 1840-х годов XIX века, когда музыка первого композитора-романтика Шуберта имела огромный успех в передовых кругах молодежи. Музыка, в это время, казалось, звучала во всем: в поэзии, философии, любви, природе.

По существу, интерпретируя центральный музыкальный эпизод романа «Рудин», мы наблюдаем все три вида интермедальности: здесь

не только упоминается музыка Шуберта, автор воспроизводит и разрабатывает ее лейтмотив, используя повторы, музыкальность фразы, описывая одновременно то психологическое состояние героев, которое создает эта музыка.

Часто музыка в произведениях Тургенева передает и выражает то, что невозможно выразить словами. Иногда писателю достаточно описать одну сцену звучания музыки и реакцию на нее героев, чтобы посредством музыкальной суггестии выразить свою авторскую мироконцепцию. Такую исключительную роль в романе «Отцы и дети» играет мизансцена исполнения Катей Одинцовой сонаты-фантазии с-moll Моцарта. Обращение Тургенева к сочинению Моцарта помогает не только предугадать судьбу главного героя, эта музыка также позволяет глубже понять и осмыслить философско-эстетические конфликты в романе. Поэтому читателю следует очень внимательно отнестись к чтению этой сцены и проследить за реакцией на музыку Моцарта Аркадия Кирсанова, которая описана в романе. Базаров здесь не в счет, так как он отвергал всякое «искусство». Большой недостаток экранизаций романа Тургенева как раз заключается в том, что режиссеры игнорируют эту очень значимую в тексте музыкальную сцену. Даже в последнем, весьма интересном телефильме Авдотьи Смирновой «Ошибка Базарова» она тоже отсутствует.

В значительной мере можно говорить и об изобразительной интермедальности произведений Тургенева, которая заключается в том, что писатель, запечатлевая зрительные ощущения, создает иконописные образы, опираясь на ассоциации, контекст, слова-символы, переносное значение слова. Можно выделить три вида сближений произведений писателей и живописцев:

- а) сходство мотивов, переживание общей темы;
- б) наличие общих принципов изобразительности;
- в) сходство в особенностях метода и характерности видения [Альфонсов 1966: 7].

Все эти три вида сближений характерны для изобразительного мастерства Тургенева. Наиболее ярко они проявляются в эстетических ори-

ентациях писателя на художников барбизонской школы (пейзажи) и фламандско-голландскую живопись (описание словесных натюрмортов, интерьеров и бытовых сцен).

Любопытно, что в одной частной беседе Тургенев признался в своем потаенном желании:

«...если бы можно было снова выбрать себе карьеру, я не выбрал бы карьеру писателя... Я выбрал бы карьеру пейзажиста <...>. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он – вполне свободный художник» [Цветков 1967: 422].

Бабизонцы являлись для Тургенева не просто художниками, чьи работы он покупал и высоко ценил. Имеются все основания говорить о глубинных связях изобразительного мастерства Тургенева и представителей этой французской школы живописи.

Русский писатель впервые в отечественной литературе воспроизводит цвет в соотношении со светом. Как и на полотнах французских художников, краски его пейзажей зависят от освещенности и от времени года, суток или от погоды. Например, синее небо у него то густо-синее, то темно-сапфировое (глухой ночью) или светло-синее, воздушное (в сумерках). Таким образом, можно говорить о множестве вариантов неба в его произведениях в зависимости от времени суток и погоды.

Писатель мастерски пользуется словами, как художник палитрой. Ему подвластны цвета, краски, переливы света и тени, переданные с помощью словесно-речевых средств. Его пейзажи удивительно пластичны и музыкальны, в них предстает перед взором читателя природа в тончайших нюансах и изменениях. Все изображаемое дышит, движется, живет, разворачивается во времени и пространстве, одна картина сменяется другой. Пейзажи Тургенева открывают красоту мира, говорят о мгновении, краткости человеческой жизни. Некоторые из них звучат как стихи в прозе, как поэма о лирическом герое, открывающем и постигающем природный мир и мир своей души.

В свое время К. М. Григорьев заметил:

«Никто не сравнится с Тургеневым в умении владеть красками, в способности наложить на изображаемый предмет именно тот оттенок, который

характеризует его в действительности» [Григорьев 1884: 10].

Тургенев-пейзажист прекрасно разбирается не только в колорите, цвете, но и в его оттенках.

Все это «придает палитре Тургенева особое качество: его краски обладают различной интенсивностью – от непрозрачных, густых, плотных и как бы материальных до просвечивающихся, сквозящих светом, прозрачных и даже как бы растворенных в объемах воздуха, пространства» [Шаталов 1969: 238].

Многое роднило Тургенева с художниками-барбизонцами: изображение природы и ее явлений с опорой на непосредственные наблюдения и восприятие, «окутывание» предметов воздухом и светом, использование контраста, светлых тонов цвета, точность в деталях, красочная гармония целого, игра тонами, то более, то менее насыщенными. Кроме того, можно говорить об общих мотивах и темах в произведениях русского писателя и барбизонцев, несмотря на некоторые национальные отличия. Суть, конечно, не в деталях и изображенных предметах, а во впечатлении, которые вызывают живописные и словесные пейзажи. Поэтому в пейзажах Тургенева так много света, цвета с различными оттенками, переливами света и тени.

Становление Тургенева как искусного художника-пейзажиста произошло уже в пору создания книги «Записки охотника», в которой он демонстрирует свое неповторимое видение природы в красках, свете, цветах, тонах и оттенках. Но самое главное заключалось в том, что Тургенев впервые в русской литературе начал изображать обыденный реалистический пейзаж, лишенный всякой романтической экзотики. Здесь он пошел по следам барбизонцев, изображавших обычную природу в окрестностях деревушки Барбизон, от которой и получила название их художественная школа.

Как и на картинах барбизонцев, в пейзажах Тургенева преимущественно встречаются те же топоры: опушка леса, болотце, луг, холмы, перелески, то есть не что-то экзотическое, а привычные, обыденные уголки природы среднерусской полосы. Они, казалось бы, уже примелькались глазу, но увиденные заново, вызывают щемящее чувство глубинной связи чувствующего и мыслящего человека

с родной природой, родиной, всем, что так дорого, но не замечается в жизненной суете.

Связь автора «Записок охотника» с изобразительным мастерством барбизонцев чувствуется в художественных принципах изображения природы в определенные времена суток (предзакатной мглы, утра, вечера, предгрозового или ненастного дня, наступления ночи). Все пейзажи Тургенева связаны между собой картинами природы средней полосы России, жизни героев, их настроениями, авторской мироконцепцией. Так создается эффект присутствия читателя на месте разворачивания сюжетов книги тургеневских рассказов.

Таким образом, интермедийный характер произведений отечественной литературы предполагает от исследователя и обычного читателя знания специфики смежных искусств, особенно в наш век, когда интерес ко многим произведениям пробуждается посредством обращения к различным видам мультимедийности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфонсов В. Н. Слова и краски. М., 2006. 320 с.
2. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963.
3. Вартанов А. С. О соотношении литературы и искусства // Литература и живопись / [ред. А. Н. Иезуитов]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 5–30.
4. Вартанов А. С. Образы литературы в графике и кино. М., 1961. 56 с.
5. Григорьев К. М. И. С. Тургенев. Литературная характеристика // Дело, 1884. № 1. Отд. «Современное обозрение».
6. Доманский В. А. Портретная живопись в романе М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 4. С. 243–252.
7. Доманский В. А. Кавказ в словесных и живописных пейзажах М. Ю. Лермонтова // Литература в школе. 2014. № 12. С. 2–4.
8. Доманский В. А. «Интерьерный театр» Гоголя (на материале поэмы «Мертвые души») // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция). Вып. 3. Ред. Н. В. Хомук. Томск, 2010. С. 257–263.
9. Доманский В. А. Изобразительный мир Гончарова: между Рафаэлем и фламандством // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2012. С. 19–29.
10. Моруа Андре. Тургенев. М., 2001. 189 с.
11. Сапаров М. А. Словесный образ и зримое изображение (Живопись – Фотография – Слово) / М. А. Сапаров // Литература и живопись / [ред. А. Н. Иезуитов]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 66–92.
12. Тахо-Годи М. А. Литература и живопись в романе

Р. Роллана «Жан-Кристоф» / М.А. Тахо-Годи // Литература и живопись / [ред. А.Н. Иезуитов]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 252–267.

13. Тимашиков А. Ю. К истории понятия интермедийности в зарубежной науке / А.Ю. Тимашиков // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Том III: Культурная динамика. СПб: Алетейя, 2008. С. 112–119.

14. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. в 12 т. Письма в 18 т. М., 1983–2018.

15. Флакер А. Живописная литература и литературная живопись. М.: Три квадрата, 2008. 432 с.

16. Шаталов С.Е. Палитра Тургенева // Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М. 1969. 238 с.

17. Цветков И. Е. Встреча с И. С. Тургеневым // Лит. наследство. Т. 76. М., 1967 / Публ. И. С. Зильберштейна. С. 415–422.

18. Hansen-Löve A. A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst – Am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / hg. von W. Schmid und W.-D. Stempel. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. Wien 1983, pp. 291–360.

19. Hansen-Löve A. A. Intermedialität der Moderne zwischen linguistic und pictorial turn. Zum medialen Ort des Verbalen – mit Rückblicken auf russischen Medienlandschaften (Vortrag Konstanz, April 2006). München, 2007. 60 p.

REFERENCES

1. Alfonsov V.N. (2006) Slova i kraski [Words and colors]. Moscow, 320 p. (in Russian).

2. Blok A. A. (1960–1963) Sbranie sochinenij: v 8 t. [Collected Works]. In 8 vol. Moscow–St. Petersburg. (in Russian).

3. Vartanov A. S. (1982) O sootnoshenii literatury i iskusstva [On the relationship editor A.N. Iezuitov]. Leningrad, pp. 5–30. (in Russian).

4. Vartanov A. S. (1961) Obrazy literatury v grafike i kino [Images of literature in graphics and cinema]. Moscow, 56 p. (in Russian).

5. Grigor'ev K. M. (1884) I. S. Turgenev. Literaturnaja harakteristika [I. S. Turgenev. Literary characteristics]. Delo [Delo]. no.1 Otdel. Sovremennoe obozrenie [The Department. Modern Review]. (in Russian).

6. Domanskij V. A. (2013) Portretnaja zhivopis' v romane M. Ju. Lermontova «Knjaginja Ligojskaja» [Portrait painting in the novel «Princess Ligojskaja» by M. Ju. Lermontov]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. v. 14, no. 4, pp. 243–252. (in Russian).

7. Domanskij V. A. (2014) Kavkaz v slovesnyh i zhivopisnyh pejzazhah M. Ju. Lermontova [Caucasus in verbal and picturesque landscapes M. Ju. Lermontov]. In: *Literatura v shkole* [Literature at school]. no. 12, p. 2–4. (in Russian).

8. Domanskij V. A. (2010) «Inter'ernyj teatr» Gogolja (na materiale pojemy «Mertvye dushi») [«Interior Theater» by Gogol (based on the poem «Dead Souls»)]. In: *N. V. Gogol' i slavjanskij mir (russkaja i ukrainskaja recepcija)*. [N. V. Gogol and the Slavic

World (Russian and Ukrainian reception)]. rel. 3. eds. N.V. Homuk. Tomsk, p. 257–263. (in Russian).

9. Domanskij V. A. (2012) Izobrazitel'nyj mir Goncharova: mezhdurafajelem i flamandstvom» [The Fine World of Goncharov: Between Raphael and Flemishness] In: *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 200-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova*. [Proceedings of the V International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of I. A. Goncharova]. Ulyanovsk, p. 19–29. (in Russian).

10. Morua Andre. (2001) Turgenev. [Turgenev] Moscow, 189 p. (in Russian).

11. Saparov M. A. (1982) Slovesnyj obraz i zrimoe izobrazhenie (Zhivopis' – Fotografija – Slovo) Verbal image and visual image (Painting – Photography – Word). M. A. Saparov. In: *Literatura i zhivopis' [Literature and painting]*. eds. A. N. Iezuitov. Leningrad, pp. 66–92. (in Russian).

12. Taho-Godi M. A. Literatura i zhivopis' v romane R. Rollana «Zhan-Kristof» [Literature and painting in the novel by R. Rolland «Jean-Christophe»] In: *M. A. Taho-Godi. Literatura i zhivopis' [Literature and painting]*. eds. A. N. Iezuitov. Leningrad, pp. 252–267. (in Russian).

13. Timashkov A. Yu. (2008) K istorii ponjatija intermedial'nosti v zarubezhnoj nauke [On the history of the concept of intermediality in foreign science]. In: *A. Yu. Timashkov. Fundamental'nye problemy sovremennoj kul'turologii. Tom III: Kul'turnaja dinamika [Fundamental problems of modern cultural studies. Volume III: Cultural Dynamics]*. St. Petersburg, pp. 112–119. (in Russian).

14. Turgenev I. S. (1983–2018) Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. Soch. v 12 t. Pis'ma v 18 t. [Full collection op. and letters. In 30 volumes. Op. in 12 volumes. Letters in 18 volumes]. Moscow. (in Russian).

15. Flaker A. (2008) Zhivopisnaja literatura i literaturnaja zhivopis' [Painting literature and literary painting]. Moscow, 432 p. (in Russian).

16. Shatalov S. E. (1969) Palitra Turgeneva [Turgenev's palette] In: *Shatalov S. E. Problemy pojetiki. I. S. Turgeneva [Problems of the poetics of I. S. Turgenev]*. Moscow, 238 p. (in Russian).

17. Cvetkov I. E. (1967) Vstrecha s I. S. Turgenevym [Meeting with I. S. Turgenev] In: *Lit. nasledstvo [Lit. inheritance]*. Publ. I. S. Zil'bershtejna [Publication of I. S. Zilberstein]. Moscow, t. 76, pp. 415–422. (in Russian).

18. Hansen-Löve A. A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst – Am Beispiel der russischen Moderne In: Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / hg. von W. Schmid und W.-D. Stempel. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. Wien 1983, pp. 291–360.

19. Hansen-Löve A. A. Intermedialität der Moderne zwischen linguistic und pictorial turn. Zum medialen Ort des Verbalen – mit Rückblicken auf russischen Medienlandschaften (Vortrag Konstanz, April 2006). München, 2007. 60 p.

Е.Н. Виноградова,
Л.П. Клобукова

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОГОВ В НОРМАТИВНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОГО УРОВНЯ ОБЩЕГО ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ. СТАТЬЯ 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАНДАРТ И ПРОГРАММА

EKATERINA N. VINOGRADOVA, LIUBOV P. KLOBUKOVA
SOME LINGUODIDACTIC PROBLEMS OF PREPOSITIONAL DESCRIPTION IN STANDARD METHODOLOGICAL
DOCUMENTS ON B2 LEVEL (COMMON LANGUAGE) OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.
ARTICLE 1. THE STATE STANDARD AND THE PROGRAM

Екатерина Николаевна Виноградова

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка для иностранных
учащихся гуманитарных факультетов МГУ
имени М. В. Ломоносова
► ekaterinavin@mail.ru

Любовь Павловна Клобукова

доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, заведующая
кафедрой русского языка
для иностранных учащихся гуманитарных
факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова
► klobukov@list.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

*Ekaterina N. Vinogradova,
Liubov P. Klobukova*

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia*

В статье анализируются лингвометодические проблемы, возникающие при отборе лексико-семантических вариантов предлогов, включаемых в содержание обучения на Втором сертификационном уровне общего владения русским языком как иностранным (РКИ), рассматриваются вопросы их презентации в таких важных нормативно-методических документах данного уровня, как Государственный стандарт и Программа.

Ключевые слова: предлог; Второй уровень общего владения РКИ; Государственный стандарт; Программа.

The article focuses on some linguistic and methodical problems arising while selecting lexico-semantic variants of the prepositions to be included into B2 level (common language) teaching content alongside with some moot points of prepositional presentation in such important standard methodical documents of this level, as the State Standard and the Program.

Keywords: preposition; lexico-semantic variant; Russian as a foreign language tests; level B2; common language; State Standard; Program.

Данная статья продолжает серию публикаций о проблемах отбора и презентации предлогов в нормативно-методических документах разных уровней Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному [Виноградова, Клобукова 2016; 2017а; 2017б; 2018; 2019а] и посвящена анализу представления предлогов в нормативно-методических документах Второго уровня общего владения русским языком как иностранным (РКИ) – уровня В2 в европейской системе координат.

С этой целью были проанализированы и сопоставлены следующие документы:

1) Государственный стандарт Второго уровня владения РКИ (далее – ГС ВУ) [Государственный стандарт 1999] и Требования к Первому

уровню владения РКИ (далее – Требования ПУ) [Требования 2015];

2) ГС ВУ и Лексический минимум ВУ (далее – ЛМ ВУ) [Лексический минимум. Второй уровень 2019];

3) Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1-С2 (далее – Программа) [Программа 2017] и ГС ВУ;

4) Программа и ЛМ ВУ;

5) ЛМ ВУ и ЛМ ПУ [Лексический минимум. Первый уровень 2019];

6) комплекс всех нормативно-методических документов ПУ и ВУ.

В настоящей публикации представлен анализ материалов ГС и Программы в сравнении с другими нормативно-методическими документами системы, названными выше. Результаты же сопоставления ЛМ ВУ и ЛМ ПУ, нормативно-методических документов ВУ и ПУ в целом, а также общие выводы будут изложены в статье 2¹.

1. ГС ВУ и Требования ПУ

В ГС ВУ, как и в других ГС, предлоги представлены в 2 частях документа: в разделе «Служебные части речи» и в разделе «Имя существительное».

В разделе «Служебные части речи» обычно приводятся открытые списки служебных языковых единиц, в частности в ГС ВУ указаны предлоги «*в, для, до, за, из, к, над, о/об, от, перед, по, при, с, у, через ...; кроме, мимо, около, после, среди...; в течение, по мере, благодаря, несмотря на...*». Помимо этого в ГС ВУ подчеркивается «многозначность предлогов (*по, у, о* и др.)» [Государственный стандарт 1999: 17].

Напомним, что аналогом ГС ВУ на ПУ являются Требования [Требования 2015], однако сопоставление списков предлогов в этих документах в разделах «Служебные части речи» не вполне обоснованно, так как оба реестра являются открытыми. Кроме того, в Требованиях ПУ указано, что полный список предлогов содержится в ЛМ. Очевидно, что в отношении реестра предлогов, актуальных для ВУ, действует тот же принцип: необходимо анализировать словник ЛМ ВУ. Пока что отметим лишь появле-

ние в ГС ВУ двух новых предлогов относительно ЛМ ПУ и Требований ПУ: *по мере* + р.п. и *в течение* + р.п.

В разделе «Имя существительное» в ГС ВУ новых предлогов, по сравнению Требованиями ПУ, не вводится, однако включены новые значения падежей с предлогами; так, на с. 15 представлено «употребление падежей в следующих значениях (помимо значений, изученных на I сертификационном уровне)» [Государственный стандарт 1999: 15]. Сопоставим значения падежей с предлогами в ГС ВУ с теми значениями, которые выделены для тех же предлогов в Требованиях ПУ (см. табл. 1).

Анализ табл. 1 побуждает обратить особое внимание на проблемы формулировки значений падежей с предлогами в рассматриваемых нормативно-методических документах. Прежде всего, нельзя не заметить, что в Требованиях ПУ и ГС ВУ (несмотря на то, что это однотипные документы, адресованные одному кругу читателей) в ряде случаев предлагаются различные номинации одних и тех же значений; ср., например, 'совместность' и 'лицо-партнер, соучастник действия' для *с* + т.п. При этом некоторые формулировки в Требованиях представляются, на наш взгляд, более корректными, по сравнению с соответствующими номинациями в ГС: таковы 'время регулярно повторяющегося действия' (ср.: 'регулярное время действия') и 'местонахождение' (ср.: 'место нахождения действия').

Отметим также, что отдельные номинации в ГС ВУ не соответствуют приводимым примерам: 'место нахождения действия' *Магазин за углом*; 'время действия' *Студент взял книгу в библиотеке на неделю*. Кроме того, в ряде случаев желательно было бы предложить более детальное описание значения предложно-падежной формы, в частности с помощью знака слеш. Так, для *к* + д.п. с примерами *Мы готовимся к экзаменам. Любовь к родине – великое чувство. Игорь совсем равнодушен к музыке* корректнее, на наш взгляд, было бы указать не 'объект действия', а 'объект действия / отношения'; для *перед* + т.п. с примерами *Я сижу перед окном. Машина остано-*

Сопоставление значений падежей с предлогами в ГС ВУ и в Требованиях ПУ²

	Требования ПУ	ГС ВУ
в + п.п.	время: <i>Друг приехал в сентябре, на прошлой неделе. В будущем году я поеду в Китай.</i>	время действия: <i>В детстве она много болела.</i>
за + в.п.	время достижения результата действия: <i>Павел написал статью за день.</i>	время действия: <i>Я выучил иностранный язык за год.</i>
за + т.п.	местонахождение: <i>Сад находится за домом.</i>	место нахождения действия: <i>Магазин за углом.</i>
		время действия: <i>Мы поговорим за обедом.</i>
из + р.п.		причина действия: <i>Он помог нам из жалости.</i>
из-за + р.п.	причина: <i>Из-за дождя мы не пошли гулять.</i>	причина действия: <i>Мы не пошли гулять из-за дождя.</i>
к + д.п.		объект действия: <i>Мы готовимся к экзаменам. Любовь к родине – великое чувство. Игорь совсем равнодушен к музыке.</i>
на + в.п.	время, срок действия: <i>Сестра уехала на неделю.</i>	время действия: <i>Студент взял книгу в библиотеке на неделю.</i>
	направление движения: <i>Ребята пошли на берег реки.</i>	направление движения: <i>Поезд на Москву уходит через час.³</i>
о + п.п.	объект мысли, речи: <i>Я часто думаю о семье.</i>	объект действия: <i>Мать всегда заботится о детях⁴.</i>
от + р.п.		назначение предмета: <i>Купить лекарство от гриппа.</i>
	причина: <i>Голова болит от шума.</i>	причина действия: <i>Отец улыбнулся от радости.</i>
перед + т.п.	местонахождение: <i>Цветы растут перед домом.</i>	место нахождения действия: <i>Я сижу перед окном. Машина остановилась перед Большим театром.</i>
по + д.п.	время регулярно повторяющегося действия: <i>По субботам я хожу в бассейн.</i>	регулярное время действия: <i>Мы занимаемся музыкой по средам.</i>
при + п.п.	время: <i>Академия наук была основана при Петре Первом.</i>	время действия: <i>При чтении нового текста надо выписывать слова.⁵</i>
с + т.п.	совместность: <i>Отец разговаривает с сыном.</i>	лицо-партнер, соучастник действия: <i>Мы с руководителем обсудили результаты опыта. Я поссорился с братом.</i>
		образ, способ действия: <i>Он говорил с улыбкой. Трудно ответить с уверенностью.</i>
через + в.п.	временной интервал между событиями: <i>Банк откроется через час.</i>	время действия: <i>Соревнования будут через месяц.</i>

вилась перед Большим театром – 'место нахождения состояния / действия'. И, конечно, предлагаемые примеры должны строго соотноситься с формулировками актуальных значений предложно-падежных форм; так, для **о** + п.п. 'объект мысли, речи' (*Я часто думаю о семье*) целесообразно добавить пример типа *Мы говорим об экзамене*.

Как видно из табл. 1, в ГС ВУ вводится 5 новых значений падежей с предлогами. При этом представляется не вполне коррект-

ным выделение значения 'объект действия' для предлога **к** + д.п., так как здесь имеет место немотивированное управление глагола *готовиться* (**к** чему?), существительного *любовь* (**к** чему?) и прилагательного *равнодушен* (**к** чему?). Случаи немотивированного управления отмечаются обычно при соответствующих лексемах в ЛМ, а не среди значений предлогов.

Итак, в ГС ВУ, по сравнению с Требованиями ПУ, введены 5 новых ЛСВ предлогов: 'вре-

мя действия' для **за** + т.п., 'причина действия' для **из** + р.п., 'объект действия' для **к** + д.п., 'назначение предмета' для **от** + р.п., 'образ, способ действия' для **с** + т.п. В ГС ВУ включены также 2 новых предлога, по сравнению с Требованиями ПУ: **по мере** + р.п. и **в течение** + р.п. Остальные предлоги и их ЛСВ представляют собой повторение материала ПУ, что не соответствует декларируемому авторами принципу включения в ГС актуальных предложно-падежных значений, «помимо значений, изученных на I сертификационном уровне» [Государственный стандарт 1999: 15].

На наш взгляд, было бы целесообразно исключить из ГС ВУ значения падежей с предлогами, повторяющие языковой материал ПУ, и добавить новые значения, см. например, табл. 2.

2. ГС ВУ и ЛМ ВУ

Полное сравнение ГС ВУ и ЛМ ВУ не представляется релевантным ввиду «открытости» списков языковых единиц в ГС. Однако целесообразно обратить внимание на языковой материал ГС, не включенный в ЛМ. К сожалению, было обнаружено несколько таких несоответствий:

1) в ЛМ ВУ отсутствуют предлоги **в течение** + р.п. и **по мере** + р.п.;

2) в ЛМ ВУ не упомянуты 4 из 5 «новых» ЛСВ предлогов, представленных в ГС ВУ: 'время действия' для **за** + т.п. (*Мы поговорим за обедом*), «спорный» 'объект действия' для **к** + д.п. (*Мы готовимся к экзамену*), 'назначение предмета' для **от** + р.п. (*Купить лекарство от гриппа*), 'образ, способ действия' для **с** + т.п. (*Трудно ответить с уверенностью*).

Таким образом, оказывается, что в ЛМ ВУ в сфере предлогов учтена всего одна новая языковая единица, введенная в ГС ВУ – ЛСВ 'причина действия' для **из** + р.п. На наш взгляд, при переиздании проанализированных выше нормативно-методических документов необходимо привести в соответствие языковой материал ГС ВУ и ЛМ ВУ.

3. Программа и ГС ВУ

Презентация языкового материала в Программе осуществляется по семасиологи-

ческому принципу. При этом основное внимание уделяется синтаксической синонимии, сходствам и различиям в значении и употреблении предложно-падежных конструкций; например, *работать за друга – работать вместо друга; думать о теме – думать над темой; высотой в три метра – высотой 3 метра*. Большое место отводится также детализации значений предлогов, которые уже были освоены инофонами на предыдущих уровнях владения РКИ, и особым случаям их употребления, ср.: *доказать в уме – определить на глаз – сосчитать на пальцах; в сорок лет – под сорок – за сорок – около сорока*.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев материал в Программе представлен недостаточно конкретно, что противоречит самому жанру данного нормативно-методического документа; ср.: «Способы выражения целевых отношений. Предлоги со значением цели. Сходство и различие синтаксических конструкций: с предлогами **на, для** (*на день рождения – для дня рождения*); с предлогами **ради, в качестве, как**⁶ (*ради справедливости – в качестве наказания – как пример*)» [Программа 2017: 131]. Как видим, из данного описания не вполне ясно, какие предлоги со значением цели подлежат изучению на данном уровне. Этим объясняется определенная условность проводимого ниже сопоставления Программы с ГС ВУ и ЛМ ВУ.

Ввиду открытости списков предлогов в ГС ВУ и Программе полное сопоставление материала представляется невозможным. В связи с этим ограничимся констатацией того, что в Программе по непонятным причинам не названы следующие предлоги из ГС ВУ: **через, кроме, мимо, после, среди, в течение, по мере, несмотря на**. Отметим, впрочем, что большинство из этих предлогов было изучено на ПУ. Таким образом, из предлогов, подлежащих усвоению собственно на ВУ, не упомянутыми в Программе являются **по мере** и **в течение**.

4. Программа и ЛМ ВУ

Сопоставительный анализ открытого списка Программы и ЛМ ВУ показал, что в ЛМ

не выделены представленные в Программе следующие ЛСВ предлогов:

- **в** + в.п. в именных словосочетаниях с количественными числительными при обозначении размера (*высотой в три метра*);

- **в** + в.п. при указании на способ осуществления действия (*доказать в уме*);

- **в** + п.п. для выражения семантического субъекта (*В семье все хорошо; В нем есть (нет)...*);

- **с** + т.п. для выражения семантического субъекта (*С другом плохо*);

- **за** + в.п. в сочетании с количественными числительными при обозначении возраста (*за сорок*);

- **за** + в.п. в конструкциях типа: *работать за друга*;

- **под** + в.п. в сочетании с количественными числительными при обозначении возраста (*под сорок*);

- **под** + в.п. для выражения временных отношений (*под Рождество*);

- **от** + р.п. (дата) для выражения временных отношений (*от шестого декабря*);

- **над** + т.п. для выражения объекта (*думать над темой*);

- **на** + п.п. при указании на способ осуществления действия (*определить на глаз – сосчитать на пальцах*).

Отметим также, что в некоторых случаях в ЛМ не приводятся примеры (**над** + т.п.) или они неинформативны для дифференциации значений (**с** + т.п.: *с кем? с чем? – с Наташей*), что не позволяет точно определить, какой / какие ЛСВ имеются в виду.

Кроме того, в ЛМ ВУ отсутствует, а в Программе назван предлог **в качестве**.

Как видим, в этой части необходимо привести в соответствие материал, представленный в ЛМ ВУ и в Программе. В то же время подчеркнем, что проблема отбора и презентации ЛСВ в нормативно-методических документах является весьма сложной; см. об этом подробнее [Виноградова, Клобукова 2019б].

Таким образом, проведенный нами анализ языкового материала в сфере предлогов

в нормативно-методических документах ВУ позволяет сформулировать ряд рекомендаций для их совершенствования. На наш взгляд, целесообразно добавить в ЛМ ВУ отсутствующие там в настоящее время предлоги и ЛСВ предлогов, представленные в ГС и в Программе, единообразить предлагаемые в разных документах формулировки значений, обращая внимание на их соответствие приводимым примерам, достаточную детализированность и др. Кроме того, следует исключить из ГС ВУ значения падежей с предлогами, повторяющие языковой материал ПУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Публикация статьи 2 «Лингводидактические проблемы описания предлогов в нормативно-методических документах Второго уровня общего владения русским языком как иностранным. Статья 2. Лексический минимум» запланирована в номере 3 журнала «Мир русского слова».

2. Серой заливкой помечено отсутствие соответствующего значения падежа с предлогом на ПУ, то есть наращение материала на ВУ.

3. Вряд ли можно ли считать эти значения (с учетом примера, где реализовано определительное значение: *поезд на Москву*) одинаковыми.

4. Не вполне ясно, можно ли считать эти значения одинаковыми.

5. Не вполне ясно, можно ли считать эти значения одинаковыми.

6. Заметим попутно, что **как** – это союз, а не предлог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Отбор и представление предлогов в лексических минимумах по русскому языку (к постановке проблемы) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 95–101.

2. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017а. № 2. С. 95–103.

3. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Базовом уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017б. № 4. С. 87–99.

4. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Первом уровне общего владения русским языком как иностранным. Статья 1. Требования // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 93–99.

5. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Первом уровне

общего владения русским языком как иностранным. Статья 2. Программа и Лексический минимум // Мир русского слова. 2019а. № 1. С. 82–90.

6. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Актуальные лингвотетодические проблемы совершенствования нормативно-методических документов российской государственной системы тестирования // Русский язык за рубежом. 2019б. № 2. С. 72–79.

7. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т. А. и др. М–СПб, 1999.

8. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н. П. Андрушиной. 9-е изд. СПб, 2019.

9. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н. П. Андрушина и др. 10-е изд., СПб, 2019.

10. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо / О. И. Глазунова, Д. В. Колесова, Т. И. Попова. М, 2017.

11. Требования по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль / Н. П. Андрушина и др. 4-е изд. СПб, 2015.

REFERENCES

1. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2016) Otbor i predstavlenie predlogov v leksicheskikh minimumakh po russkomu iazyku kak inostrannomu (k postanovke problemy) [On Selection and Representation of the Prepositions in the Basic Dictionaries on Russian as a Foreign Language]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 2, pp. 95–101. (in Russian).

2. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017) Lingvodidakticheskie problemy opisaniia predlogov na elementarnom urovne obschego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym [Some linguodidactic problems of prepositional description on A1 level (common language) of Russian as a foreign language]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 95–103. (in Russian).

3. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017) Lingvodidakticheskie problem opisaniia predlogov na bazovom urovne obschego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym [Some linguodidactic problems of prepositional description on A2 level (common language) of Russian as a foreign language]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 87–99. (in Russian).

4. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2018) Lingvodidakticheskie problem opisaniia predlogov na pervom urovne obschego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym. Stat'ya 1. Trebovaniia [Some linguodidactic problems of prepositional description on B1 level (common language) of Russian as a foreign language. Article 1. The Requirements]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 93–99. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-14093 (in Russian).

5. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2019) Lingvodidakticheskie problemy opisaniia predlogov na pervom urovne obschego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym. Stat'ya 2. Programma i Leksicheskiy minimum [Some linguodidactic problems of prepositional description on B1 level (common language) of Russian as a foreign language. Article 2. The Program and the Basic dictionary]. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 82–90. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11082 (in Russian).

6. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2019) Actual linguistic and methodical problems of improvement in normative and methodical documents of the Russian state system of testing in Russian as a foreign language [Aktualnye lingvometodicheskie problemy sovershenstvovaniia normativno-metodicheskikh dokumentov rossiiskoi gosudarstvennoi sistemy testirovaniia]. In: *Russkii iazyk za rubezhom [Russian language abroad]*, no. 2, pp. 72–79. (in Russian).

7. Gosudarstvennyi obrazatel'nyi standart po russkomu iazyku kak inostrannomu (1999) [State educational standard on Russian as a foreign language. The second (B2) level. Common language] Ivanova T. A. et al. Moscow – St. Petersburg, 1999. (in Russian).

8. Andriushina N. P. et al. (2019) Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Vtoroi uroven'. Obshchee vladenie [Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level B2. Common language], 9th ed. Moscow; St. Petersburg. (in Russian).

9. Andriushina N. P. et al. (2019) Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Pervyi uroven'. Obshchee vladenie [Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level B1. Common language], 10th ed. Moscow; St. Petersburg. (in Russian).

10. Glazunova O. I. et al. (2017) Programma po russkomu iazyku kak inostrannomu. Urovni A1–C2. Osnovnoi kurs. Fonetika. Leksika. Aудирование. Чтение. Говорение. Письмо. [Program of Russian as a foreign language. Levels A1–C2. Main course. Phonetics. Vocabulary. Grammar. Listening. Reading. Speaking. Writing]. Moscow. (in Russian).

11. Andriushina N. P. et al. (2015) Trebovaniia po russkomu iazyku kak inostrannomu. Pervyi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie. Professional'nyi modul' [Requirements for First level of Russian as a foreign language. Common language. Professional language] 4th ed. St. Petersburg. (in Russian).

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К РАБОТЕ С МЕДИАТЕКСТОМ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

ELENA V. KOZHEVNIKOVA

AN INTEGRATED APPROACH TO THE MEDIA TEXT STUDIES THE CHINESE AUDIENCE

В статье рассматриваются психолого-педагогические особенности обучения китайских стажеров работе с текстами новостей. Особое внимание уделяется способам повышения учебной мотивации китайских обучающихся, а также проблеме формирования у данного контингента слушателей курсов русского языка лингвострановедческой компетенции в общественно-политической сфере общения. Предлагается модель комплексного обучения видам речевой деятельности на материале типового текста актуальной тематики.

Ключевые слова: китайские стажеры; русский язык в общественно-политической сфере общения; обучение чтению, обучение аудированию.

The article describes the psychological and pedagogical features of teaching the Chinese students the language of Russian news reports. We pay particular attention to the ways of increasing the Chinese students' educational motivation but also the formation of their linguistic and regional studies competence in the socio-political sphere of communication. Moreover, the study provides the model of an integrated approach to teaching types of speech activity based on the typical media text about current topics.

Key words: Chinese trainees; Russian within the socio-political communication sphere; teaching reading skills; teaching listening skills.

**Елена Владиславовна
Кожевникова**

Кандидат филологических наук, доцент

► elvlad2010@mail.ru

*Воронежский государственный
университет*

394068, Воронеж, ул. Хользунова, д. 40а.

Elena V. Kozhevnikova

Voronezh State University

394068, 40a Kholzunova St., Voronezh

Формирование лингвострановедческой компетенции у большинства китайских обучающихся часто опережает формирование языковых и речевых навыков, благодаря чему может служить важным фактором повышения их учебной мотивации. Российские преподаватели, работающие на курсах русского языка, опираются на тексты новостей как на источник актуальной информации и лингвострановедческого материала. Придерживаясь принципов диалога культур и педагогики сотрудничества, наставники стремятся не только удовлетворить познавательные потребности своих учеников, но и высказать свою гражданскую позицию, выразить личное отношение к информации. С позиций межкультурной коммуникации, задача российского преподавателя заключается в том, чтобы научить китайских слушателей курсов русского языка выделять сходство и различия в трактовке актуальных вопросов общественно-политической жизни российскими и китайскими средствами массовой информации.

Китайские стажеры, как правило, выбирают курс «Язык СМИ» исходя из собственных представлений о его содержании и структуре. Основное требование, предъявляемое к учебным материалам обучающимися из КНР, – соответствие курса программе Государственного экзамена по русскому языку 8-го уровня [Кожевникова, Трубчанинова 2019: 85–86]. Так, текст для чтения, по мнению китайских стажеров, должен быть насыщен стандартизированными выражениями, языковыми клише, отражающими «языковой вкус» китайских СМИ: *человеческое общество единой судьбы, цели двух столетий, политика реформ и открытости, создание мировых первоклассных университетов, концепция «обоюдного выигрыша»* и др. Знание таких речевых стандартов необходимо выпускникам факультетов русского языка китайских вузов, чтобы выполнить субтест «Перевод». Небольшие по объему аудиотексты (5–10 предложений) должны быть посвящены одной из обязательных для изучения тем. По частоте включения в формализованный субтест «Аудирование» тексты различной тематики условно можно разделить на две группы: 1) высокочастотные («*Визиты, встречи, переговоры*», «*Культура*», «*Спорт*», «*Праздники, юбилеи, торжества*», «*Погода*»), 2) низкочастотные («*Выборы*», «*Форумы*», «*Подписание документов*», «*Экономика и бизнес*», «*Образование*», «*Военные действия*», «*Стихийные бедствия*»). Составители тестовых заданий для Государственного экзамена 8-го уровня отдают предпочтение текстам, имеющим позитивный или нейтральный эмоциональный фон, что прослеживается в частности в тематическом отборе звучащих материалов.

Несмотря на то, что «совокупный вес заданий, связанных с общественно-политической тематикой, в материалах госэкзамена 8 уровня может достигать 40%» [Кожевникова, Трубчанинова 2018: 1516], уровень сформированности коммуникативной компетенции в данной сфере общения у китайских студентов ниже, чем у их ровесников из других стран. Отметим, что студенты китайских вузов используют (крайне нерегулярно) в качестве основного источника информации «Мобильную газету» и почти не смотрят теленовости, т.к. в течение 5–6 лет живут в общежитии. Недостаток или отсутствие фоновых знаний о внешнем мире у большинства китай-

ских стажеров компенсируется наличием стереотипных образов и представлений, которые образуют в их сознании фрагмент наивной картины мира. Существующие стереотипы не могут быть разрушены, однако задача расширения знаний и представлений учащихся может быть решена преподавателем при наличии в аудитории позитивного фона учебной деятельности.

Важными средствами создания позитивного фона учебной деятельности на занятии по курсу «Язык средств массовой информации» являются опоры: ассоциативные (зрительные, слуховые), когнитивные (известные студентам имена, названия, факты, события, устойчивые выражения и др.), смысловые (схема, содержащая обязательные и факультативные компоненты типовой ситуации и речевые средства их реализации; модель типового информативного текста). Основным источником ассоциативных опор может стать аудиовизуальный текст (видеосюжет, видеорепортаж, фрагмент интервью), источником когнитивных опор – печатный медиатекст (заметка, сообщение, статья), источником смысловых опор – специально составленный текст по теме занятия. Следовательно, при разработке каждой темы, изучаемой в рамках курса «Язык средств массовой информации», преподаватель должен составить вводный текст, подобрать несколько видеосюжетов и заметок, иллюстрирующих отдельные этапы освещаемых событий, а также аналитическую статью, последовательно расставив таким образом различные опоры для слушателей курса. Необходимо отметить, что «требования к текстам для аудирования и для чтения не совпадают и во многом противопоставлены: тексты для аудирования универсальны, понятны, доступны, позитивны; тексты для чтения – актуальны, национально ориентированы, проблемны (предполагают различные трактовки и оценки содержащейся в них информации)» [Кожевникова 2019: 208]. Все тексты, составленные и отобранные с учетом особенностей контингента, представят ситуацию в различных ракурсах и с различных позиций, дополняя друг друга и создавая у слушателей целостное представление о положении вещей. Рассмотрим на примере темы «Президентские выборы в России», как реализуется комплексный подход при работе с медиатекстами (аудиовизуальными и печатными).

На этапе лексической работы обучающимся предлагается словарь, содержащий не менее 30 номинативных единиц, образующих тематическую группу «Выборы», не менее 10 глаголов и глагольно-именных сочетаний, лексически связанных с существительными данной группы, а также прилагательные и наречия, наиболее частотные в текстах данной тематики. Контроль понимания и усвоения лексических единиц осуществляется с помощью заданий в тестовой форме (задания на установление соответствия, задания множественного выбора). Эффективным средством повышения интереса стажеров к изучаемой теме считаем задания с опорой на фотогалерею (портреты российских государственных деятелей, изображения эмблем общественных организаций и политических партий, фотографии и фоторепортажи с места событий). Такие задания направлены на формирование навыков соотнесения зрительного образа и лексических единиц, «графического и звукового облика слова-наименования, отдельных фрагментов видеоряда и элементов списка слов» [Кожевникова 2014: 269], развитие навыков чтения имен собственных (фамилий, имен, отчеств; полных и сокращенных наименований, в том числе аббревиатур). Необходимым компонентом лексической работы в китайской аудитории является сопоставление русских и китайских наименований реалий, в данном случае – установление соответствий между названиями высших государственных должностей в РФ и КНР.

Этап грамматической работы предваряется вводным текстом, содержащим схему «Этапы выборной кампании»: «Выдвижение кандидатур на пост Президента», «Регистрация кандидатов Центризбиркомом», «Работа участковых избирательных комиссий», «Единый день голосования», «Подведение итогов Центризбиркомом», «Инаугурация». После прочтения текста обучающимся предлагается выполнить ряд упражнений, направленных на развитие навыков употребления в письменной речи представленных в тексте лексических единиц и грамматических конструкций. Этап грамматической работы над темой «Выборы», как и этап лексической работы, должен содержать сопоставительный компонент. Параллельно с языковым материалом, базирующимся на российских реалиях, в грамма-

тические упражнения для китайских стажеров целесообразно включать лексические единицы и фактические данные, отражающие ситуацию выборов в КНР. На развитие навыков устной речи направлены задания с опорой на текст избирательного бюллетеня выборов Президента России в 2018 году.

Предложенная система подготовительных упражнений позволит китайским учащимся адекватно воспринимать аудиовизуальные и печатные медиатексты о различных этапах выборной кампании. Оптимальным для китайской аудитории является использование аудиовизуальных медиатекстов с субтитрами. В китайской методике обучения аудированию (в том числе аудированию новостей) традиционной является следующая последовательность упражнений: после первого и четвертого прослушиваний – задания в вопросно-ответной форме, после второго и третьего прослушиваний – задания с опорой на печатный текст (восстановление в тексте пропущенных слов или коротких фраз; тест множественного выбора). Такой набор аудитивных упражнений вполне применим при работе с видеосюжетами по теме «Выборы» и может быть дополнен заданиями, традиционными для российской методики, – установление правильной последовательности (в нашем случае – освещаемых в репортаже событий), выделение новой информации. Главные требования к видеосюжетам, используемым в учебных целях, – информативность и экспрессивность, поэтому особого внимания заслуживают репортажи, фиксирующие различные этапы проведения голосования и одновременно передающие атмосферу единого дня голосования. Наличие в видеосюжете знакомых китайским студентам образов и символов (в том числе государственных: флаг, герб, гимн) облегчает процесс фиксации ассоциативных опор и их связей с определенными компонентами типовой ситуации: герб РФ на урне для голосования на избирательном участке, флаги на Красной площади на митинге после объявления предварительных итогов голосования, гимн РФ после принесения Президентом присяги во время церемонии инаугурации.

Экспрессивный аудиовизуальный текст требует поддержки информационно насыщенным печатным текстом, содержащим разнообразный фактический и языковой материал. Отметим, что типо-

логия заданий для **обучения чтению медиатекстов** малой формы практически не отличается от комплекса аудитивных упражнений. Однако при работе с медиатекстами на бумажных носителях преподаватель, как правило, уделяет больше внимания деталям информации, для чего он вводит дополнительный лексико-грамматический материал к каждому тексту. Конструкции, с помощью которых детализируется информация, часто оказываются стилистически маркированными относительно официально-публицистического стиля и представляют интерес только для узких специалистов: *претендовать на победу в первом туре, опустить бюллетень в урну для голосования, проводить экзит-пулы при выходе с избирательных участков, обжаловать итоги выборов, выявить нарушения* и др. С этой точки зрения, подобные языковые единицы можно рассматривать как предназначенные для пассивного усвоения. Объем новой лексики значительно увеличивается при работе с текстами интервью и аналитической статьи, поэтому аутентичные тексты этих жанров публицистики целесообразно предъявлять в китайской аудитории фрагментарно только для факультативного изучения при условии наличия в них актуальной для китайских слушателей информации.

Чтобы выделить тематический минимум лексических единиц, обязательных для активного усвоения, преподаватель может составить текст диктанта о выборах Президента РФ в 2018 году, ориентированный на уровень языковой подготовки большинства слушателей группы. С целью активизации навыков устной речи в общественно-политической сфере общения обучающимся предлагается пересказ текста диктанта или самостоятельная подготовка презентации по изучаемой теме (по выбору).

В первом выпуске учебного пособия «Русский язык в общественно-политической сфере общения: Вводный курс» [Кожевникова, Саввина, Трубочнинова, 2017] мы предложили модель автономного обучения рецептивным видам речевой деятельности на базе систематизированных по ситуативной тематике употребленных речевых конструкций, частотных в аутентичных текстах новостей. В подготовленном к изданию втором выпуске «Русский язык в общественно-политической сфере общения: Основной курс» применяется комплексный подход

к работе с медиатекстом, который предусматривает, во-первых, следование тематическому и сопоставительному принципам представления учебного материала (в том числе страноведческого), во-вторых, разработку системы смысловых опор с учетом ситуативной типологии употребления языковых единиц в текстах новостей, а также единого комплекса учебных заданий, направленных на развитие у китайских стажеров речевых навыков в общественно-политической сфере общения.

Отметим, что в каждом из запланированных трех выпусков [Кожевникова 2016] будет проследиваться сквозная тема, определяемая в том числе «языковым вкусом эпохи» и общественным настроением, господствующим в России в момент создания пособия. В первом выпуске такой темой стало празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, на фоне которого происходит действие многих текстов, вошедших в этот выпуск: «Парад Победы 2015 года», «Визит Председателя КНР в Россию в 2015 году», «Новогоднее обращение Президента России (2015 год)» и др. Наличие сквозной темы помогает китайским учащимся выстроить для себя логику событий, дает им ключ к пониманию актуальной ситуации и ощущение сопричастности к происходящему в мире, благодаря чему некоторые из них смогут преодолеть свой изоляционизм. Во втором выпуске проследивается сквозная тема выбора (типичная ситуация «Голосование»): «Общероссийское голосование по изменениям в Конституции РФ 2020 года», «Единый день голосования 18 марта 2018 года», «Голосование в Совете Безопасности ООН», «Голосование по вопросу о выходе Великобритании из ЕС» и др. Однако данная типовая ситуация может быть реализована в двух вариантах – «до пандемии» / «во время пандемии», каждый из которых имеет свой эмоциональный фон: «ощущение стабильности» / «ощущение неопределенности». Сопоставляя тексты, в которых ситуация представлена с различных точек зрения (официально-информативный текст / неофициально-информативный текст; тексты разных жанров; тексты информационных агентств разных стран; «доковидные» тексты / тексты эпохи «новой нормальности»), китайские стажеры учатся выделять и анализировать различия в трактовке событий, адекватно воспринимать чужое мнение и интерпретировать непонятное.

Итак, комплексный подход к работе с медиа-текстом способствует формированию и развитию у китайских стажеров когнитивной базы, речевых навыков в общественно-политической сфере общения на русском языке, поскольку предполагает эмоциональное воздействие и опору на невербальные элементы коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевникова Е. В. Критерии отбора текстовых материалов для занятий по курсу «Язык СМИ» в группах иностранных обучающихся // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VII Международной научной конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»: Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 28–30 ноября 2019 г. / Отв. редактор: О.В. Чагина. М.: МАКС Пресс, 2019. Вып. XX. С. 207–208.

2. Кожевникова Е. В. Обучение иностранных учащихся аудированию (на материале текстов российских СМИ) // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе: материалы Третьей международной научно-методической конференции (Москва, МГИМО (У) МИД России, 19–20 февраля 2014 года). М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 268–270.

3. Кожевникова Е. В. Проект учебно-методического комплекса «Русский язык в общественно-политической сфере общения» // Поиск. Опыт. Мастерство : актуальные вопросы обучения иностранных студентов : сб. статей. Вып. 19. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 16–22.

4. Кожевникова Е. В., Трубчанинова М. Е. Учебно-методическая деятельность по обучению китайских стажеров русскому языку в российском вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. Вып. 2 (831), 2019. С. 80–90.

5. Кожевникова Е. В., Трубчанинова М. Е. Формирование языковой компетенции в деловой и общественно-политической сферах общения в группах китайских стажеров-русистов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 1514–1518.

6. Кожевникова Е. В., Саввина С. Л., Трубчанинова М. Е. Русский язык в общественно-политической сфере общения: вводный курс: учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный / [ред. Е. В. Кожевникова]. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 121 с.

REFERENCES

1. Kozhevnikova E. V. (2019) Kriterii otbora tekstovykh materialov dlia zaniatii po kursu «Iazyk SMI» v gruppakh inostrannykh obuchaiushchikhsia [The Criteria of the text material selection on the course “The Language of Mass Media” for the foreign students]. In: *Slovo. Grammatika. Rech': Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniia*

v tseliakh prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo»: Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 28–30 noiabria 2019 goda / Otv. redaktor: O.V. Chagina. [Word. Grammar. Speech. Proceeding of the VII International Scientific Conference “Text: Problems and Perspectives. Aspects of Studying for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language”] (Russia, Moscow State University, November 28–30, 2019) (Executive ed.: Olga V. Tchagina). Moscow, iss. XX, pp. 207–208. (in Russian)

2. Kozhevnikova E. V. (2014) Obuchenie inostrannykh uchashchikhsia audirovaniu (na materiale tekstov rossiiskikh SMI) [Teaching listening skills to the students of the Russian as a foreign language through Mass Media]. In: *Aktual'nye problemy prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo v vuze: materialy Tre'tei mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* (Moskva, MGIMO (U) MID Rossii, 19–20 fevralia 2014 goda) [Topical Issues of Teaching Russian as a Foreign Language in University. Proceeding of the 3rd International Scientific and Methodical Conference: MGIMO(University), February 19–20, 2014]. Moscow, pp. 268–270. (in Russian)

3. Kozhevnikova E. V. (2016) Proekt uchebno-metodicheskogo kompleksa «Russkij jazyk v obshchestvenno-politicheskoi sfere obshhenija» [The Project of the training and methodology complex “The Russian language in the socio-political sphere of communication”]. In: *Poisk. Opyt. Masterstvo : aktual'nye voprosy obucheniia inostrannykh studentov : sbornik statei [Search. Experience. Mastership : topical issues of teaching Russian as a foreign language : digest of articles]*. Voronezh, iss. 19, pp. 16–22.

4. Kozhevnikova E. V., Trubchaninova M. E. (2019) Uchebno-metodicheskaya dejatel'nost' po obucheniju kitayskikh stazhyorov russkomu yazyku v rossiiskom vuze [Teaching Russian as a foreign language to Chinese students at a Russian Institution of higher Education]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies]*, no. 2 (831), pp. 80–90.

5. Kozhevnikova E. V., Trubchaninova M. E. (2018) Formirovanie iazykovoi kompetentsii v delovoi i obshchestvenno-politicheskoi sferakh obshcheniia v gruppakh kitaiskikh stazherov-rusistov [Language competence Formation within business and socio-political communication spheres in groups of Chinese Trainees-Philologists]. In: *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii [Elektronnyi resurs]. Vypusk 6. Materialy VI Kongressa ROPRIAL (g. Ufa, 11–14 oktiabria 2018 goda) [Dynamics of linguistic and cultural processes in contemporary Russia. Proceeding of the 6th Congress of ROPRIAL]*, vol. 6, St. Petersburg, (CD-R), pp. 1514–1518. (in Russian)

6. Kozhevnikova E. V., Savvina S. L., Trubchaninova M. E. (2017) Russkii iazyk v obshchestvenno-politicheskoi sfere obshcheniia: vvodnyi kurs: uchebnoe posobie dlia izuchaiushchikh russkii iazyk kak inostrannyi [redaktor E. V. Kozhevnikova]. [The Russian language in the socio-political sphere of communication: introductory course: study guide for Russian as a foreign language learners]. Voronezh, 121 s.

ЭЛЕКТРОННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

LILIANA V. VORONOVA, TATIANA A. ZHUKOVA
ELECTRONIC LANGUAGE EDUCATION IS A CHALLENGE OF THE TIME

В статье анализируются проблемы, связанные с переходом языкового образования в дистанционный формат, предлагаются пути решения обозначенных проблем. В качестве актуальных инновационных дидактических средств обучения русскому языку как иностранному в современных условиях рассматриваются возможности разработок и внедрения в учебный процесс мобильных приложений, в том числе с учётом регионального компонента.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; электронное обучение; мобильные приложения в языковом образовании.

The article analyses the problems related to the transition of language education to a remote to a distance format, suggests ways to solve these problems. As relevant innovative didactic means of teaching Russian as a foreign language in modern conditions the possibilities of development and introduction of mobile applications into the educational process, including taking into account the regional component, are considered.

Keywords: Russian as a foreign language; e-learning; mobile applications in language education.

Лилиана Вячеславовна Воронова

Кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка как
иностранного
▶ voronova.lv@dvvfu.ru

Татьяна Алексеевна Жукова

Кандидат филологических наук, доцент
▶ zhukova.ta@dvvfu.ru

Дальневосточный федеральный
университет

690922, Приморский край, г. Владивосток,
кампус ДВФУ, о. Русский, п. Аякс, 10

Liliana V. Voronova,
Tatiana A. Zhukova

Far Eastern Federal University

690922, FEFU Campus, 10 Ajax Bay,
Russky Island, Vladivostok, Russia

Обстоятельства, сложившиеся в настоящее время в мировом социуме, привели к значительным изменениям в образовательной индустрии, в том числе языковой. Процесс обучения перешёл в дистанционный формат. Образование быстро отреагировало на вызов времени. Несмотря на то, что технологическое направление в методике преподавания русского языка как иностранного начало активно развиваться в начале XXI века (см. труды учёных-методистов – Э.Г. Азимова, С.А. Асановой, А.Н. Богомолова, А.Д. Гарцова, Л.А. Дунаевой, О.И. Руденко-Моргун и др.), многие преподаватели РКИ оказались не готовы к преподаванию языковых дисциплин в удалённом режиме. При этом отчётливо стали понятны существующие проблемы в использовании преподавателями РКИ инфокоммуникационных технологий и проблемы адаптации преподавателей к работе в новых условиях. Естественно, снятию проблем в дальнейшем поможет качественная подготовка будущих преподавателей РКИ: знакомство с основами электронной лингводидактики, использование инновационных педагогических технологий на основе научных разработок по формированию эффективной цифровой образовательной среды для иностранных студентов, в том числе с созданием новых инструментов и ресурсов обучения, средств оценивания и т.д.

Современная ситуация потребовала переосмысления содержимого учебных планов и содержательного наполнения дисциплин, связанных с подготовкой преподавателей русского языка как иностранного к будущей профессиональной деятельности. В концепции магистерской про-

граммы «Русский язык как иностранный» (направление 45.04.01 «Филология»), которая реализуется в Восточном институте – Школе региональных и международных исследований ДВФУ, заложено практико ориентированное обучение: в процессе освоения любой дисциплины магистрант должен приобрести не только знания, но и навыки, умения, необходимые ему в дальнейшей профессиональной деятельности филолога – преподавателя РКИ, которая в настоящий момент уже невозможна без знаний современных цифровых технологий и умений решать дидактические задачи с помощью различных инновационных телекоммуникационных инструментов. На занятиях по дисциплине «Инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному» будущие преподаватели РКИ знакомятся с теми возможностями и разработками, которые предоставляет на современном этапе IT-отрасль. Магистранты учатся проводить видеоконференции, онлайн-уроки, вебинары; знакомятся с терминологией, которая помогает идентифицировать объект, относящийся к новой области знания; участвуют в создании проектных работ, в которых предлагаются пути решения различных лингводидактических задач в существующих форматах обучения – в смешанном, дистанционном и др.

Стандарт по направлению «Филология» (программа магистратуры) предполагает, что во время обучения у магистрантов должны быть сформированы три типа компетенций: общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные. В учебном плане указан тот набор компетенций, которые должны быть приобретены в процессе изучения магистрантом дисциплины. Полагаем, что при использовании дистанционной формы обучения общепрофессиональная компетенция должна быть дополнена межпредметной, позволяющей будущему преподавателю РКИ осуществлять взаимодействие смежных дисциплин в электронном формате. А профессиональная компетенция – информационно-телекоммуникационной компетенцией, формирование которой даст возможность магистранту – будущему преподавателю РКИ чётко ориентироваться в новейших технологиях, которые предлагает компьютерная лингводидактика. Преподаватель русского языка как иностранного должен

быть готов к созданию инновационных дидактических и методических средств обучения русскому языку, которые характеризуются «высокой адаптивностью, целевой и функциональной направленностью учебных материалов, их вариативностью, гибкостью и т.д.» [Гарцов 2009: с. 13].

Одним из актуальных инновационных дидактических средств обучения русскому языку как иностранному в современных условиях могут стать мобильные приложения. Информационные технологии в настоящее время используются повсеместно, возможности смартфонов возрастают, а множество мультимедийных приложений для смартфонов способствует расширению образовательного потенциала этого устройства. Соответственно, студенты, осваивающие магистерскую программу «Русский язык как иностранный», должны не только иметь навык работы с образовательными мобильными приложениями, но также обязаны стремиться овладеть умением совместной (с программистами) разработки дидактических мобильных приложений в готовых шаблонах.

Мобильные приложения работают на разных операционных системах (Android, Apple iOS, Microsoft и др.), их можно загрузить через виртуальный магазин GooglePlay или AppStore. Бесспорно, образовательным потенциалом обладают не только специально разработанные для изучения русского языка приложения, но и различные бесплатные (или условно бесплатные) мобильные приложения. Такие приложения, как AccuWeather, GoogleMaps, Кинопоиск, Купибатон и др., можно успешно интегрировать в учебный процесс для активизации навыков всех видов речевой деятельности иностранных студентов. С помощью подобных мобильных приложений представляется возможным организовать самостоятельную работу студентов по освоению тем «Глаголы движения», «Прилагательные (характеристика предмета)», «Числительные» и др. Для студентов, обучающихся во Владивостоке, актуально приложение 2Гис <https://2gis.ru/vladivostok>, поскольку оно содержит названия и характеристики объектов, локализованных во Владивостоке и Приморском крае.

В отличие от мобильных приложений общего профиля, образовательные мобильные приложения направлены на специализированное изучение лек-

стики и грамматики. Все образовательные мобильные приложения, по мнению Ж.Е. Ермолаевой [Ермолаева 2020], представлены пятью основными видами: 1) приложения для визуального изучения русского языка; 2) приложения, ориентированные на применение грамматики русского языка; 3) приложения для перевода (словари); 4) приложения-книги для чтения; 5) приложения для общения.

В настоящий момент существует большое разнообразие доступных мобильных приложений, внедрение которых в учебный процесс ведёт к повышению эффективности освоения русского языка как иностранного. Так, в качестве примера удобных бесплатных мобильных приложений для обучения на начальном этапе русскому языку как иностранному можно назвать следующие:

1) «Lean&Go» (кроссплатформенное мобильное приложение для изучения глаголов движения на начальном этапе),

2) «KALINKA» (мобильное приложение для изучения русского языка на уровнях A1 и A2, интерактивный самоучитель),

3) «TALK2RUSSIA» (мобильное приложение по русскому языку как иностранному для начинающих изучать русский язык на уровнях A1 и A2),

4) «Говорить по-русски: Учить русский язык не в сети» (мобильное приложение для изучения русского языка на начальном уровне с возможностью выбора перевода слов на родном языке – спектр выбора родного языка для иностранного учащегося очень широк).

Данные приложения могут быть хорошим дополнением к аудиторным занятиям и традиционным учебникам. В настоящий момент в GooglePlay и AppStore насчитывается более ста эффективных программ для изучения русского языка как иностранного.

Тем не менее, наблюдается необходимость в разработке подобных мобильных приложений, имеющих региональную специфику. Так, на кафедре русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета разрабатывается мобильное приложение «Добро пожаловать во Владивосток». Это совместный проект магистрантов (направление подготовки «Филология» магистерская программа «Русский язык как иностранный»)

и бакалавров-программистов. Проект выполняется в рамках работы над исследовательской главой магистерской диссертации. Магистранты овладевают информационно-телекоммуникационной компетенцией, разрабатывая совместно с программистами web-приложение, снабжённое мобильной версией. Интерактивное учебное пособие «Добро пожаловать во Владивосток», сопровождающееся мобильной версией, будет обладать рядом ключевых свойств, важных для обучения русскому языку как иностранному: 1) мультимедийностью, 2) интерактивностью, 3) гиперсвязью, 4) педагогическим дизайном электронных средств обучения.

Основные разделы – это локации Владивостока: 1) Владивосток – столица Приморского края; 2) Аэропорт; 3) Железнодорожный вокзал; 4) Маяк на Токаревской кошке; 5) Океанариум; 6) Владивостокская крепость; 7) Мариинский театр. Приморская сцена; 7) Дальневосточный федеральный университет; 8) Собор Покрова Пресвятой Богородицы; 9) Золотой мост; 10) Фуникулёр.

Интерфейс web-приложения (и мобильного приложения) достаточно лаконичен (см. Рисунок 1).

Структура каждого раздела имеет следующие части:

1. Текст: 1) файл с текстом; 2) словарь; 3) задания по тексту; 4) ответы на задания по тексту.

2. Видео/аудио: 1) аудио/видео файл; 2) текст видео; 3) тест по аудио/видео; 4) ответы к тесту по аудио/видео.

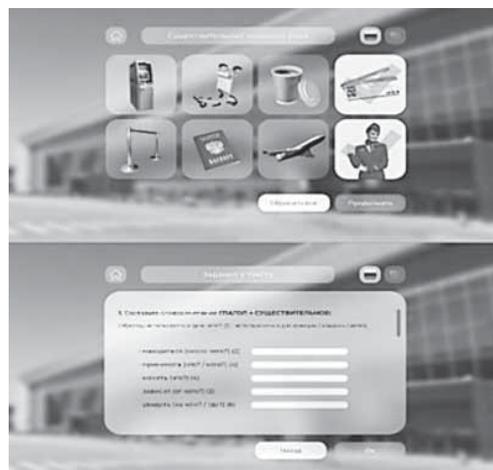

Рис. 1. Интерфейс приложения (Локация «Аэропорт»)

3. Галерея (фото-сопровождение лексического минимума по всем локациям).

Web-приложение и мобильное приложение «Добро пожаловать во Владивосток» будет помогать студентам-иностранцам, приезжающим на обучение в Дальневосточный федеральный университет, не только совершенствовать русский язык на уровне В1, но и активизировать речевые навыки повседневного общения.

Мы рассматриваем данное дидактическое средство как дополнительное, прежде всего сопровождающее традиционные форматы, но необходимое в реалиях современной образовательной среды.

Многие современные исследователи (С.Э. Надха, А.М. Маслова, Е.О. Кузьмина и др.), изучая потенциал информационных технологий в обучении русскому языку как иностранному, квалифицируют образовательные мобильные приложения, прежде всего, как средство организации самостоятельной работы студентов. По их мнению, нельзя переоценивать возможности мобильных приложений, поскольку «пока рано говорить о полной замене традиционных средств обучения на инновационные, поскольку большинство мобильных приложений ограничивается рамками получения и развития грамматических и лексических знаний, но не даёт возможности совершенствовать коммуникативные навыки и умения, что является существенным недостатком» [Надха, Маслова, Кузьмина 2020: с. 339].

Тем не менее, доступность и удобство использования мобильных приложений привели к тому, что они стали уникальным дидактическим средством, которое способствует тому, что учебная коммуникация преподавателя и студентов приобретает новое качество. В случае использования в учебном процессе мобильных приложений обучающиеся могут успешно закреплять новые знания, осваивать большой объём информации и самостоятельно контролировать её запоминаемость.

Считаем, что главной задачей на современном этапе является подготовка преподавателя нового формата, способного успешно реализовывать свой технологический потенциал, гото-

вого качественно и эффективно исполнять свои профессиональные обязанности на русском языке, в том числе с использованием современных электронных средств обучения. Для результативной, творческой работы в формате дистанционного обучения современному преподавателю необходимо осваивать новые технологические решения, научиться самостоятельно разрабатывать онлайн-курсы, в том числе с учебным медиаконтентом, а также уметь осуществлять техническую поддержку обучающихся в сфере использования мобильных образовательных приложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарцов А.Д. Электронная лингводидактика в системе инновационного языкового образования: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 398 с. С. 13.
2. Ермолаева Ж.Е. Мобильные приложения в обучении русскому языку как иностранному: обзор // EduNeo: актуальные методики преподавания, новые технологии и тренды в образовании, практический педагогический опыт. URL: <https://www.eduneo.ru/mobilnye-prilozheniya-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-obzor/> (дата обращения: 14.05.2020).
3. Надха С.Э., Маслова А.М., Кузьмина Е.О. Мобильные приложения как средство обучения русскому языку как иностранному при организации самостоятельной работы иностранных студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 1. С. 339-340.

REFERENCES

1. Garcov A.D. (2009) Elektronnaya lingvodidaktika v sisteme innovacionnogo yazykovogo obrazovaniya [*Electronic linguodidactics in the system of innovative language education*]: (Doctor's thesis, Philology), Moscow, 2009 (in Russian).
2. Ermolaeva Zh. E. (2020) Mobilnye prilozheniya v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu: obzor [*Mobile applications in teaching Russian as a foreign language: overview*] In: *EduNeo: aktualnye metodiki prepodavaniya, novye tehnologii i trendy v obrazovanii, prakticheskij pedagogicheskij opyt* [EduNeo: current teaching methods, new technologies and trends in education, practical pedagogical experience]. URL: <https://www.eduneo.ru/mobilnye-prilozheniya-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-obzor/> (data obrasheniya: 14.05.2020) (in Russian).
3. Nadha S.E., Maslova A.M., Kuzminoj E.O. (2020) Mobilnye prilozheniya kak sredstvo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu pri organizacii samostoyatelnoj raboty inostrannyh studentov [*Mobile applications as a means of teaching Russian as a foreign language when organizing the independent work of foreign students*] In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. V. 13. № 1, pp. 339-340 (in Russian).

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО АКТИВИЗМА В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INDIRA A. NEFLYASHEVA

TOTAL'NYI DIKTANT AS A MODEL OF LANGUAGE ACTIVISM
IN THE REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с функционированием языков народов России. Анализируется практика проведения диктантов на национальных языках в формате добровольной массовой проверки знаний. Утверждается, что Тотальный диктант задает направление для совершенствования подобных мероприятий в сфере национальных языков, улучшения культуры речи и в целом развития языков народов России.

Ключевые слова: языковая политика; Тотальный диктант; языки народов России; языковой активизм.

The article deals with the problems of national languages functioning in Russia. The practice of conducting dictations in national languages in the format of a freewill mass knowledge test is analyzed. Total'nyi diktant can be considered the direction for develop such events in the field of national languages, improving the culture of speech and, in general, the development of this languages.

Keywords: language policy; Total'nyi diktant; national languages; language activism.

**Индира Аминовна
Нефляшева**

кандидат филологических наук, доцент,
► argumentum@list.ru

АРОО Ассоциация
лингвистов-экспертов «Аргумент»

385000 г. Майкоп,
ул. Краснооктябрьская, 19, 9

Indira A. Neflyasheva

Association of Linguistic
Experts «Argument» (Maykop)

385000 Maykop,
Krasnooktyabrskaya str., 19, ap. 9

Поддержка русского языка как государственного языка, как средства межнационального общения для такой мультинациональной страны, как Россия, не мыслится вне мер по сохранению и развитию национальных языков населяющих ее народов. Лингвокультурологическая концепция изучения языка, заключающаяся в понимании языка как продукта культуры, как хранителя и транслятора культурных кодов, актуальна как для русского, так и иных языков нашей страны. При этом русский язык и культура всегда являлись своеобразной «точкой сборки», общим культурологическим базисом, объединяющим народы и народности в одну историко-культурную общность, цивилизацию, что особенно ярко проявляется в таком регионе, как Северный Кавказ.

Создание Фонда сохранения и изучения родных языков народов

Российской Федерации, проведение в 2019 году форума-диалога «Языковая политика: общероссийская экспертиза», заседания обновленного Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку свидетельствуют о том, что Российская Федерация находится на пути выбора вектора движения в сфере языковой политики.

И если Правительственная комиссия по русскому языку, созданная в августе 2020 года, займется формированием целостной политики для его развития как в России, так и в остальном мире, то вопрос о концепции языкового строительства для национальных языков остается открытым.

Можно очертить ряд проблем, которые наиболее остро стоят перед лингвистами и всем профессиональным сообществом. От срочных мер по спасению исчезающих языков (по данным Института языкознания РАН, в Российской Федерации насчитывается 153 языка, из них на грани исчезновения — 17; за последние 150 лет в России исчезло 15 языков, из них в постсоветский период — 7 [Кибрик 2000: 20]) до пересмотра политики государства в сфере языка обучения и лингвистического образования (учебники по национальным языкам, подготовка и повышение квалификации педагогов и т.п.), от поддержки престижа владения несколькими языками помимо русского до поиска новых интерактивных форм взаимодействия человека и языка.

Необходимо поддержать функционирование языка во всех его сферах: на сегодняшний день мы видим положительную динамику только в интернете, социальных сетях – речевой формации, в которой формируется новый вариант языка – устная речь в форме письменной. Именно в этой сфере национальные языки сейчас успешно конкурируют с русским. И если в Санкт-Петербургском государственном университете разрабатывается проект реформирования языка закона (НИИ проблем государственного языка), а проблеме понятности и доступности юридических текстов посвящаются научные конференции, то поиски новых форм

доступности, как и распространение образцов правомерного поведения, демонстрируемого авторитетными людьми, актуальны как для русского, так и государственных языков субъектов Российской Федерации со своим законодательством на национальном языке.

То, как остро были восприняты поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», говорит о том, что государство не может уйти из сферы сохранения и поддержки национальных языков. Однако и общество со своей стороны может предложить ряд мер в этой сфере.

Примечательно, что именно языковой активизм положен в основу предлагаемой А.А. Кибриком программы сохранения языкового разнообразия России: «Языковое возрождение возможно лишь на основе трех необходимых условий: ключевое участие местных активистов, административно-финансовая поддержка и научная обоснованность методологии. Это три кита языкового возрождения» [Кибрик 2000: 24]. Дискуссионно-аналитический клуб по языковой политике Института языкознания РАН последовательно и планомерно проводит работу по обоснованию необходимости создания национальной программы по сохранению коренных языков Российской Федерации.

Представляется, что реализуемые в настоящее время в Республике Адыгея мероприятия по сохранению и развитию адыгейского (адыгского) языка, такие как открытые курсы для желающих (две площадки – Национальная библиотека и Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований), перевод мультфильмов на адыгейский язык, летние языковые лагеря (пилотный проект реализован в 2019 году и вызвал широкий интерес), дебаты старшеклассников на родном языке, по праву дополнены акцией по проверке грамотности и пропаганде культуры речи «Адыгэ диктант», приуроченной ко Дню адыгейского языка и письменности. При этом организаторы подчеркивают, что провели «Адыгэ диктант» по аналогии с популярным «Тотальным диктантом» по русскому языку.

Действительно, Тотальный диктант представляет собой продуктивную модель, которая задает направление для подобных мероприятий в сфере национальных языков. Ученые и практики отмечают положительные стороны акции: помимо очевидной возможности дать каждому проверить уровень своей грамотности, это привлечение внимания общества в целом к языку, а отбор текстов специально для акции поддерживает и популяризирует современных писателей. Сегодня Тотальный диктант – это не только сама акция, но и система подготовительных курсов, в том числе в онлайн-формате, которая доступна в любое время, а не только непосредственно перед самим диктантом, это книжные издания практического (гид по грамотной устной и письменной речи «Грамотное деловое общение. Тотальный помощник», руководство по деловой устной и письменной речи «Эффективная бизнес-коммуникация») и научно-популярного характера («Хрестоматия Тотального диктанта: от Быкова до Яхиной»), содержащая оригинальные тексты диктантов, «Тотальные истории: о том, как живут и говорят по-русски», написанная по итогам Тотального путешествия – 2019, своеобразный лингвистический путеводитель), наконец, это система конкурсов и сочинений («Как я писал Тотальный диктант», конкурс научно-популярных авторов). Создан курс по истории русской орфографии.

Международные просветительские экспедиции, направленные на популяризацию русского языка, литературы, культуры и российского образования за рубежом, стратегические сессии и ежегодные конференции организаторов ТД – все эти мероприятия свидетельствуют о том, что Тотальный диктант вышел за границы акции по проверке грамотности и стал эффективным механизмом, способом проявления общественного внимания к языку и речи.

Еще в 2012 году в Ижевске в качестве эксперимента после «Тотального диктанта» был зачитан текст на удмуртском языке. На конференции Тотального диктанта в 2016 году уже прозвучала мысль о важности диктанта для реализации

этнолингвистического фактора в республиках Российской Федерации [Сичинава 2016].

Организаторы Тотального диктанта признают, что он «способствует решению еще одной важнейшей задачи – это популяризация и поддержка языков народов России, помощь говорящим на этих языках в распространении знаний о нормах и правилах правописания» [О проектах... 2015].

Действительно, в регионах диктанты на национальных языках зачастую – это возможность выразить свою любовь к родному языку, а не разовая акция по проверке грамотности. «Давайте все вместе покажем, как мы любим и ценим родной язык!» (диктант на лезгинском языке) – эти и другие слоганы используют организаторы для привлечения участников.

Такие акции проводятся в праздничные дни, связанные с историей и культурой определенного этноса (Всечувашский диктант – в День чувашского языка, в 2018 году в Чечне впервые был проведен общереспубликанский диктант в День чеченского языка, до этого времени на чеченском проводился этнографический диктант; Глобальный диктант по осетинскому языку – в День осетинского языка и литературы; Тотальный диктант на языках народов Дагестана (14 языков!) проходит в День дагестанской культуры и языков, в Хакасии – в рамках Дня хакасского языка), или Международный день родного языка 21 февраля (в Ямало-Ненецком автономном округе, Якутии, Ханты-Мансийский автономном округе – Югре). В Южной Осетии мероприятие было приурочено к празднованию Дня государственного флага.

Важно отметить, что сегодня диктанты проводятся не только в республиках, где национальные языки являются государственными и защищены особым юридическим статусом, но и на региональных языках. Организаторы диктантов успешно решают проблемы диктанта для языков малочисленных народов (так, в Дагестане в 2019 году агульский диктант написало всего 8 человек), а также разных диалектов. Глобальный диктант

по осетинскому языку проводится одновременно и на иронском, и на дигорском диалектах. Если в 2019 году в Адыгее и Кабардино-Балкарии организаторы провели диктанты на двух вариантах адыгского языка независимо друг от друга, то в 2020 удалось выработать единые правила для «Адыгэ диктанта», который написали в Адыгее, КБР, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае, а также в Москве, Ростове-на-Дону, во многих странах, где проживают адыги, — Иордании, Сирии, Турции, европейских государствах. В Якутии диктант пишут на эвенском, эвенкийском, чукотском, юкагирском и долганском языках (причем последний был представлен в двух разновидностях: лесном и тундренном диалектах), то есть на всех пяти языках малочисленных народов Севера Якутии, при том что статусом государственного языка в республике наряду с русским обладает только язык саха, на котором также проводятся диктанты. В Республике Карелия диктанты проводятся одновременно на четырех наречиях карельского языка и вепсском языке, которые не имеют статуса государственных (им является только русский язык), но могут быть официальными языками органов местного самоуправления.

Таким образом, диктанты проводятся на всех государственных языках в республиках Российской Федерации и в общей сложности на 43 языках (диалектах, наречиях).

Не все из указанных диктантов проводятся регулярно, так, диктант на абазинском языке в Карачаево-Черкесии впервые проводился в этом году, а на калмыцком языке – в декабре 2019 года.

В 2017 году при проведении диктанта на карачаево-балкарском языке было решено проводить единый диктант на базе КЧГУ раз в месяц. Но акция, как и другие подобные, проводится один раз в год.

Примечательно, что Тотальный диктант стал образцом не только для проведения акций на национальных языках Российской Федерации. Всероссийский диктант по немецкому языку «Tolles Diktat» впервые прошел в 2013 году по инициативе немцев Томской области. В 2019

году прошел девятый Всероссийский диктант на польском языке. В обоих случаях эти проекты домов дружбы, центров культуры поддержаны посольствами Германии и Польши в России.

Идеи единения, национальной идентичности делают акции в форме диктанта одинаково актуальными как для малочисленных этносов, так и, наоборот, народов с большим ареалом расселения. Всемирный татарский диктант пишется в 20 странах мира и 60 регионах Российской Федерации; организаторы Международного тотального диктанта на лезгинском языке получили заявки от 20 городов России, в том числе за пределами Дагестана, а также из Азербайджана; принять участие во Фронтальном диктанте по хантыйскому, мансийскому и ненецкому языкам изъявили желание в Финляндии, Германии, Венгрии; Глобальный диктант по осетинскому языку изначально задумывался как международная акция; Диктант на карельском и вепсском языках проводится в Карелии, прилегающих областях и Финляндии.

Надо сказать, что организаторы диктантов по мере возможности используют интерактивные и онлайн-формы проведения акции: если Всечувашский диктант продолжает транслироваться в эфире радио и телевидения, то диктанты на башкирском и лезгинском языках используют онлайн-трансляции в интернете. Очевидно, что роль информационных технологий будет расти, к тому же обеспечение одной из привлекательных черт акции – анонимности – легко достигается через социальные сети и специальные сайты (страницы, сообщества) диктантов.

Если в 2017 году еще употреблялись названия «тотальный диктант» применительно к акциям на национальных языках, то к 2019 году, когда Фонд ТД обосновал свою позицию по правовой охране названия, стали употребляться такие определения диктантов, как:

- всеобщий (марийский язык),
- единый (карачаево-балкарский, ингушский, хакасский языки),
- глобальный (осетинский язык),
- большой (удмуртский язык),

всемирный (татарский, бурятский языки), национальный (калмыцкий язык), фронтальный (хантыйский, мансийский, ненецкий языки).

Важно, что во всех случаях именно общественный запрос лежит в основе проведения диктантов, такие акции сохраняют основную идею Тотального диктанта – возможность изменения окружающего мира через самосовершенствование.

Организаторы диктантов на национальных языках говорят о необходимости консолидации усилий по популяризации родных языков, созданию структуры, подобной Фонду «Тотальный диктант» для того, чтобы языковое сообщество могло заявить о себе, реализовать потребность в культурном единении и представить обществу и власти согласованные меры по защите, сохранению, развитию региональных языков.

Именно такой подход к проведению диктантов на национальных языках в контексте общероссийского языкового пространства позволяет говорить об акции как драйвере развития, взаимосвязи и взаимовлияния русского языка и языков народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А.А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социоллингвистика, 2020. № 1. С. 17–28.

2. Сичинава О.М. Тотальный диктант как реализация этнолингвистического фактора в республиках РФ // #ТОТ-СБОРНИК. Сб. науч. тр. по матер. Тотального диктанта. Вып. 1 / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск, 2016. С. 40–45.

3. О проектах в формате «массовая добровольная проверка знаний» [Электронный ресурс] // Тотальный диктант: [сайт]. URL: [https://totaldict.ru/news/news/el-2589-o-proektah-v-formate-massovaya-dobrovolynaya-proverka-znaniy-/](https://totaldict.ru/news/news/el-2589-o-proektah-v-formate-massovaya-dobrovolynaya-proverka-znaniy/) (дата обращения: 14.05.2020).

REFERENCES

1. Kibrik A. A. (2020) Cokhranenie iazykovogo raznoobraziaia Rossii: kontury programmy [Preservation of linguistic diversity in Russia: contours of the program]. In: *Sotsiolingvistika [Sociolinguistic studies]*, no. 1, pp. 17–28. (in Russian)

2. Sichinava O. M. (2016) Total'nyidiktant kak realizatsiia etnolingvisticheskogo faktoravrespublikakhRF [Total'nyidiktant as the implementation of the ethnolinguistic factor in the republics of the Russian Federation]. In: #TOTSBOРНИК. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta. Otvetstvennyi redactor N. B. Koshkareva* [#TOTSBOРНИК. *Proceedings of the materials of the Total'nyidiktant*. Edited by N. B. Koshkareva]. Novosibirsk, vol. 1, pp. 40–45. (in Russian)

3. O proektakh v formate «massovaia dobrovol'naia proverka znaniy» [About projects in the format of «mass voluntary knowledge testing»]. Available at: <https://totaldict.ru/news/news/el-2589-o-proektah-v-formate-massovaya-dobrovolynaya-proverka-znaniy/> (in Russian)

[хроники]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДАЛЬНОСТЬ. КОММУНИКАЦИЯ. ТЕКСТ»

29 – 30 сентября 2020 г. в Институте гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта состоялась Международная научная конференция «Модальность. Коммуникация. Текст».

Данная конференция, приуроченная к юбилейной дате со дня рождения доктора

филологических наук, профессора БФУ им. И. Канта Светланы Сергеевны Ваулиной, основателя и руководителя научного направления по исследованию функционально-семантической категории модальности, была представлена широким кругом участников из российских и зарубежных вузов. В рамках

трех пленарных заседаний и трех тематических секций с докладами выступили ученые из научных центров Москвы и Петербурга (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, Санкт-Петербургский горный и Санкт-Петербургский метеорологический университет), Уральского и Южного федеральных университетов, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Волгоградского и Смоленского государственных университетов, Самарского государственного технического университета, а также исследователи из Польши и Беларуси (Гданьский университет, Белорусский государственный университет, Минский государственный лингвистический и Барановичский государственный университет).

На открытии конференции с приветственной речью к ее участникам обратились президент БФУ им. И. Канта А.П. Клемешев и директор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта Т.В. Цвигун. В своем вступительном слове С.С. Ваулина подчеркнула актуальность конференционной проблематики, особо отметив важную роль калининградского университета как ведущего центра, объединяющего ученых, занимающихся исследованием универсальной семантической категории модальности в ее органическом взаимодействии с речевой коммуникацией и текстом как сложной коммуникативной единицей.

В 54 докладах, представленных в очном и онлайн-формате, был рассмотрен и обсужден широкий круг проблем, касающихся модальности как коммуникативной и текстообразующей категории в диахронии и синхронии русского языка, а также других европейских языков, роли модальности как смыслового кода в различных видах дискурса, в том числе научном, газетно-публицистическом и официально-деловом дискурсе. Значительная часть докладов была посвящена вопросу о специфике выражения авторской модальности в художественном тексте. Особо важным стал затронутый в ряде докладов вопрос о междисциплинарном характере языковой категории модальности и вполне

закономерно связанная с ним проблема недостаточной согласованности модальной терминологии, используемой авторами исследований в современной научной литературе.

В рамках конференции для студентов и преподавателей Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта был организован онлайн-семинар «Универсалии языка», на котором с лекциями выступили известные российские и зарубежные специалисты в области исследования функционально-семантических категорий, в том числе категории модальности: профессора Л.Г. Бабенко и А.М. Плотникова (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина); профессор О.В. Трофимова (Тюменский государственный университет), профессор Гданьского университета З.Л. Новоженова; доцент Российского государственного университета дружбы народов Е.В. Стрельчук и доцент Белорусского государственного университета Е.П. Любецкая.

Участники конференции высказали общее мнение о необходимости дальнейшей разработки актуальных вопросов модальности и речевой коммуникации на основе современных интегративных подходов, а также наметили перспективные направления дальнейших исследований. По итогам конференции планируется издание сборника материалов, который станет еще одним значимым итогом прошедшего в БФУ им. И. Канта форума ученых.

Т.М. Шкапенко
д-р филол. наук,
профессор Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета
им. И. Канта

«НАУКА И КУЛЬТУРА РОССИИ» - XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (26 И 27 МАЯ 2020 г. САМГУПС)

26 и 27 мая 2020 г. в Самарском государственном университете путей сообщения (далее СамГУПС) состоялась XVII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», посвященная Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Учредителями конференции по сложившейся традиции стали, наряду с СамГУПС, Министерство образования и науки Самарской области, областной Совет ректоров, Самарская епархия Русской Православной Церкви.

Конференция проводится ежегодно в мае и является заметным событием в научной и общественной жизни города, привлекая внимание ученых, преподавателей, религиозных деятелей всероссийского и международного уровней. В этом году в конференции приняли участие исследователи из стран ближнего и дальнего зарубежья: Болгарии, Испании, Белоруссии, Казахстана; ученые и преподаватели из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Твери, Тулы, Рязани, Челябинска, Саратова, Рузаевки, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Уфы, Орла, Орска, Красноярска, Екатеринбургa, Омска, Оренбургa, Саранска, Пензы, Мурманска и др.

Тематика конференции традиционно посвящается актуальным проблемам теории познания, различным аспектам философии культуры, злободневным проблемам отечественной истории; вопросам о роли русского языка для сохранения духовных и нравственных основ общества, о межкультурной коммуникации, о важности внедрения педагогических и методических инноваций в области высшего образования.

Впервые за 17 лет пленарное заседание и секции конференции проводились в онлайн-режиме на платформе Цифрового университета СамГУПС в электронной информационно-

образовательной среде (ЭИОС) и в приложениях Zoom и Skype.

Перед началом конференции можно было ознакомиться с онлайн-выставкой электронных книг «Русское наследие» ЭБС «Юрайт», ЭБС «Лань», ЭБС «Book.ru» - https://www.samgups.ru/lib/vystavki/virtuail_vistavka/, которую подготовили сотрудники библиотеки СамГУПС.

Открывая пленарное заседание конференции, ректор СамГУПС Иван Андрончев подчеркнул особый статус проводимого научного форума, его известность и популярность в российском научном сообществе, о чем свидетельствуют направленные в адрес конференции многочисленные поздравительные письма и телеграммы.

Видеоприветствия участникам конференции направили: Наталья Михайлова – академик РАО, главный научный сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина; Митрополит Самарский и Новокуйбышевский Сергей; профессор Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария) Галина Шамонова, ректор Самарской Православной Духовной семинарии протоиерей Максим Кокарев. Все они выразили уверенность в том, что непривычный формат проведения конференции не помешает активному научному взаимодействию и интересному обсуждению означенных проблем.

Модератор пленарного заседания - ректор по научной работе и инновациям Максим Гаранин - представил участникам гостей, а также познакомил с регламентом конференции.

Пленарные доклады в этом году касались широкого круга проблем и вопросов в области богословия, философии, этимологии, культуры речи, цифровых технологий в образовании. С докладами выступили: доктор богословия, профессор СамГУПС Олег Агапов («Богословие культуры: основные тенденции богословской оценки культуры и искусства»); доктор филологии-

ческих наук, профессор РГУПС Виктория Смеюха («Язык СМИ: к вопросу о грамотности»); доктор философских наук, профессор СУ Александр Нестеров («Проблемы этики в «третьей» природе»); кандидат культурологических наук, доцент СамГУПС Денис Денисов («Концепция и опыт составления санскритско-русского этимологического словаря»); кандидаты педагогических наук, доценты ОрИПС - филиала СамГУПС Анатолий Попов и Ольга Малахова («Организация самостоятельной работы студентов в ЭИОС вуза при освоении ими социально-гуманитарных дисциплин»).

По завершении пленарного заседания в течение 2-х дней в онлайн-режиме продолжили работу секции конференции:

№1. Православная теология (модератор - Олег Агапов);

№2. Актуальные проблемы истории и философии (модераторы - Олег Герасимов и Евгений Шматов);

№3. Современные тенденции развития русской и славянской филологии: теория и методика преподавания (модератор - Людмила Лунева);

№4. Иностранные языки и литературы в научно-образовательном дискурсе современной России (модератор - Магомед Халиков);

№5. Проблемы образования и воспитания» (модератор - Ирина Васельцова).

Автор информации, являясь модератором секции №3, представит ее работу более подробно. Отрадно отметить, что на адрес модератора было прислано 39 докладов, и секция таким образом стала самой многочисленной по количеству заявленных участников, среди которых - 19 профессоров крупнейших российских вузов (МПГУ, Санкт-Петербургский горный университет; Южный федеральный университет, ОГУ им. И. С. Тургенева, РГУ им. С. Есенина и др.).

Право открыть секцию было предоставлено профессору Алевтине Дейкиной (МПГУ), которая посвятила свое выступление рассмотрению эстетической природы русского языка как ценности в вузовской системе преподавания.

Доклад на актуальную тему «Социальный дискурс в условиях чрезвычайной ситуации»

представила профессор СамГМУ Елена Бекишева, что вызвало особую атмосферу сопричастности проводимого мероприятия к современной действительности. Также привлек внимание участников секции интересный доклад «Орфография как показатель речевой культуры» профессора ЮФУ Людмилы Ларионовой, в котором были рассмотрены орфографические правила как объект особого внимания культуры речи и важнейшей области языкознания. Ярким дополнением к предыдущему докладу стало выступление профессора Ольги Скрыбиной «О грамматике, которая «есть бог ума», и методике ее изучения». Автор анализирует проблему обучения грамматике в современной школе, приводит данные, представленные в исследованиях лингвистов и методистов прошлого и настоящего времени. Интерес участников заседания секции вызвали доклады докторов наук Нины Демидовой (совместно с Богдановой Е.), Ольги Левушкиной (совместно с Шеляпиной И.), Елены Хачикян и др., посвященные методике преподавания русского языка.

Особо стоит отметить доклады профессоров Дарьи Щукиной («Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его экранизация»), Ларисы Беднарской («Слово и художественный образ»), Сергея Голубкова («Техника комического переиначивания некомического текста»), Дмитрия Романова («Языковые и стилистические особенности лысогорских глав как важнейшей композиционной части романа Л. Н. Толстого «Война и мир»»), в которых поднимаются сложные проблемы литературоведения, а также методики преподавания литературы как тенденции развития высшей школы.

В заключение хочется отметить, что содержательные и интересные доклады участников конференции на актуальные научные темы позволили создать атмосферу живой дискуссии, профессионального обсуждения и торжества подлинного научного знания.

Доктор педагогических наук, профессор, директор Института русского языка СамГУПС
Людмила Петровна Лунева

МУЗЕЙ БУНИНА В ВОРОНЕЖЕ: ЖИЗНЬ КАК ТЕКСТ И ЭКСПОЗИЦИЯ КАК МИРОПОНИМАНИЕ (ОПЫТ КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

TATIANA I. IAROVAIA, EKATERINA E. OREKHOVA

BUNIN MUSEUM IN VORONEZH:
LIFE AS TEXT AND AN EXPOSITION AS A WORLD OUTLOOK
(AN EXAMPLE OF CONCEPT-CENTRED DESCRIPTION)

Статья посвящена открытию музея И. А. Бунина на родине писателя, в Воронеже. Авторы статьи делают попытку применить литературоведческую методологию, в частности, концептный анализ для выявления типологического сходства музейной экспозиции с биографическими и художественными текстами. Сопоставительный анализ концепта «дом», реализуемого в произведениях Бунина, дневниковых записях, жизнеописательных и литературно-критических работах, с информационными доминантами музейного пространства позволяет сформулировать некоторые основы миропонимания великого русского писателя.

Ключевые слова: Бунин, концептный анализ, музейная экспозиция, образ дома, образ родины.

The article was inspired by the opening of Ivan Bunin Museum in the writer's hometown, Voronezh. The authors of the article make an attempt to apply the literary method of concept analysis to reveal typological similarities between the Museum exposition, biographical texts and literary works. Comparing 'home' concept, implemented in Bunin's works, diary entries, life-writing and literary-critical studies, with the information dominants of the Museum space allows the authors to define some grounds of the great Russian writer's worldview.

Keywords: Bunin, concept analysis, museum exposition, concept of home, concept of Motherland.

Имя Бунина, прогремевшее после вручения писателю Нобелевской премии по литературе, привлекло внимание читателей всего мира не только к творчеству первого русского лауреата, но и к России – её судьбе, её культуре, переломным моментам сложного, трагичного XX века. И хотя Бунин провёл более тридцати лет в эмиграции, родина оставалась с ним – как память, как родительский дом, из которого человек выходит в огромный, таинственный, а порой и враждебный мир.

Мотив дома (точнее, домоискательства) сопровождал Бунина с юных лет до старости, причём имел для него не столько бытовой, сколько экзистенциальный смысл. Дом – это жизнь, а потому неудивительно, что тревожные революционные годы приносят в бунинскую лирику образ неустроенного, ветшающего дома. Зато детские воспоминания овеяны

Татьяна Юрьевна Яровая

Канд. филолог. наук, доцент, доцент
► yarovaya_tatiana@mail.ru

Екатерина Евгеньевна Орехова

Кандидат филологических наук, доцент
► eka-orekhova@yandex.ru

Воронежский государственный
университет, Институт
международного образования

394068 г. Воронеж, ул. Хользунова, 40а, к. 31б.

Tatiana I. Iarovaia,
Ekaterina E. Orekhova

Voronezh State University,
Institute of International Education

394068 Kholzunova St., 40a, room 31b
Voronezh, Russia

Усадьба А. Е. Германовской,
где родился И. А. Бунин. Фото 1890-х гг.

атмосферой уюта, такого же невозвратимого, как безмятежное младенчество и чувство защищённости Богом, отцом (как в «Жизни Арсеньева») и матерью, как в стихотворении:

*Я помню ночь,
Тепло кровати,
Лампадку в сумерках угла
И тени от цепей лампадки,
Не ты ли ангелом была?
(«Матери», 1906-1911) [1: 66]*

Известно, что Бунин писал: «Я родился в Воронеже, на Дворянской улице». До революции «Дворянских» улиц в городе было три: Большая (на ней и стоит дом, где с 1867 по 1874 год снимало квартиру семейство Буниных), Малая и Третья Дворянская. В воспоминаниях писатель опускает первую часть – и название улицы вырастает до символического эпитета. Дворянство как принадлежность к роду, укоренённость в истории очень много значило для Бунина (не случайно в автобиографической «Жизни Арсеньева» повествуется о родовом гербе с доспехами на лазурном фоне). Так возникает и утверждается идея высокого служения Отечеству.

Впрочем, Бунин всегда избегал патетики и одического пафоса, поэтому в словах о Дворянской улице явственно звучит самоирония: одноэтажный деревянный особняк (каменный нижний этаж появился значительно позже) был настолько тесен для большой семьи столбовых

дворян, что и по сей день скептики сомневаются в достоверности этой локации.

И всё же родной город писателя бережно хранит память о нём. Во второй половине XX века, когда имя Бунина стало возвращаться к советскому читателю после долгих лет забвения, началась кропотливая работа по сбору научно-исследовательских и историко-биографических материалов.

Долгое время часть ценных вещей из коллекции бунинского фонда музея была представлена в трёх залах Областного литературного музея им. И.С. Никитина и открыта в 1990 году к

Флигель, где находится музей Бунина

120-летию И.А. Бунина. Идея экспозиции – показать два дома Бунина в России: дом в Воронеже, в котором родился писатель, и последнее его пристанище в России – дом в Одессе, где жила семья художника Е.И. Буковецкого (1886–1948) и откуда Бунины в 1920 году эмигрировали в Европу. Позже, благодаря тесным связям Воронежского литературного музея и «Ассоциации друзей Ивана Бунина во Франции» появляются материалы о периоде эмиграции. Таким образом, вся жизнь великого писателя проходит перед глазами экскурсантов, от его рождения, отчего дома в Воронеже, и до кончины, дома вечного на Сент-Женевьев-де-Буа.

Начиная с того момента, как в Воронеже объявили о создании музея Бунина, встал вопрос о пополнении коллекции. Идею поддержали многие. Неоценимую помощь оказали музею ки-

нодраматург Галина Арбузова, кинорежиссер Андрей Смирнов, историк Владимир Бойков. 12 автографов Бунина и редкие эмигрантские издания передал в Воронеж Никита Алексеевич Струве – человек, входивший в близкое окружение Бунина.

И вот спустя ещё четверть века композиционное кольцо замкнулось, и Бунин – своими вещами и книгами – вернулся в тот самый дом, где начался его жизненный путь. По горькой иронии судьбы Большая Дворянская стала проспектом Революции, да и особняк пострадал в годы Великой Отечественной войны, но память помогает оживить прошлое.

В маленьком флигеле разместились два экспозиционных зала, отразивших два периода жизни писателя.

Фотография 1892 г.

Зал «Россия как дом» посвящён происхождению и детским годам Ивана Алексеевича, его известным предкам (здесь и «русская Сапфо» Анна Бунина, и поэт Василий Жуковский, и ученый-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский). В повествовании экскурсоводов биография писателя сплетается с его творчеством,

а от фактов и имён протягиваются нити к ключевым образам произведений.

Вот старший брат Бунина Юлий окончил гимназию – и семья переехала жить на хутор Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии. В 1889–90 годах юный Иван Бунин работает в «Орловском вестнике» и с большим интересом изучает поэтическое наследие земляка-воронежца, народного поэта Ивана Саввича Никитина (1824–1900), собирает материалы для его биографии. В 1894 году выйдет его статья «Памяти сильного человека». В ней снова зазвучит мысль о корнях, отчем крае, земле, которая даёт силы для жизни и творчества [Бунин 1967].

В орловский период происходит судьбоносное знакомство молодого поэта с дочерью елецкого врача – Варварой Владимировной Пашенко. «Высокая, с очень красивыми чертами, в пенсне» – она показалась ему весьма заносчивой и эмансипированной девушкой; позже он характеризовал её как умного, интересного собеседника», – писал исследователь Олег Михайлов в книге «И. А. Бунин. Жизнь и творчество» [Михайлов 1987]. Невенчаный брак продлился недолго, но страстные переживания мятущейся поэтической натуры спустя годы оживут на страницах романа «Жизнь Арсеньева», а Варвара Пашенко станет прототипом Лики, любовь к которой, незавершённая и неизжитая, навсегда останется частью души героя.

Фотография 1898 года – начало нового рассказа о любви. Бунин впервые приехал в Одессу, там познакомился с редактором местной газеты, гре-

Бунин среди членов кружка «Среда»

ком Николаем Цакни. На дочери его Анне он вскоре женился. 30 августа 1900 года родился сын. А вот и портрет маленького Коли в платьице – это фото Бунин показывал в своё время матери, Людмиле Александровне. Но и на этот раз взаимное непонимание приводит к разрыву, брак с Анной Цакни распадается, а через 5 лет погибает сын. Спустя много лет из воспоминаний В. Н. Муромцевой мы узнаем, что у Ивана Алексеевича были стихи о сыне, «очень пронзительные, но нигде не напечатанные» [Масс: 239].

Следующий дом – Москва. Фото 1902 года знакомит экскурсантов с участниками московского

Фотография четы Буниных. Фрагмент экспозиции

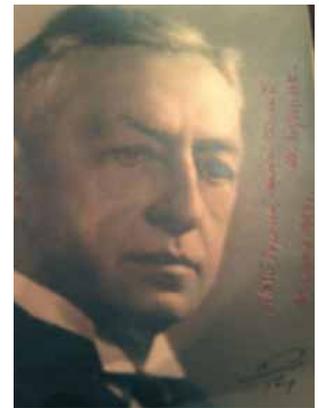
писательского кружка «Среда». Н. Д. Телешов вводит Бунина в круг писателей-реалистов, среди которых были М. Горький, Л. Н. Андреев, С. Г. Скиталец, Е. Н. Чириков, Иван и Юлий Бунины, А. С. Серафимович, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк. На «Средах» бывали А. П. Чехов, В. Г. Короленко, заходили артисты и художники: Ф. И. Шаляпин, О. Л. Книппер, А. М. Васнецов, И. И. Левитан.

В 1906 году, в Москве, на литературном вечере, И. А. Бунин знакомится с Верой Николаевной Муромцевой, дочерью члена Московской городской управы – «тихой барышней с леонардовскими глазами» ставшей его женой и другом на всю жизнь. Вера Николаевна выросла в московской профессорской, дворянской семье, училась на Высших Женских курсах Герье, всерьёз занималась химией, была человеком литературно одарённым и широко образованным, знала немецкий,

французский, английский и итальянский языки, занималась переводами Флобера.

Став женой Бунина, Вера Николаевна в течение почти полувека сопровождала его, окружала заботой и вниманием, изучала привычки и капризы. В своих «Беседах с памятью» она пишет: «Я решила его называть Яном: во-первых, потому что ни одна женщина его так не называла, а во-вторых, он очень гордился, что его род происходит от литовца, приехавшего в Россию, ему это наименование нравилось» [Муромцева-Бунина 1989: 285].

Последним пристанищем Буниных в России стал дом художника Е. И. Буковецкого в Одессе, куда писатель уезжает, не приняв Октябрьскую революцию 1917 года. Здесь он провёл два года перед эмиграцией. В музее можно увидеть вещи, среди которых Бунин переживал это тяжёлое для себя время: письменный стол, мраморные каминные часы фирмы Леруа с бронзовой скульптурой Наполеона, металлическая ваза, лупа в деревянной оправе с перламутровой вставкой, нож для разрезания бумаги, настольная лампа, письменный прибор, резное кресло, картины Е. И. Буковецкого и П. А. Нилуса и другие предметы.

Фотография с автографом: «Моей дорогой, милой Олечке. Иван Бунин. 14 марта 1953 г.

Второй экспозиционный зал носит название «Россия далёкая и близкая» – это короткая история долгих лет вдали от родины.

26 января 1920 года на греческом пароходе «Спарта» Иван Алексеевич и Вера Николаевна Бунины навсегда покинули Россию. Это решение далось им с большим трудом и душевными муками. В Париже Бунины поселились на улице Жака Оффенбаха, рядом с улицей Моцарта. Так началось освоение нового жизненного пространства.

Те, кто знал Бунина лично в годы эмиграции, говорят о нарочитом неуюте его парижского быта – словно писатель не желал пускать корни

на новом месте. Постоянное ощущение оторванности от Родины неотвратимо преследовало писателя до конца дней: «Разве можем мы забыть родину? Может человек забыть родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает...» [Цит. по: Фадеев]. В сущности, он по-прежнему жил Россией: в памяти, в книгах, в кругу общения.

Машинопись воспоминаний В. Н. Муромцевой-Буниной

В 1937 году Иван Алексеевич познакомился с семейством Жировых, и вскоре их четырёхлетняя дочь Олечка поселилась в доме Буниных, которые относились к ней, как к дочери. Впоследствии Вера Николаевна завещает ей (наряду с писателем Леонидом Зуровым) авторские права на все произведения Бунина, а пока нобелевский лауреат пишет для своей любимицы письма и шуточные стихи. Часть их недавно передал воронежскому музею Бунина муж Ольги Жировой, Франсуа-

Режис Колар. Вместе с пятью письмами на родину писателя прибыли газеты «Русская мысль» и «Русские новости» с материалами, посвященными Бунину, а также авторизованная машинопись воспоминаний Веры Николаевны Буниной-Муромцевой «Беседы с памятью». Эта редакция, датированная 1927–1928 годами, существенно отличается от типографской публикации.

Отражён в музейной экспозиции и ещё один топоним бунинской биографии – вилла «Бельведер» в приморском городе Грасе. Это место, которое писатель любил и где создал «маленькую Россию» с ромашковыми лужайками и садом, похожим на заросший лес. Последний владелец виллы – Г. Н. Симонов, потомок русских эмигрантов, организатор и президент Ассоциации почитателей Бунина в Париже. Он планирует открыть там музей писателя при поддержке мэрии Граса. «Бунин, как и другие русские эмигранты его времени, жил довольно закрыто, не пересекаясь с французскими культурными кругами. И только сейчас Франция начинает все полнее открывать для себя имя Ивана Бунина. А ведь еще лет 10 назад я не нашел ни одной диссертации в Сорбонне на тему бунинского творчества...» [Михайлов 1987].

В Грасе писатель с семьёй пережил тяжкое время фашистской оккупации: «нищета, дикое одиночество, безысходность, голод, холод, грязь... Битвы в России... судьба всего мира зависит от этого» [Устами Буниных. Дневники 2005: 344]. В этот мрачный период Бунин проявил невероятную стойкость и мужество: помогал

Поэтический сад

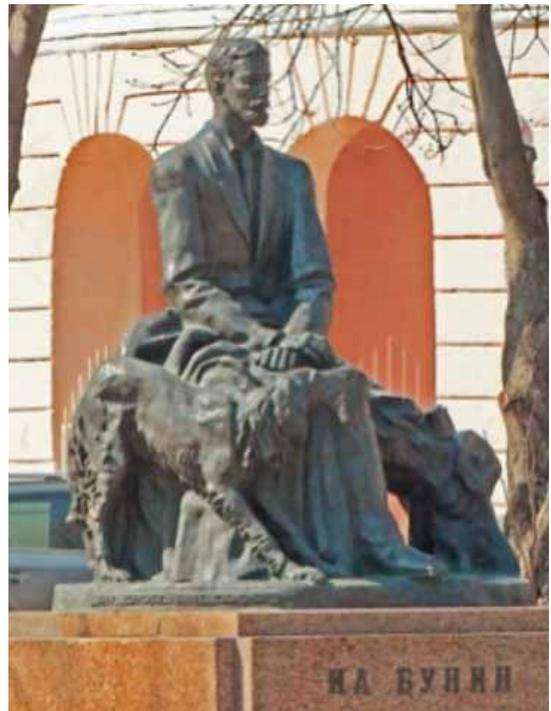
близким, друзьям, прятал в доме антифашистов. С болью в сердце переживал писатель за Россию, за родной Воронеж, искалеченный вражеским нашествием летом сорок второго года. В его дневниках мы находим строки: «Шестого июля объявили, что взят Воронеж. Оказалось – брехня: не взят и по сегодня» [Там же: 351]. Пережить те годы Бунину во многом помогло творчество. Цикл рассказов «Тёмные аллеи» появился именно в этот период. И в нём бушевала великая сила любви, которая всегда была для Бунина синонимом самой жизни. Во многих его рассказах вновь возникает образ Средней полосы России, с её прежней усадебной жизнью, вечной, щемящей красотой полей, речушек и садов.

Концепт сада, знаменательный для художественного мира писателя и поэта, реализован во дворе усадьбы Германовской, который превратился в пространство, условно названное «Поэтический сад Бунина». Здесь заканчивается экскурсия по музею, здесь же планируется проводить театрально-музыкальные встречи.

Благодаря нешаблонному, образно-художественному оформлению музея воронежскими художниками Александром и Анной Ворошилиными самые знаковые мотивы и детали произведений Бунина не только соотносятся с биографией их автора, но и обретают зримое, осязаемое воплощение. Посетители музея погружаются в атмосферу пересоздания реальности – и это, по замыслу создателей экспозиции, приближает экскурсантов к пониманию сущности творческого процесса, позволяет деликатно прикоснуться к таинству рождения литературы.

Более того, не удовлетворяясь замкнутым пространством «текста» экспозиции, авторы проекта разомкнули его в «макротекст» города. Директор музея Светлана Деркачёва рассказывает: «У нас пройдет презентация нового экскурсионного литературного маршрута «По бунинским местам Воронежа». Он даст возможность посетить места, связанные с пребыванием писателя в Воронеже и позже описанные им в художественных произведениях.

Мы покажем мужскую гимназию, где учились Юлий и Евгений (старшие братья Ивана Бунина), вокзал, куда Иван Алексеевич прибыл в 1907 году, бывшее здание Дворянского собрания, где проходили балы (один из них описан в рассказе «Натали»), место городского сада — он был рядом с домом семьи Бунина. Экскурсия предполагает прогулку от музея Бунина, расположенного в начале главной улицы города, до её противоположного конца, где установлен памятник писателю».

Памятник И. А. Бунину в Бунинском сквере.

Скульптор А. Н. Бурганов

Так реализуется ещё один важнейший концепт – жизненного пути. Для Бунина, который провёл всю жизнь в странствиях и обрёл на них многих из своих героев, всегда очень остро звучал вопрос финала. Что ждёт человека в конце его земного пути? И как наполнить этот путь смыслом, оправдывающим все страдания?

Бунин нашёл для себя ответ: Слово – единственная объективная реальность, которую может оставить после себя человек на земле.

*Молчат гробницы, мумии и кости, -
Лишь слову жизнь дана...* [Бунин 1990: 71]

Слово как памятник. Памятник как знак – памяти, уважения, наследования. Почитатели таланта Бунина и его равнодушные земляки добились исторической справедливости: Слово Бунина вернулось в родной дом!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения. – М., 1990.
2. Бунин И. Памяти сильного человека (По поводу 70-летней годовщины со дня рождения И. С. Никитина – 21 сентября 1824 г.) // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1965–1967. Т. 9. – С. 502–506.
3. Михайлов О. Н. И.А.Бунин. Жизнь и творчество: Литературный очерк / О. Н. Михайлов. – Тула, 1987.
4. Масс Т. Интервью с президентом общества Бунина в Париже. URL: <https://tanya-mass.livejournal.com/4066548.html>
5. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М., 1989.
6. Устами Буниных. Дневники. Сост. М. Грин, с предисл. Ю. Мальцева, Том 2, М., 2005.
7. Фадеев А. В. Истоки патриотизма в историческом и культурном контексте развития российского государства и общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-patriotizma-v-istoricheskom-i-kulturnom-kontekste-razvitiya-rossiyskogo-gosudarstva-i-obschestva>

REFERENCES

1. Bunin I. A. (1990) Stikhotvoreniia [Poems]. Moscow. (in Russian)
2. Bunin I. (1967) Pamiati sil'nogo cheloveka (Po povodu 70-letnei godovshchiny so dnia rozhdeniia I. S. Nikitina – 21 sentiabria 1824 g.) [In memory of the strong man (on the occasion of I. S. Nikitin's 70th anniversary – September 21, 1824)] In: Bunin I. A. Sbranie sochinenii [The Collected Works] in 9 vols., vol. 9. Moscow, pp. 502–506. (in Russian)
3. Mikhailov O. N. (1987) I.A.Bunin. Zhizn' i tvorchestvo : Literaturnyi ocherk. [I. A. Bunin. Life and work: a Literary essay] Tula. (in Russian)
4. Mass T. Interv'iu s prezidentom obshchestva Bunina v Parizhe [Interview with the President of Bunin society in Paris]. URL: <https://tanya-mass.livejournal.com/4066548.html> (in Russian)
5. Muromtseva-Bunina V. N. (1989) Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu [Bunin's Life. Conversations with memory]. Moscow. (in Russian)
6. Ustami Buninykh. Dnevniky [From the Bunins' lips. Diaries] (2005) Compiled by M. Grin, foreword by Iu. Mal'tsev, in 2 vols., vol. 2. Moscow. (in Russian)
7. Fadeev A. V. Istoki patriotizma v istoricheskom i kul'turnom kontekste razvitiia rossiiskogo gosudarstva i obshchestva [The origins of patriotism in the historical and cultural context of the development of the Russian state and society]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-patriotizma-v-istoricheskom-i-kulturnom-kontekste-razvitiya-rossiyskogo-gosudarstva-i-obschestva> (in Russian)

«...Я родился в Воронеже на Дворянской улице»: музей И. А. Бунина открылся на родине писателя

22 октября 2020 года Россия празднует 150-летие со дня рождения поэта, писателя, переводчика, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина. Соответствующий указ был подписан Президентом Владимиром Путиным ещё в 2018 году. Глава государства отметил «выдающийся вклад в отечественную и мировую культуру», сделанный великим литератором. К знаменательной дате приурочено немало культурных мероприятий в пяти регионах, с которыми была так или иначе связана судьба классика.

Жизненный путь Бунина начался в Воронеже, поэтому при подготовке к юбилею администрация города и все равнодушные

люди сделали всё возможное для того, чтобы не только почтить память великого земляка, но и помочь всем желающим больше узнать о его биографии и творчестве.

Большую роль в сохранении наследия И. А. Бунина уже много лет играет Воронежский областной литературный музей имени И. С. Никитина – один из культурных центров столицы черноземья. Открытый в 1984 году, на сегодняшний день музей представляет собой обширный комплекс, состоящий из нескольких филиалов. До недавнего времени их насчитывалось пять, а к 150-летию И.А. Бунина решено было открыть новый, шестой, который стал долгожданным подарком для всех почитателей таланта великого писателя.

Более 500 единиц редких экспонатов, относящихся к бунинской теме, входят в коллекцию, часть которой была с 1990 года была представлена в трёх залах литературного музея, открытых к 120-летию писателя. Идея экспозиции с момента её создания заключалась в том, чтобы показать два российских дома Бунина: в Воронеже, где прошли первые три года его жизни, и в Одессе, откуда он в 1920 году отправился во Францию, навсегда оставив родину. Позже коллекцию пополнили материалы о периоде эмиграции – они были переданы в дар французской Ассоциацией друзей Бунина. Всё чаще поднимался вопрос об организации специального бунинского филиала. Только в 2015 году после масштабной выставки, приуроченной к 145-летию Бунина, губернатор Воронежской области Алексей Гордеев принял решение о создании музея Бунина. Впоследствии проект был поддержан новым губернатором Александром Гусевым.

Музей разместился во флигеле того самого дома, где родился будущий писатель – усадьбы Анны Германовской на Большой Дворянской улице. Воронежский поэт Алексей Прасолов в 1970-е годы так описывал этот особняк: «Первый этаж – кирпичный, с полуарочными проёмами, второй деревянный, видимо, восстановленный после оккупации... Четырёхугольные, из кирпича колонны, обвисший балкончик, романтическая в свое ветхости лестница, лепящаяся зигзагами по стене, мёртвые плети дикого хмеля, узкие, вроде бойниц, окошки... И здесь раздался крик младенца, которому суждено было в зрелости... скитальчески проплыть океаном, чтобы навсегда уйти из России и унести её в памяти такой, какой она только в этой неизмеримо глубокой памяти и могла тогда сохраниться – островком в море эмиграции...» (Цит. по: Рожкова Н. Островок в холодном море // Русская речь 2004. №3. – С. 33).

Реставрация флигеля заняла около двух лет. Директор Воронежского литературного музея им. И. С. Никитина Светлана Деркачева рассказывает: «У нас получился очень маленький музей: 52 квадратных метра». На них представлены (многие – впервые) экземпляры

из фондов бунинской коллекции, в том числе личные вещи писателя, его Библия, книги с его автографами, письма, а также живописные работы друзей писателя – художников Петра Нилуса и Евгения Буковецкого.

Перед создателями музея стояла непростая задача: сделать его уникальным, не похожим на своих предшественников в других городах. На помощь пришла оригинальная концепция. «Мы ушли от историко-биографического принципа. Также мы соединили два времени – бунинское и наше. Интерьер и экспонаты у нас говорят языком образов бунинских произведений. Очень интересный получился блок, посвящённый Петру Нилусу, тогда как ни в одном другом музее не представлена живопись этого художника, который был близким другом Бунина. Философия и концепция у нас вращаются вокруг бунинской России», — добавила С. А. Деркачёва.

При этом музей оснащён по последнему слову техники. Как обещает руководитель департамента культуры Воронежской области Мария Мазур, «он станет площадкой, где будут апробированы технологии дополненной реальности на платформе Artefact, созданной Министерством культуры в рамках федерального проекта «Цифровая культура». Это мультимедиа-гид по постоянной экспозиции музея, который позволяет посетителям получить детальную информацию об экспонате, на который наведён смартфон с установленным приложением».

Однако уже сейчас музейное пространство удачно дополняется мультимедийным контентом – это видеосюжеты, музыкальные композиции, оцифрованные экспонаты. Например, на столе под кожаной папкой с копиями писем скрывается интерактивный экран, прикосновение к которому позволяет «извлечь» эти письма из конвертов и ознакомиться с их содержанием. А рядом находится макет, где обозначены места бунинских путешествий. Дотрагиваясь до фигурки, посетитель включает проектор, демонстрирующий на стене короткий рассказ о пребывании писателя в этих местах

и строки Бунина, написанные в этой поездке. В интерьере, который воссоздаёт обстановку одесского дома Буковецкого (писатель прожил там последние два года перед эмиграцией), через окно-экран вторгаются документальные кадры послереволюционной России, а на подоконнике лежит демонстрационная книга с цитатами из «Окаянных дней». Всё это в сочетании с подробным описанием экспонатов и информационными табличками, включающими стенды экспозиции в биографический и исторический контекст, делает очень привлекательным не только организованное посещение музея с экскурсией, но и самостоятельный осмотр – прогулку по залам с медленным, вдумчивым погружением в мир Бунина.

Ещё одна особенность музея – дворик, продолжающий пространство экспозиции и оборудованный для проведения различных мероприятий.

Открытие состоялось на месяц раньше календарного юбилея Бунина, 22 сентября. «Мы специально сделали его не в день рождения писателя, с опережением, чтобы экспозицию смогло увидеть больше людей», – рассказывает директор музея. В эти сентябрьские дни в Воронеже проходили два крупных культурных события: ежегодный международный Платоновский фестиваль искусств и мультижанровый фестиваль «Русское лето». Традиционно они привлекают много гостей из других городов и стран. И хотя в этом году пандемия коронавируса внесла коррективы во многие планы, посетить новый музей смогли не только воронежцы.

На церемонии открытия выступил руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский. Он напомнил всем о том, что «имя Ивана Бунина – заветное не только для русской культуры. В его биографии, как в капле воды, отразился весь XX век со всеми его и славными, и трагическими событиями. Открытие музея Бунина в его отчем доме очень важно и знаково. Сегодня я прошелся по центру Воронежа, – сказал Сес-

лавинский, – и был поражён обилием мемориальных досок, связанных с великими литераторами, обилием памятников и музеев. Мало есть в России городов с такой развитой литературной картой. Музей Бунина станет её прекрасным дополнением».

Почетным гостем церемонии стала и председатель Ассоциации друзей Бунина во Франции, советник мэра французского города Граца по культурным вопросам Елена Королёва. Она передала в дар воронежскому музею книги о Провансе и письмо от мэра, рассказав, что в октябре 2020 года в Граце также будет заложен первый камень музея Бунина на вилле Бельведер, которая много лет была любимым местом писателя во Франции.

Тем временем в Воронеже вслед за открытием новой экспозиции пройдет ещё несколько юбилейных мероприятий. Запланированы круглый стол «Бунин: взгляд из XXI века», презентация аннотированного каталога собрания музея «По следам писательской судьбы: Бунин и его окружение» и научного издания «Бунинский Воронеж, хроника событий (1870-2020)». В Воронежском областном художественном музее имени И.Н. Крамского пройдет выставка, посвящённая творчеству писателя, где будут представлены работы современных художников. Впоследствии часть этих картин войдёт в фонд музея Бунина. Также к юбилею писателя выйдет трёхсерийный документальный фильм, который воронежский режиссер Александр Никонов снимает в местах, связанных с жизнью и творчеством Бунина.

Татьяна Юрьевна Яровая

Канд. филолог. наук, доцент, доцент

Екатерина Евгеньевна Орехова

Кандидат филологических наук, доцент

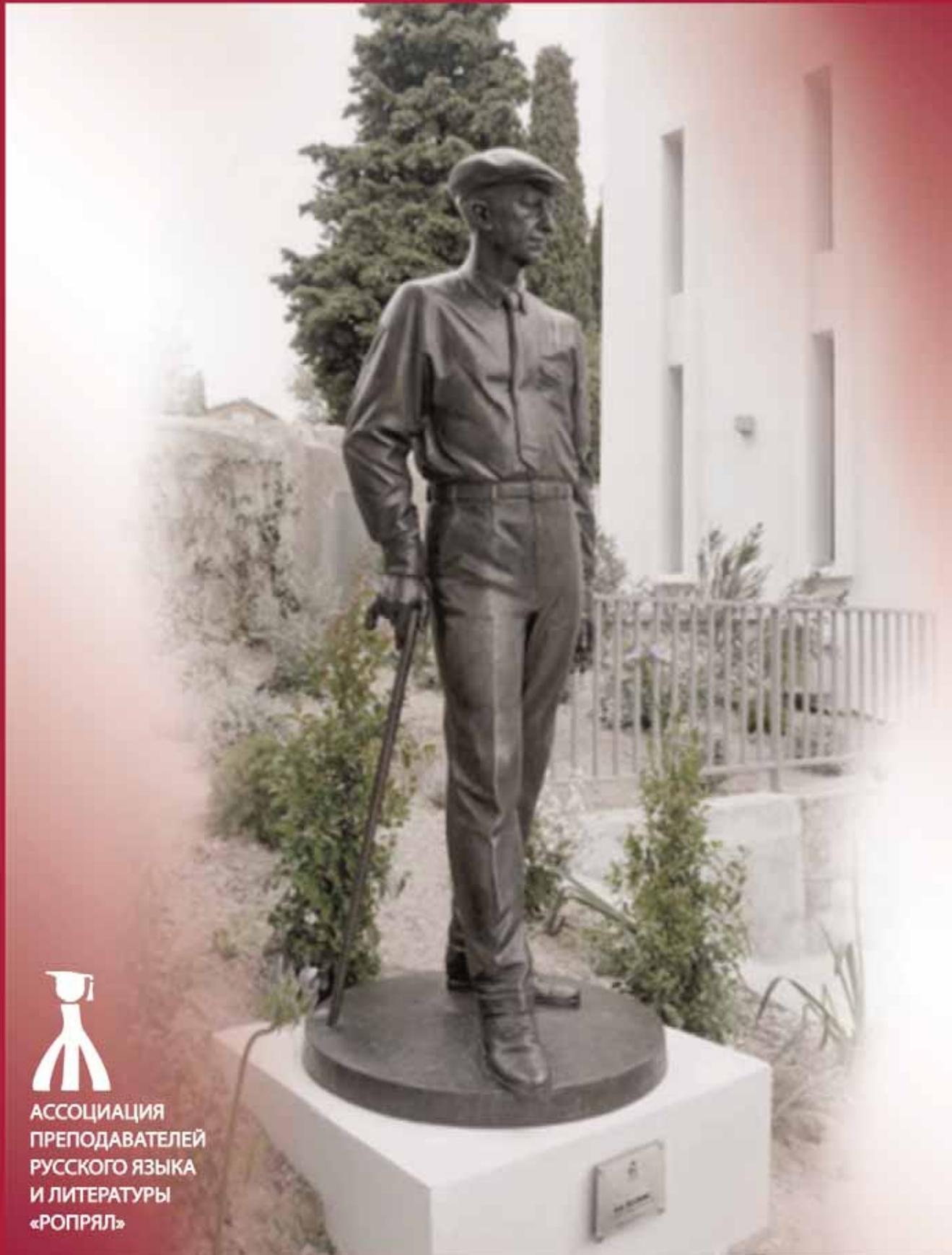
Редакция журнала выражает глубокую
благодарность коллегам, выступающим
рецензентами присылаемых в журнал статей.
Мы делаем журнал вместе.

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

ОТКРЫТИЕ МКЗЕЯ И. А. БУНИНА В ВОРОНЕЖЕ
(ВОРОНЕЖ, 22 СЕНТЯБРЯ 2020)

На первой обложке: О. Г. Верейский. Иллюстрация к рассказу И. А. Бунина;
на четвертой обложке: памятник И. А. Бунину в Грасе

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»